
ОГОНЁК
№ 16 АПРЕЛЬ 1990
ISSN 0131—0097
КТО
НА
НОВЕНЬКОГО?

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 16 (3274)

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

14 — 21 апреля

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Юрий Спиженко—министр здравоохранения Украины. (См. в номере материал «Зачем становиться министром».)

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 26.03.90. Подписано к печати 10.04.90. А 09429. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2097. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Нина ЧУГУНОВА,
Марк ШТЕЙНБОК (фото)

ЗАЧЕМ СТАНОВИТЬСЯ

Я спрашиваю министра:

— А вы не хотели бы быть министром в другой стране?

То есть, разумеется, говорю «в другой республике» и даже добавляю: «...скажем, в Узбекистане?» — желая быть правильно понятой и опасаясь, что «другая страна» вызовет в собеседнике опасное для смысла вопроса видение типа Италии-Франции. Но министр меня понимает.

Выслушав внимательно, как всегда, он только слегка запнулся, прежде чем, отвечая, расхохотаться.

День ветреный, мы встретились в восемь у министерства. В маленьком парке (там еще такое пышное зданьице, куда лишь недавно стали пускать простых людей, в левое крыло, организованными группами), в парке, нависающем над рекой, плавно прогуливались шестеро в серых шляпах одного образца. «Из Совмина. Прогуливаются каждое утро»,— сказал он бесстрастно, как врач. Тут серые шляпы разом повернули, что трудно без тренировки.

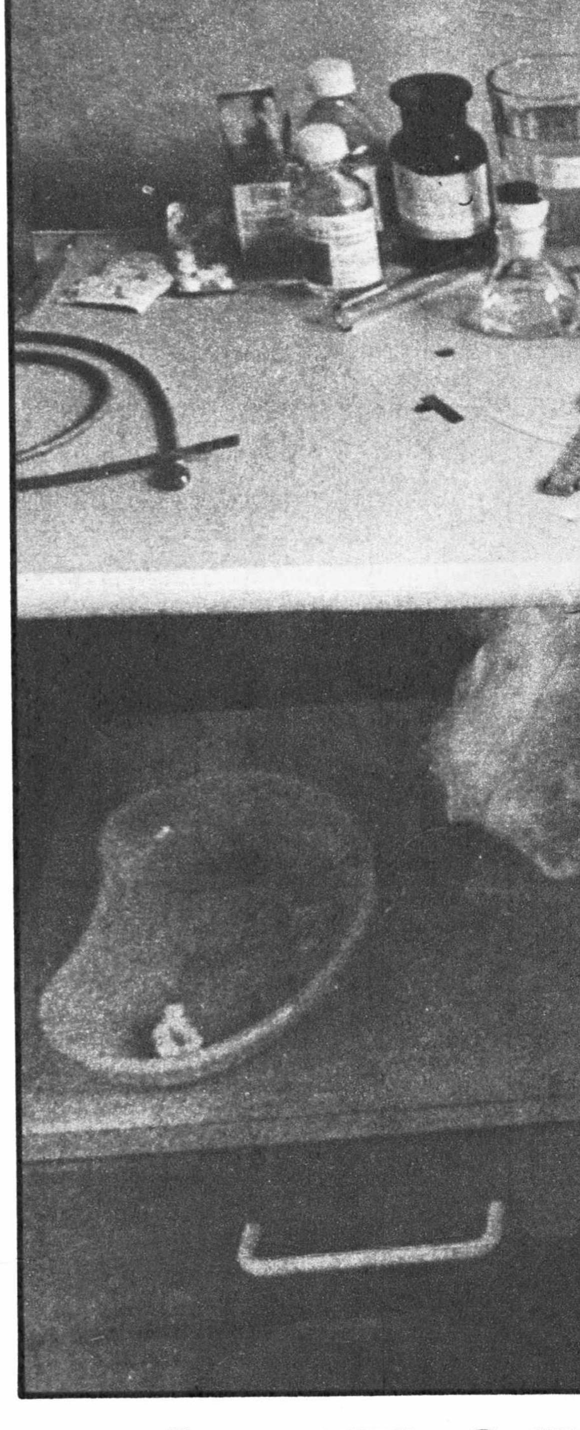
И пыльно дымился утренним золотом, как счастье, левый берег!..

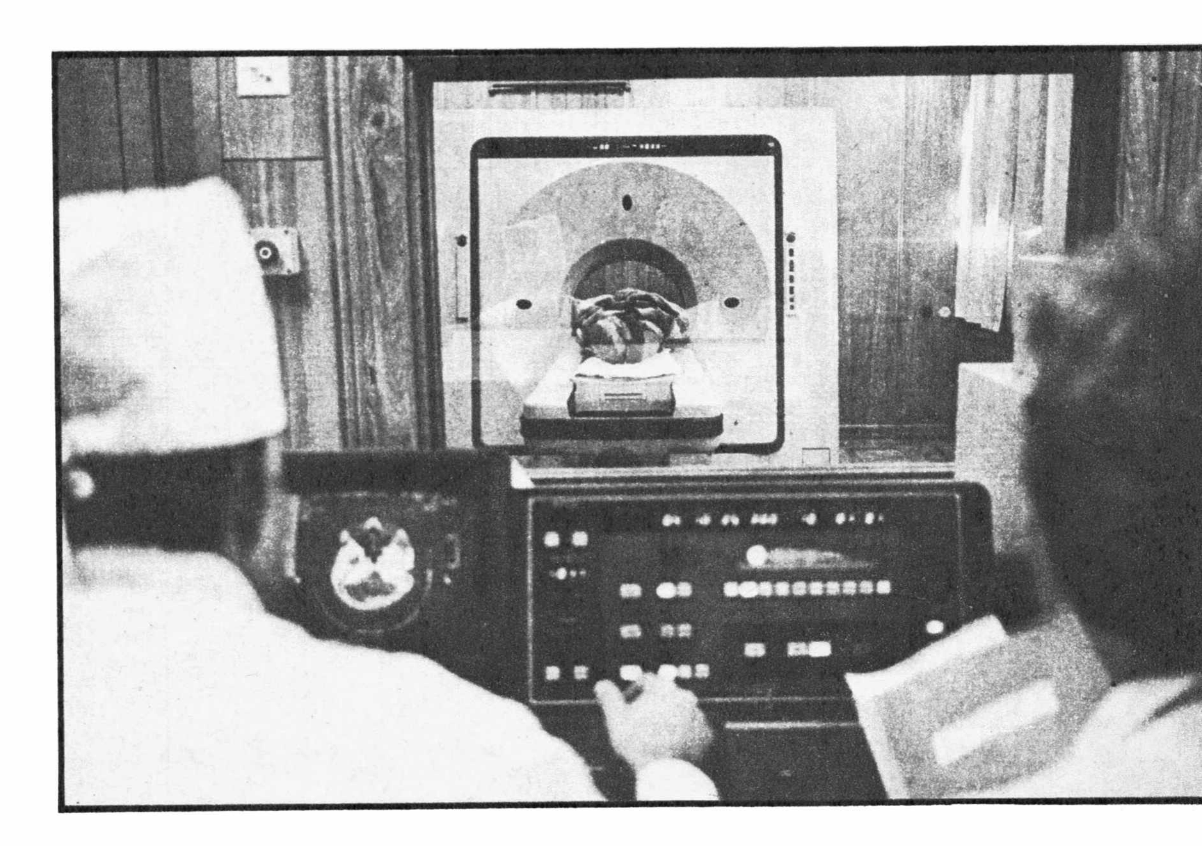
Там в приемной посетители. Посетительницы с ногами в черном кружеве, что модно. Нам секретарь приносит чаю в уже невиданном фарфоре. На это утро министр вызвал из Житомира главного терапевта Мальцева. В чернобыльский год они работали вместе. Вот сейчас приедет доктор Мальцев, он расскажет. «У него изумительная память на детали»,— сказал министр. Мальцев расскажет, как не оказалось йода. Он разволнуется. Он объявит свои упреки журналистам. А первым делом он вспомнит то же, что вспомнил и министр: когда уже лава из беженцев ползла от Припяти, житомирские врачи, и будущий министр тоже, это даже был его приказ как завоблздравотделом, врачи кинулись отпирать библиотеку, листать справочники.

Эта маленькая деталь кажется мне фантастической.

А ведь именно к житомирским врачам нет и не было претензий по поводу их действий во время чернобыльской аварии. Именно в Житомирской области — даже только в этой области! — врачи работали без понуканий из Киева и сумели организовать защиту населения. Сумели вопреки обстоятельствам, вопреки отсутствию необходимого, а возможно, и вопреки уже сложившейся привычке жить в фантастическом мире.

«Я занимался тем, что раздевал детишек для обследования»,— сейчас скажет мне Мальцев.

МИНИСТРОМ

Главное было расстегнуть ворот рубашечки.

Детей было много. Много тысяч. Детишек в рубашечках с наглухо застегнутыми воротничками. Они шли потоком и сначала подходили к Мальцеву.

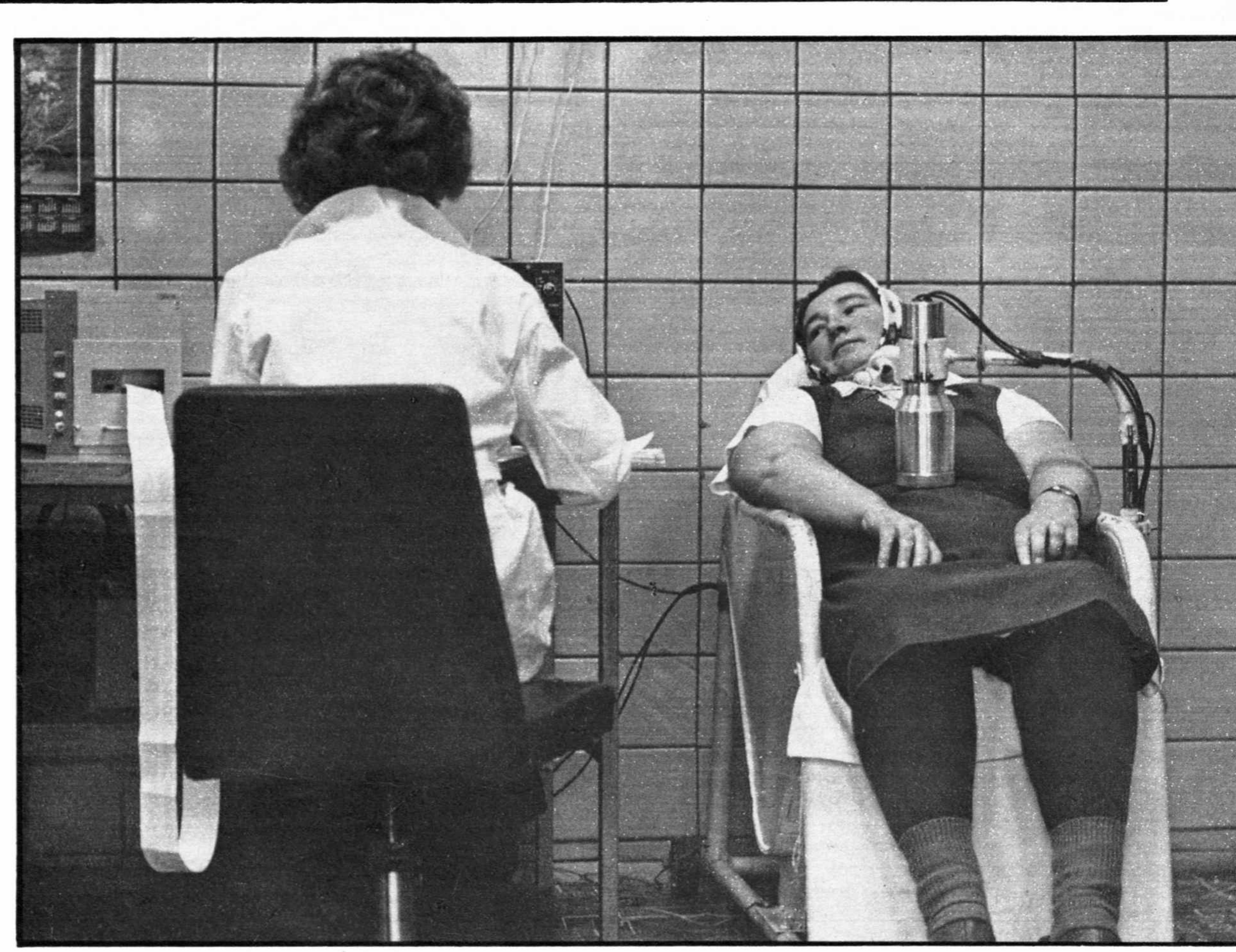
Но пока Мальцева нет, я задаю министру свой вопрос, и он, отвечая, смеется. Мне после было трудно определить характер его смеха. Ведь не в худшие дни мы разговариваем, не в худшие?

Юрий Спиженко чуть более полугода назад возглавил Министерство здравоохранения Украины. Нет нужды рассказывать о видениях, которые вызовет у большинства уточнение названий министерства и страны. В их свете «возглавил министерство» звучит пустой канцелярской фразой. А как сказать иначе? Принял на свое попечение немаленькое государство с не самым здоровым народом, пережившим не самые лучшие времена, в момент, полный тревоги? При том, что как врач отдавал себе отчет в том, что есть Чернобыль — не трагедия недавнего прошлого, но вечный и не до конца выясненный диагноз?

— Знаю я ваш интерес ко мне,— говорит он сначала, задираясь.— Министр, которому нет сорока!

— Да нет, одного этого маловато,— отвечаю я, в тон ли.

Ну, не странно ли, что не пройдет и недели, как другой человек в другой стране, высокий, грузный, немолодой, известный, махнет на меня рукой и скажет примерно то же? «Знаю я все ваши вопросы». Что ж общего было тогда между Юрием Спиженко и Альгирдасом Бразаускасом? Да ровным счетом ничего, и нечего тут объяснять читателю. Впрочем, одно сближало их, разделенных часом лета и судь-

бой. Оба в ту свою минуту, похоже, подозревали, что не именно они, но мифы о них нужны мне, а стечением личных и общих обстоятельств ни один из них готовым мифом не располагал. Один был слишком встревожен драматическим поворотом судьбы. Второй по молодости версией не успел запастись. И я, возможно, явилась им как угроза фальшивого и лживого изложения, а то была и угроза их правде, которой каждый был предан и каждый выносил, выстрадав не на людях. Вот почему, наверное, оба были искренни. Но в одном случае разговор прервался, едва начавшись — ведь хорошо он начался? — в другом — продолжился.

(Как хорошо мне было работать с большим артистом! Он свой рассказ начал без обиняков с детства. Он знал, он знал, что без его детства я никуда.)

Мой министр родился в деревне. Не надо этой фразе пролетать мимо вашего сознания! Он молодой: он не выбегал босоногим мальчишкой на берег великой реки, не прошел трудовую закалку помощником тракториста или учеником слесаря, не был выдвинут на освобожденный комсомольский труд, не работал первым секретарем горкома, не получил попутно образования, не вернулся в родной коллектив, чтобы возглавить его, и партия не направляла его на самые трудные участки, и те, кто был ему предан, не «оказывали ему товарищеского доверия».

Плохо то, что нами руководили выдвиженцы. Эта селекционная работа и привела к тому, что министр, родившийся в деревне, не вызывает в нас априорно ни восхищения, ни любопытства.

— Я,— говорит он,— рано женился, и у тестя в сарае оборудовал операционную, где оперировал собачек, тем более что общества защиты животных еще и не было. Я,— говорит,— собирался стать, видимо, великим хирургом.

— А где вы брали инструменты?

— Где?— говорит он.— А где их можно было взять? Как вы думаете?

Конечно, я не думаю, что инструменты можно купить.

— Крал! — говорит он.— Крал на кафедре.

В другой раз он говорит:

— Ну, какой я был в школе? Старался побольше металлолома сдать. Я же три года как начал что-то понимать. Многое ребята в Москве дали почитать.

И он говорит, что родился в деревне, единственный сын.

— Способности, наверное, средние, как у многих. А учился я до пятого класса хорошо, а потом, откровенно говоря, из-за детективов... мог спрятаться ночью под одеяло и читать... учебу запустил. А в восьмом классе мать начала плакать. Надо было куда-то идти. В ПТУ? Остаться в колхозе — это же, понимаете, крест. Математики не знал. Да, если честно, я, и когда кончил школу, ее не знал! А увлекался хронологией, неплохо знаю историю государства... нормандскую теорию, не Валентина Иванова!.. Ну, и мать как начала плакать: «Куда я тебя дену?» Сесть на трактор и — до конца жизни? Мать этого не хотела. А что такое одинокая женщина в селе? Это не женщина в городе, надо поросенка накормить, нарубить дрова... Этим я и занимался. Вместо уроков. Тут еще она заболела, и я наплакался. И дал себе слово: буду учиться без дураков. И девятый-десятый классы, хотя нагонять было трудно, и математики я так, честно говоря, и не нагнал!..

И еще он добавляет:

— Мы жили в какой-то поганой хате. А сосед строил красивый дом. И у меня была мечта: вырасту и построю больше.

— Вы выполнили свою мечту?

— Нет, к сожалению. Но это я пример такой привел. Знаете, дети, которые живут на селе и растут без отца, в большей степени испытывают... первобытные нравы... но это уж из более тонких аспектов. Во мне это развило ненормальную любовь к детям.

Дочке, которая сейчас, очевидно, по воле отца, учится в отрыве от дома, в другом городе и не в самом лучшем медицинском институте (проработав прежде санитаркой), дочери было два года, когда молодой хирург приступил к практике.

Он начал работать в районной больнице. Жить негде было. За четыре месяца хирург поменял три квартиры... беспрерывно оперируя в больнице. Теперь он о жене: «Я ей удивляюсь! Или она сильно верила в меня. Но, правда, я был одержимый. А их, женщин, не поймешь». В одной квартире, вот ужасная история, дочка вымазала помадой все стены.

— А потом я переехал и был хирургом в бывшем райцентре, а через год стал главным врачом больницы. И меня понесло! А просто уехал главврач, и никого не было. Уехал солидный мужик, который кончил два института. Никого не было! А я «энергичный, молодой, подвижный хирург». Между прочим, среди администраторов много хирургов. Сказывается умение принимать ответственные решения. То же кровотечение, оно мобилизует человека. Здесь размазня не может работать.

Наша бедность простиралась перед ним. «Что такое два врача в семье? Сто десять и сто десять. За квартиру сорок, за садик пятнадцать. Одеться надо... Потом мы забываем! Ведь вы же так же начинали? Посуду дали родители, а на ящиках пожили, мебель я купил лет через шесть. А административный путь мой складывался удачно! Через три года перевели главным врачом района, как в сказке. Но, правда, за три года мне удалось в какой-то мере порешать материальную базу: построить хозяйственный корпус, гараж, тротуары, заборы, дороги к больнице...»

Я понимаю, что прежде не было тротуаров, дорог, гаража.

— Молодой! — говорит министр.— Двадцать четыре года. Хочется, чтоб о тебе говорили хорошо. И потом: можно спать четыре, ну, пять часов, а остальное время нужно же чем-то заниматься? Кроме хирургии. Хотя я там много оперировал. А потом я поехал отпрашиваться в ординатуру, а мне мой предшественник на посту облздравотделом говорит: «Нет, поедешь главврачом в Олевский район». Жить было опять негде. Но коллектив подобрался молодежный, и мы субботниками построили шесть квартир, фундаменты уже были заложены. И опять же я три года поработал, и меня забрали в Житомир главным врачом. Да, я продолжал оперировать. Есть исследования, которые показывают, что на пятьдесят процентов авторитет главврача определяется тем, насколько он серьезен как клиницист.

О времени, в котором он оперировал и строил тротуары и дороги, он говорит:

— Опасности, которые подстерегают главврача? Да на каждом шагу, ради бога. И в тюрьму могли посадить. Ну, за все: что значило сделать тогда что-то? Я сейчас думаю: как это я все прошел?.. Любую ревизию — и нашли бы десяток недостатков вплоть до самых серьезных, за что можно было и исключить из партии, что тогда означало перечеркнуть всю жизнь, и должности лишить, и квартиры, я просто удивляюсь!

И я удивляюсь или не удивляюсь: новая человеческая биография, если ею гордиться, неизбежно будет включать «страх перед партией» или «страх перед Родиной», что означало простую вещь: что кто-то конкретный, отдельно от тебя всегда существующий гражданин твою жизнь перечеркнет. И молодость министра, показывающая, как недавно это было, вызывает мысли о вечном. И я думаю: возможно, не просто «молод был, хотел, чтоб говорили хорошо»? И когда он говорит попутно: «Во мне есть одна хорошая черта — объективность»,— я почти машинально спрашиваю: «Врожденная?»

— Да нет, наверное, воспитанная. Что в нас осталось врожденного? Все... вырожденное,— говорит он почти бесстрастно, как врач.

— Молодость, нахальство,— подводит он черту перед Житомиром.— Молодость, нахальство и — тыл. Когда что-то сделаешь, появляется ощущение тыла. Вот мне сейчас нужно два года, чтобы появился тыл, и я этого не скрываю. Если все будет нормально...

— Нормально?

— Да, если все будет нормально и не будет крови.

Бесстрастно.

Я думаю, что судьба его делает какой-то заповеданный ей оборот и что однажды уже было все нормально и был тыл, а потом была кровь. И разница между временами в том, что тогда, в 86-м, он не предвидел, не предчувствовал, не боялся, не мог предположить, а мог только броситься к книгам и вычитать. А теперь знает и может предположить, не нужно книг.

Зараженная кровь Чернобыля и пролитая кровь.

В восемьдесят шестом, то есть накануне, мой коллега написал о нем очерк, где он выглядит безмятежным героем труда. Юрий Спиженко тогда работал в Житомире.

— И это все было правдой! — сказал мне коллега.

«Юрий Прокофьевич Спиженко работает заведующим областным отделом здравоохранения всего два года, однако его опыт и опыт его коллег показывают: можно решать вопросы даже тогда, когда вроде и решить их невозможно, если руководствоваться старыми мерками».

«Юрий Прокофьевич Спиженко постоянно вызывал у нас чувство удивления и желание изъясняться междометиями типа «Ух ты!». Он шел по отделениям больницы стремительно и уверенно, как человек, знающий, чего он хочет, а главное — умеющий добиваться своего. Но к делу. Пора познакомить читателя с главным героем. Ему тридцать шесть лет. Самый молодой заведующий облздравотделом на Украине. Женат. Двое детей. Улыбается довольно редко... Любимое определение: «Нормально».

...«ЕСЛИ ВСЕ БУДЕТ НОРМАЛЬНО И НЕ БУДЕТ КРОВИ...»

* * *

Еще недавно мы сожалели, что хорошая героиня Жанна д'Арк не догадывалась о марксизме, и тогда в книгах о ней она начинала высказывать мысли наподобие марксистских.

— Вот вы начали практиковать и увидели, что уж негде воровать инструменты...

— Да вы меня оскорбляете.

— Нет, оскорбительно было ваше существование! И мое! Жизнь нищая. И вы, хирург, продираетесь через эту нищету, дороги строите, а где ваши инструменты — те, что вам действительно нужны?

— Жизнь нищая, а я видел, где она богатая? Что, я был в Англии? В Голландии? В ФРГ?

Я теряюсь. Я говорю безнадежно: «Но какие-то сведения должны были просачиваться»,— как бы предполагая, что для врачей издавался закрытый от народа бюллетень информации о том, как на самом деле можно лечить и оперировать.

— Просачивались! Что за рубежом операция стоит шестьдесят тысяч долларов и что очень плохо пациенту. Вы же и писали! А мне их было жаль, я думал, как это они там выживают, если операция аппендицита может погубить всю семью. Это я сейчас знаю, что четыре страны в мире: Англия, Ирландия, Италия и Дания — имеют государственную медицину вообще бесплатную. Вот сейчас мы создали солидную группу по подготовке проекта страховой медицины в республике... видите мои мозоли, а я министр, но я заставляю себя работать физически, потому что я иначе здесь не высижу! А если бы человек платил и знал, что эти деньги, если он не заболеет, откладываются к пенсии...

Он начинает говорить как министр, и я прерываю запись ради двух замечаний.

Первое. «Другая страна», как видим, все равно всплывает перед нашими глазами, тем явственнее, чем пристальнее мы вглядываемся в нашу жизнь и вдаль.

Второе. Однажды он роняет:

— Пять лет назад вы бы мне эти вопросы не задавали, а я бы — не отвечал.

Собственно, какие вопросы? Да пять лет назад мы бы с вами не сидели в этом вашем кабинете!

— В конце концов,— говорит он в другой день,— из меня бы вышел неплохой председатель колхоза. Плохим бы я не был!

* * *

Теперь о деле и о тылах.

— С чего началась ваша любовь к хирургии? — вдруг слышу я самое себя.

— Ни с чего! Но, конечно, министру нельзя так говорить.

А просто очень глупый вопрос. Вопрос, на который нормального ответа не может быть. Это то же, что спросить хирурга, где он берет необходимые инструменты. Ну, действительно, не крадет же и не покупает. На выставке-ярмарке медицинского оборудования и инструментария, которая наутро после нашего приезда открылась в министерстве и была очевидной гордостью и торжеством министра, я все-таки осмелилась этот вопрос задать человеку у выставленного образца — сверкающего набора хирургического инструментария.

— А раньше где брали?

— Просили... Левшу какого-нибудь,— уклончиво ответил он.

Итак, он был энергичный, молодой и подвижный хирург, а счастье судьбы заключалось в том, что жизнь не измотала его перемещениями по горизонтали, но он двигался вверх, на новом месте обеспечивал себе тылы, собирал единомышленников, то есть команду. Ну, и несомненным счастьем было то, что не было ревизии, имеющей определенную цель, так что никто жизнь не перечеркнул. Впрочем, читаю статью о Спиженко четырехлетней давности. «Назначение молодого главного врача на столь ответственную должность кое-кто из видавших виды ветеранов житомирского здравоохранения воспринял в штыки. Каждый шаг Спиженко с пристрастием изучался. Каждому приказу давалась своя оценка. Не обошлось и без писателей-доброжелателей. Надо отдать должное советским и партийным руководителям области: работайте, сказали они Юрию Прокофьевичу...»

Могли бы и не сказать. Когда мы перестали читать анонимки?

Интересно, насколько, по всей видимости, точно соответствовал времени не только стремительно восходивший наверх, но и стремительно менявшийся в этом наконец начавшем меняться времени хирург Спиженко. «Работайте, Юрий Прокофьевич»,— говорит ему партработник и руку жмет. Это вчерашний день, вчерашняя субординация: кто благодарен, кому благодарен.

Благодаря повседневной помощи партийного аппарата области завоблздравотделом Спиженко с единомышленниками удалось за два года сделать немало. Была создана мощная эндоскопическая служба, увеличилось число плановых операций на брюшной

полости, отчего (медики быстро поймут) снизилась летальность, значительно снизилась детская смертность: область перешла из отстающих в число передовых. За два года в области было построено и реконструировано около двухсот фельдшерско-акушерских пунктов... и при ремонте областной больницы была возведена парадная мраморная лестница!

Владимир Иванович Мальцев вошел в команду Спиженко, проработав завотделением в районной больнице, закончив аспирантуру, защитив диссертацию. Сейчас он занимает должность главного терапевта облздравотдела. Он рассказывает, чем в действительности обернулось «нормальное» положение вещей, «нормальное» положение медицины:

— Если не учитывать того, что об аварии было сообщено поздно, то трудно понять комплекс действий медиков. Мы оказались без информации. Например, указаний о йодопрофилактике не было и даже издавались приказы о том, что в этом нет необходимости!

Юрий Прокофьевич сказал мне: Владимир Иванович, указаний нет, йода таблетированного, который расписан во всех руководствах, нет, запасы разобраны населением, которое что-то услышало или знает, тысячи беженцев хлынули в область!.. Ведь не всех вывезли с Припяти, как теперь говорят. Но никто ж ничего не знал о размерах аварии! До первого мая обследовали всех, обошли по хатам, зашли в каждый дом, сделали анализ крови, детей посмотрел педиатр, взрослого — терапевт: мы понимали, что эти люди пострадали, но то, что и в нашей области есть проблема, что и у нас есть загрязнения,— об этом никто не знал! В первых числах мая мы ничего не знали! Спиженко говорит: «Подумай, что нужно сделать, чтобы провести йодопрофилактику». Мы тогда вместо таблеток рассчитали спиртовой настой йода... Мы пошли в библиотеку, взяли книжки, посчитали, рассчитали по возрастам и двадцать девятого или тридцатого по селекторному совещанию дали указание о проведении йодопрофилактики во всех районах области. Вскрыли неприкосновенный запас в больницах и развезли по районам. Но дозиметров не было ни одного... Эта дуристика начиналась, когда еще строили станцию!

Все первые дни принимались интуитивные решения. Потом начали поступать указания. 16 мая мы впервые получили геологический прибор с СЭРПЭ-68, который, как оказалось, способен определять поражения щитовидной железы. 19 мая нам привезли пять или шесть приборов. И мы в течение трех дней исследовали сотни тысяч человек. Спали по четыре часа. Мы брали анализ крови, делали клинический осмотр. Я кандидат наук и руководитель всей группы, меня шеф послал командующим северной группы, а моя функция была раздеть ребенка очень быстро, потому что нагрузка на бригаду была от 1200 до 1500 детей начиная от грудного возраста. Люди!.. Они становились в строй и шли один за другим, особенно в школах. Это было страшно. Они стояли, как мобилизованные офицеры-солдаты. И мы ничего не знали!..

В те дни лаборантов меняли каждые два дня, они начинали слепнуть. Но никто не подменял Мальцева, Спиженко и других.

— Вы лучше отдельно приезжайте,— сказал мне Мальцев.

Поэтому я привожу только фрагмент его речи для одного того, чтобы дать фантастическую картинку медика, противостоящего Чернобылю: бессонный, он вооружен картой погоды, прибором геологоразведки и спиртовым раствором йода. Бессонный и одинокий. Его работу перечеркнули давно, загодя те, кто его никогда не видел, не думал, не желал знать о его существовании. А может, также и те, кто пожимал ему руки и желал нормальной работы.

В том же году Юрий Спиженко получил назначение на должность замминистра. Он продолжал оперировать, шел к докторской. Три года пребывания в кресле замминистра не приблизили его к креслу министра. Это была отдельная жизнь...

Но он получил хорошую подготовку, он умножался в знании.

МИНИСТР

— Как вы стали министром?

— Стечением обстоятельств. Может быть, я продукт перестройки?

— А если б ваша кандидатура рассматривалась в другое время?

— В другое время она, наверное, не рассматривалась бы вовсе. Но откровенно скажу: Председателю Совета Министров принять решение о назначении меня министром ой как непросто.

— Даже сейчас?

— Сейчас. Практически не зная «этого зама»: он видел меня один раз. Это ж не то министерство! Это ж не министерство... металлолома. Солидное министерство, которое находится в самой тяжелой, в кризисной ситуации. Этому министерству хуже всего сегодня. Благодаря Чернобылю. И поставить меня... Надо было иметь смелость! Ну, рассматривалось несколько кандидатур, и сошлись на моей, и я считаю, что правильно! Это я повеселить вас.

— Но вы знаете, какое впечатление вы производите на людей?

— Не знаю. Мне никто этого не говорит. Если бы говорили...

— Вы должны это чувствовать. Вы сознательно эксплуатируете такие качества, как надежность, доступность, открытость?

Веселый смех.

— Вы играете?

— Конечно, все мы играем. Как я могу не играть? Я стараюсь быть... положительным героем.

— Вы сами говорили, что раньше положительный герой старался побольше ездить в черной машине, демонстрировать недоступность солидностью, костюмом...

— А что, у меня плохой костюм?

— Недавно вы пошли на телевидение и надели свитер.

— Я так просчитал: молодежная программа, будут сидеть мальчики по двадцать лет, они все будут в свитерах, а я что, хуже? Или у меня хуже свитер? И я думаю, что я удачно просчитал, потому что неформалами это воспринялось, как... «Такого ще нэ було!» И опять же просчитал: инструментарий я сделаю еще не скоро, а свитер мне надеть просто, так отчего ж не надеть? И вот мне сказали, что вчера одна представительница неформалов призывала поддерживать министра здравоохранения. К чему я и стремился!

— Что вы сказали им?

— Я говорю всем: товарищи. Формалы и неформалы. Вы хотите, чтоб народ был здоров? Давайте помогать мне.

Из выступления на сессии Верховного Совета УССР: «Товарищи депутаты! Министром я стал недавно. Однако в полной мере осознаю ответственность за чрезвычайную экологическую ситуацию, сложившуюся в республике. Думаю, что от Министерства здравоохранения ждут не только покаяния... Экологическую ситуацию в нашей республике министерство оценивает как катастрофическую. Только за счет промышленных выбросов в атмосферу на каждого жителя приходится свыше 300 килограммов вредных веществ. Остатки пестицидов, гербицидов, азотистых соединений, солей тяжелых металлов в избыточном количестве с продуктами питания попадают в организм человека. Из трехсот известных канцерогенов 102 постоянно присутствуют в воздухе больших городов. Мы находимся в плену иллюзий, разрабатывая и принимая программы, не подкрепляющиеся материально... Заболеваемость злокачественными опухолями увеличилась на 16 процентов, язвенной болезнью — на 32... Химическое загрязнение воздуха пагубно влияет на рождаемость и детскую смертность... Естественный прирост населения в республике в три раза ниже, чем в целом по стране. При такой ужасающей картине в нашей бесплатной охране здоровья не хватает элементарных средств для диагностики заболеваний и лечения. О таком дефиците уже давно забыли многие слаборазвитые страны Африки... Известно, что для преодоления кризисной экологической ситуации в западных странах, таких, как Швеция, ФРГ, понадобилось от 15 до 20 лет. Такого времени у нас в распоряжении нет».

ИСКРЕННОСТЬ (разговор в парке)

...Надо понять, кто же действительный виновник, кто заставил министра выступить по телевидению*? Я знаю, что был другой вариант его выступления, а потом его покромсали в ЦК. Но он об этом не заявил и не хочет заявлять. Это для меня странная позиция.

— А вы бы заявили о том, что вас принуждают?

— Я да. Я бы и не выступал. И заявил бы, конечно. Ведь существовали материалы. Надо было их предъявить.

— А если бы вас в Житомире тогда попросили выступить с уверениями, что все в порядке?

— В то время никто ничего не знал, кроме действительных профессионалов, их было, может, десятка полтора: в Ленинграде, в Обнинске и в биофизике. Я же говорю, я собрал четыре-пять кандидатов наук и сказал: ребята, что де-лать?

— Я вновь предлагаю вам ситуацию, когда вам партийные органы предлагают выступить с явной ложью. Тогда бы вы подчинились, вы согласились бы с тем, что правды «народ не поймет»?

— Здесь трудно сказать «нет», понимаешь, я такой смелый. Не знаю. Я бы посадил профессионала выступить. Не нужна была паника. Но не нужна была и демонстрация, во время которой дети получили по пятнадцати бэр на щитовидку. Но сработали наши догмы: успокоить народ — вывезти детей. Эвакуировать Киев не нужно было и невозможно: представьте, что весь Киев ринулся на единственный вокзал. Куда вывезти трехмиллионный город? Но беда была в полной неграмотности. Житомирская область формировала бригады врачей в помощь Киеву и тридцатикилометровой зоне, не зная, в каких масштабах пострадала Житомирская область... Володя все подробности помнит, я попросил его восстановить все, потому что... Потому что все еще впереди. С каждым годом масштабы больше, больше, больше!.. Сейчас захвачен уже не десяток районов. Уже молоко грязное не только в Народичском, в Лугинском, а только по Житомирской области в Коростенском, в Олевском, в Новоград-Волынском, в Емильчинском. В Ровенской области в шести районах! Все это досталось вам как министру. Втайне вы бы не хотели быть министром где-нибудь в другой... республике?

— С удовольствием! Конечно! (С коротким смешком.) Ведь это занимает процентов шестьдесят времени.

— Так?

— Конечно! Посмотрите: миллион двести тысяч человек занимают шестьдесят процентов времени моего как министра. А еще пятьдесят один миллион?

— А почему этим занимается министр?

— Сложилось так, что этими вопросами в министерствах занимаются замы, а я, будучи замминистра, понял, что сделать что-то очень трудно. Например, в части улучшения снабжения. А теперь мы за последние месяцы полностью решили проблемы этих районов с автотранспортом, улучшили снабжение медикаментами, значительную часть импортного оборудования им выделяем... Что нужно было сделать три года назад. Есть полнота власти! И я не хочу это снимать с себя.

ДРУГАЯ СТРАНА

—...когда это разразилось, не было ли у вас досадного чувства, что работал-работал и вот все рухнуло? Вы же говорили себе: нужно пять лет, чтобы «сделать» область.

— Чувство досады появилось месяца через два, когда стало ясно... что это практически безнадежно.

Министр при вступлении в должность, несомненно, должен был объявить свою программу. Но в момент его назначения эта программа уже выполнялась. Он задумал ее давно. А теперь получил права.

Что можно сегодня сделать на Украине для народа ради его здоровья и во имя его будущего? Что можно сделать реально, не составляя иллюзорных программ?

Новый министр убежден, что самый реалистический путь — оснащение медицины. Это приборы, инструментарий, лекарства. Единственное, в чем мы можем сегодня хоть сколько-нибудь быть уверены,— это руки врачей, их подготовка, их врачебная «техника». Как ни странно. Есть руки. Но руки пусты. Поэтому они зачастую бессильны помочь. Министр рассказал мне, что ежегодно Украина имеет по нескольку десятков предложений по новым лекарственным препаратам, многие из растительного сырья. Есть солидная научная база. В Москве препараты ждут утверждения по десять лет. Работают на Украине солидные институты — результаты везут в Москву и «складывают в кучу». Как можно сократить срок бессмысленного ожидания? Профессионал, практик согласится с тем, что торопить центр — это привычное и унизительное занятие. Знаменитый антиаллергический препарат «Вилозен», украинское открытие, претерпел множество настоящих мучений, прежде чем получил «путевку в жизнь». Спасти положение может только создание республиканского фармакологического комитета. Теперь такой комитет на Украине есть. Конечно, одного факта существования комитета мало. Нужна солидная база, нужны лаборатории...

— То есть результатов ждать не скоро?

— Нет. Это дело двух-трех лет. По десять лет люди ждать не могут. Они перестают верить. Вот вчера на выставке я даже услышал: как он сориентировался, показателей надо долго добиваться, а инструменты вот они, наглядно. А подумали бы: можно ли без техники, без инструментария ждать улучшения показателей?

Он говорит: подумайте над тем, чем же занимается медицина наша, даже если она оснащена техникой, лекарствами, если есть поликлиники и больницы, хорошие врачи?

Она занимается тем, что подхватывает человека у самого края.

Не ручаюсь, что он сказал именно эти слова, но на пленке сохранилась такая запись: «Не очень приятно по пять часов стоять перед людьми и отвечать на все вопросы, за всех отвечать. Они мне: дети болеют. Что я скажу? Что ваши дети болеют от плохого питания, недостатка витаминов?»

И из золотого утреннего дымящегося весеннего парка мы смотрим на огромный смрадный пустырь и думаем, что прорастет, что вырвется наверх.

Плохо: он перестал оперировать. А собирался быть великим хирургом. И стал бы.

*** Имеется в виду выступление министра Романенко в дни чернобыльской аварии.**

НАДЕЖНА ЛИ ОПОРА

Некоторые руководители партии обвиняют меня сегодня в предательстве по отношению к КПСС. Говорят — как же так? Герой Социалистического Труда, делегат двух последних съездов партии, сидел в президиуме XIX партконференции. Его партия сделала известным человеком, дала ему все, а он в тяжелый момент ее бросил. Конечно, предатель. И далее, как правило, следуют другие назидательные мотивы типа: «партия коммунистов становится другой, она решительно перестраивается, очищает свои ряды от лихоимцев и взяточников, борется против льгот и привилегий. Она решительно передает власть Советам». И как итог: сегодня нужно помочь нашей партии.

Все это я, естественно, принимал во внимание перед тем как сдать партбилет. Какие же доводы перевесили?

Первое. 70 с лишним лет партия была у власти. Вела народ, командовала им. К сожалению, результат плачевный. И для народа, и для рядовых членов партии. Кому хорошо? Может быть, руководству партии? Если нет, то тогда почему они так борются, отстаивая отжившие и окостенелые догмы, мешающие двинуться вперед?

Конечно, можно побороться внутри партии, попытаться ее перестроить. Но тогда в результате это будет совершенно другая партия. Возможно, так и нужно было бы поступить, если бы в КПСС входило все население нашей страны. Но это ведь не так. Нельзя спасение КПСС представлять как общенародную задачу, причем обязательную.

Сегодня, на мой взгляд, каждый коммунист обязан определиться, на что тратить силы, жизнь — на спасение партии или на спасение нашей страны. Разрываться больше невозможно.

Второе. Платформа КПСС — документ по тексту красивый. Но люди читают текст, а затем смотрят в окно, выходят на улицу, идут на работу и сравнивают текст с жизнью.

В Платформе говорится, что партия будет очищаться от нечестных людей. Но почему тогда партия сейчас не освобождается от тех, кто себя уже скомпрометировал?

В газете «Ленинское знамя» читаю, что Комитет народного контроля наказал коммуниста Рычина денежным начетом — суммой в три оклада. За что же так жестоко? По определению КНК товарищ Рычин «переплатил» при заключении договоров с инофирмами сначала 11,7 миллиона инвалютных рублей, а затем еще 10 миллионов. Рядовой читатель знает, что инвалютный рубль — это десять отечественных. Значит, «переплатил» коммунист Рычин за два года 220 миллионов рублей. Газ, оказывается, продавал по ценам ниже мировых, а овощи закупал по ценам выше. Для чего бы это?

Все «гдляновское» дело стоит 32 миллиона, а народ уже пятый год из-за него на ушах стоит. Здесь 220 миллионов, и — тишина. А кто такой товарищ Рычин? Он не просто коммунист, а генеральный директор агропромышленного комбината «Москва», народный депутат СССР от КПСС. И если бы только один этот факт.

И последнее. Чем объяснить энергичный и по-своему наглый захват только рождающейся Советской власти партийными комитетами разных уровней? Так называемое совместительство секретаря и председателя Совета. Нет, это не совместительство. Это подмена Советской власти уже обанкротившейся партийной.

Я больше не хочу принимать во всем этом внутрипартийное участие, являясь статистической единицей в партии. Раз статистов около 19 миллионов, то кто-то имеет право говорить и действовать от лица всех и тем самым вводить в заблуждение людей. Так что своим выходом я никого не предаю, просто вычитаю из статистической базы одну единицу. Но единицу действующую.

Н. ТРАВКИН,
народный депутат СССР

К своему письму прилагаю еще один документ; под ним, кроме моей, еще 105 депутатских подписей.

К ИЗБИРАТЕЛЯМ И ДЕПУТАТАМ РОССИИ ВСЕХ УРОВНЕЙ

Мы, народные депутаты РСФСР, прекрасно осознаем, что практически в каждом россиянине генетически заложено желание «погодить». Мы боимся обособиться — скажут: «Все не как у людей», боимся назваться партией, так как обидится КПСС, боимся назваться блоком, так как это отпугнет других депутатов. На все один довод: «Народ не поймет».

Но партийно-административный аппарат силен не идеями — он силен именно организационно-структурным объединением, и он не собирается распускать свои блоки: ни блок ЦК КПСС, ни блок ЦК ВЛКСМ, ни блок ВЦСПС, ни блоки отраслевых министерств. Наоборот, путем мимикрии, или, как они говорят, «через обновление», пытаются этой же сути придать псевдодемократичную форму.

Делаются судорожные попытки внедрить аналогичные структуры — блоки в нашей России: Федерация независимых профсоюзов РСФСР уже создана, ЦК комсомола и партии — на подходе.

Но от создания своих многочисленных российских ЦК-блоков, министерств-блоков жизнь России лучше не станет. Увеличится лишь число захребетников народа, которые, заняв высокие кресла, начнут нас убеждать, что теперь Россия суверенна и самостоятельна. И отныне российский народ имеет своих высоких командиров-защитников в полном комплекте.

Мы убедились, что эти товарищи из высокого аппарата, принимая решения, думают прежде всего о себе, своих приближенных и близких. Пять лет убаюкивающих заверений — устранить незаконные привилегии — не сделали спецблага менее обильными: меняются только названия спецльгот. Вместо принародно объявленного разделения партийной и государственной власти парторганы ведут повсеместный захват только что народившихся Советов.

Совмещение постов партийных секретарей и председателей Советов производится напористо, откровенно и беззастенчиво. В Краснодарском крае, руководимом неутомимым и неистовым коммунистом Полозковым, пошли еще дальше: совместили должность председателя сельсовета и председателя колхоза «Россия». Почин подхвачен и широко шагает по стране.

Жить становится все труднее. Однако система принимает решительные меры не когда они необходимы, а когда народ взвинчен, доведен до кипения, и самой системе угрожает опасность. И тогда меры, объявленные ранее как экстремистские, теперь провозглашаются инициативой ЦК КПСС. Вспомним, как происходила отмена 6-й статьи, как учреждался институт президентства, когда и как заявлялись более энергичные меры перехода к рыночной экономике.

Сейчас нам предлагают «потерпеть», призывают к гражданскому согласию. А еще нас призывают принять очередные трудности перехода к рыночной экономике как трудности временные, потому как поползут вверх цены. Хотя на втором Съезде народных депутатов СССР (всего 4 месяца назад) нам дружно доказали, что эти меры преждевременны и невозможны.

Мы вечно опаздываем, и российский парламент не может себе этого позволить впредь!

Мы устали быть бедными. Мы за рыночную экономику, за конкуренцию производителей во благо потребителей, но мы будем отстаивать такие экономические меры, которые не позволят нам снизить и без того позорный уровень жизни малообеспеченных граждан и лиц с фиксированными доходами. Потерять при переходе к рынку должны ворующие, распределяющие, сытая бюрократия. Для этого мы будем противостоять неприемлемой политике ужесточения налогов.

Мы будем добиваться резкого сокращения республиканских, глобальных и бесполезных проектов века, разорительных государственных программ, в том числе военных. Мы будем добиваться раскрепощения крестьянства. Рынок вводится для улучшения жизни человека, а не наращивания мощи «мифической державы». Нам не нужна «великая держава» с голодным и разутым народом.

Мы за восстановление государственности и суверенитета России с правом ВЕТО на любой закон СССР, если он противоречит интересам наших народов.

Мы за прекращение практики исполнения политической партией функций государственной власти. Считаем невозможным осуществление Советской власти на всех уровнях в республике по совместительству. Председатель Совета — единственная должность человека и гражданина, занимающего ее.

Мы за избрание Председателя Верховного Совета РСФСР сроком на два года. Время должно подталкивать в спину, побуждать к решительным шагам. Через два года мы призываем провести всенародные выборы Президента России и перейти к президентской форме правления.

Мы еще раз подтверждаем свою готовность к сотрудничеству и разумному компромиссу со всеми депутатами. Нам всем нужна возрожденная Россия, Россия демократическая.

Мы призываем народных депутатов Российской Федерации присоединиться к нам и надеемся на моральную поддержку избирателей.

Подписано 1 апреля 1990 года в городе Москве. Далее следует 106 подписей народных депутатов РСФСР.

*** Мнение выступающих под рубрикой «Свободная трибуна» может не совпадать с точкой зрения «Огонька».**

Сергей ПАНАСЕНКО

1

От Балтики до Адриатики и Черного моря недавно еще правившие партии восточноевропейских стран покидают политическую арену и удаляются в оппозицию или даже небытие. Терпят крах не просто правители или режимы. Терпит крах модель моноидеологического общества, рассыпается доктрина неопровержимости одного учения и одной партии. Провозглашение истины в последней инстанции родило сон разума, который, словно ржавчина, разъел постепенно философию, искусства, науки и под конец — практическую экономику. Паралич последней вытолкнул на улицы сотни тысяч демонстрантов. Лишенная внутреннего развития и движения сила истощилась, исчерпала себя и рухнула, увлекая за собой и власти предержащие.

В Советском Союзе положение двойственное. С одной стороны, перестройка и обновление были продекларированы новыми партийными лидерами на несколько лет раньше, чем их восточноевропейскими коллегами, и до определенной степени перемены в центральной державе социалистического лагеря были образцом или как минимум символом для реформаторов в соседних странах. С другой — за пять лет реформы в СССР не достигли той решительности, какой достигли они за пять месяцев в Восточной Германии или Чехословакии. В неприкосновенности сохранялись два тезиса: о верности марксизму-ленинизму и социалистическому выбору и о лидирующей роли коммунистической партии. Но поскольку в общественном сознании многие провалы и преступления минувших десятилетий прочно связаны как раз со слепым следованием этим двум догмам, постольку процесс реформ раздирали внутренние противоречия, внешним проявлением которых стали заметные колебания руководителей страны то вправо, то влево, непоследовательность в решениях и недостаток твердости в осуществлении начатого.

Мощный рывок западных соседей СССР, в считанные недели до неузнаваемости преобразивший идеологическую, а затем — экономическую и политическую карту Европы, теперь уже для советских радикалов стал примером для подражания. Точкой, вокруг которой тогда разгорелась самая жаркая схватка, стала 6-я статья Конституции СССР. Все помнят ожесточенный спор на втором Съезде народных депутатов и обескураживающий результат голосования, на совести которого половина разочарования и апатии, охвативших общество после закрытия Съезда.

Парадоксально, но факт: тогда народные избранники оказались менее демократичными, чем партаппаратчики! И основной итог февральского Пленума ЦК войдет в историю. КПСС публично торжественно отказалась от законодательно закрепленной монополии на власть, изъявив готовность бороться «за сохранение положения правящей партии в рамках демократического процесса, завоевывая на выборах голоса избирателей». Сейчас, когда на прежней 6-й статье поставлен крест, мало кто заметил, в каком затруднении очутились наши парламентарии из-за собственной нерешительности. Ведь каких-то четыре месяца назад они фактически выдали КПСС мандат на дальнейшее единоличное управление страной. И теперь они либо должны были вопреки рекомендации Пленума подтвердить свое прежнее решение и отказаться обсуждать 6-ю статью, либо пересмотреть его (что они и сделали) и тем самым лишний раз подтвердить, что они согласны легко менять точку зрения, если этого ждут на Старой площади.

Как бы там ни было, на отечественной политической сцене — хотя бы формально — возникла совершенно новая ситуация. И впервые обрел реальный, а не условно-ритуальный смысл вопрос: а насколько привлекательна и осуществима программа, посредством которой КПСС намеревается завоевывать «голоса избирателей»? Позволит ли она коммунистической партии вопреки тому, что наблюдается в восточноевропейских странах, остаться в Советском Союзе правящей?

Я буду рассматривать только мирное, парламентское развитие событий. Не потому, что «судорога», о которой толковал Петр Верховенский в «Бесах» Достоевского, невозможна. Тоска по «крепкой руке» и недовольство пустеющими прилавками нарастают, соединенная мощь консервативных сил очень велика, а их подозрительное отношение к демократическим переменам не подлежит сомнению: достаточно прочитать лишь распространенное в марте среди депутатов Верховного Совета СССР обращение сотрудников центрального аппарата КГБ. Умышленно распускаемые слухи служат для нагнетания обстановки, чему способствуют и участившиеся провокации против радикально-демократических сил. Однако любая попытка утопить начавшиеся процессы в крови ничего, кроме жертв и страданий, не принесет: следствием будет экономический крах страны, ее политический, финансовый, научный и экономический бойкот, а в результате — не национальное возрождение, а деградация, физическое и моральное вырождение, произвол и беззаконие. Я никого не запугиваю. Просто вариант этот бессмысленно анализировать из-за слишком большой степени неопределенности в возможных направлениях развития событий.

2

Но вернемся к Пленуму. Провозглашенный на нем отказ партии от монополии на власть сопровождался одновременно таким количеством оговорок, что я не спешил бы ликовать и праздновать победу демократических сил. Что из того, что политический плюрализм зафиксирован в проекте Платформы, а уточнения носили устный характер? В устах крупных партийных деятелей они уже не выражение их частной точки зрения, а существенное дополнение к общепартийной позиции, оправдание будущих отсрочек и проволочек в воплощении реальной многопартийности и состязательности в политической жизни. Эти коррективы, на мой взгляд, во многом лишают политическую часть Платформы реального смысла.

Вот первый аргумент, выдвинутый В. Месяцем, первым секретарем Московского обкома партии. «Кроме КПСС,— сказал он,— нет другой силы или общественного движения, способных объединить народ, поднять его на преодоление трудностей переходного периода, вывести страну из кризисной ситуации». Эстафету принял В. Ануфриев, второй секретарь ЦК Компартии Казахстана, утверждавший, что «пока не заработают новые экономические законы и появится саморазвитие экономики, партия должна выполнять свою руководящую роль...».

Не углубляясь пока в экономический анализ того, как партия намерена «вывести страну из кризисной ситуации», замечу, что такая позиция неминуемо означает еще годы и годы. Не хочу напоминать о десятилетиях тотального подавления любой политической оппозиции, что и дает сейчас партийным представителям возможность сетовать на отсутствие «второй силы» и пугать политическим вакуумом. Не стану говорить и о том, что опыт стремительного восхождения к власти «Саюдиса» свидетельствует о дремлющих политических силах, ждущих для своего выплеска только одного: свободы. Но позвольте спросить: на чем основана уверенность, что КПСС сумеет «сплотить, объединить, поднять»? Она занималась этим семьдесят три года, в результате чего и возникла потребность в перестройке. Мне лично более реалистичным кажется выступление А. Муталибова, первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, сказавшего: «Я не уверен в том, что партия сохранит свою руководящую роль в обществе на фоне огромных социальных проблем, которые еще не скоро будут, видимо, решены».

Да, среди заявивших о себе общественных движений, союзов и партий сегодня нет ни одного, реально способного увлечь за собой большинство граждан страны и сформировать однопартийное правительство. Но уже не способна на это — не прибегая к известным нам приемам — и КПСС. К счастью, стране ныне и едва ли требуется однопартийное (вне зависимости от платформы) правительство. Только правительство национального единства с участием всех влиятельных политических партий и формирований может спасти измученную страну, установить мир и удержать ее над обрывом. Поэтому в принципе можно было бы только приветствовать приглашение «к политическому диалогу и сотрудничеству со всеми, кто выступает за обновление социалистического общества», содержащееся в проекте Платформы. Но реален ли диалог, если одна из сторон заранее старается забронировать за собой «капитанский мостик» и оставляет за собой право решать, с кем она хочет вести переговоры?

Еще одним доводом за ссхранение на неопределенный срок льготного статуса для КПСС стало неоднократно, в разных вариантах повторенное утверждение, что партия была инициатором и творцом перестройки и поэтому только она может (разновидность — «должна») довести ее до конца. Мне всегда мерещилось, что в таких высказываниях больше почти детской обиды, чем политической логики.

Мне представляется, что фразы «партия призвала страну к перестройке», «перестройку начала партия» неверны. Ситуация в стране в середине 80-х годов вынудила высшее партийное и государственное руководство решиться на ряд реформ — как известно, далеко не единодушно. Радикализм этих начальных преобразований был минимальным. И не кризисные явления, как нам потом попытались объяснить, оказались глубже, чем предполагалось: их глубина была общеизвестна, тем более — членам правительства. Просто полумеры и четвертьмеры, не дав реального улучшения, раздразнили людей. И с этой секунды остановить цепную реакцию уже было нельзя. Консерваторы, не желавшие поступаться не столько принципами, сколько положением, были по-своему правы: уступки не утихомиривали страну, а возбуждали добиваться новых. Политическое руководство постоянно опаздывало, шло за ситуацией: в Закавказье, в Средней Азии, в Прибалтике и Молдавии.

На чем тогда основывается убежденность КПСС в необходимости сохранения своего руководящего статуса? На авторитете отдельных людей? Как бы там ни было, попытки совместить несовместимое — политический плюрализм и неоспоримое право Компартии еще неопределенный срок удерживать бразды правления — выглядят в высшей степени противоречиво.

3

О многопартийности на Пленуме говорили часто. И это не случайно. Совершенно очевидно, что страна де-факто уже существует в условиях многопартийности, хотя и деформированной, а ряд республик — и де-юре. С этой точки зрения спор — разрешать или не разрешать многопартийность, а если разрешать, то какую,— производил впечатление слегка отставшего от времени. И уж совсем странным было то, как обсуждали эту тему участники Пленума.

Остается только посочувствовать члену ЦК машинисту экскаватора А. Мясникову, всерьез рассуждавшему о том, что «страна пока не готова к переходу на многопартийную систему. Это не прибавило бы молока и мяса. Но зато наверняка резко обострило бы... борьбу за власть». Страна не дождалась его взмаха носовым платком! Удивляют эти разговоры о том, что «страна», «народ» к чему-то там не готовы: к демократии, к частной собственности, к многопартийности вот... Довольно! Довольно решать за народ, к чему он готов, а к чему — нет. Мы занимались этим много десятилетий. Итог — отсутствие «молока и мяса», замеченное А. Мясниковым. И тезис об изолированности проблем продовольствия и питания ложен. Мне уже приходилось писать о том, что во всем мире процветание экономики и расцвет демократических свобод ходят рука об руку, поэтому не буду повторяться. Тем более что тезис А. Мясникова в столь явном виде на Пленуме не подхватил никто.

Более цивилизованное решение предложил П. Лучинский. Он призвал «изучить глубоко опыт тех стран, где действует двухпартийная система...». Разумеется, «обе партии должны создаваться на основе социалистического выбора, но отличаться в методах работы, подходах...».

Вчитаемся внимательно. «Должны создаваться...» Кем? Как? Решением Пленума ЦК? Или на заседании Политбюро? И почему вообще одна партия решает, какие другие партии могут возникать в стране, то есть каких политических конкурентов она предпочитает иметь? Многопартийность — форма организации соревнования и сравнения политических и экономических идей и идеологий.

Создавать партию социалистического выбора или любого другого — право решать тех людей, которые в эту партию объединяются. И ничье больше. Потому с тревогой обнаружил я в проекте Платформы ЦК призыв законодательно запретить «создание и деятельность организаций и движений, которые... преследуют экстремистские... цели». Конечно, общество должно себя защищать от террористов черных, красных, трехцветных и любых иных. Любые партии и группировки, призывающие к насилию (безразлично, во имя чего), должны беспощадно преследоваться. Но что такое экстремистская организация? «Экстремизм», по Ожегову,— «приверженность к крайним взглядам и мерам». Можно ли за приверженность к взглядам (я не говорю о практических мерах) объявлять организацию вне закона? И кто будет определять, какие взгляды сегодня считать экстремистскими: сросшиеся с партаппаратом суды? Милиция?

Идею двухпартийной системы подхватил Е. Велихов, член ЦК и вице-президент Академии наук СССР. Ему тоже больше хочется, «чтобы были две коммунистические партии, стоящие на той

же социалистической платформе, чем какая-то еще одна партия, конкурирующая с коммунистической». Откуда такая боязнь политической конкуренции — это особый вопрос. Примечательны аргументы. Е. Велихов ссылается на опыт США и говорит: «Никто из нас не может отличить, по существу, платформу партии демократической и платформу партии республиканской». Что на это ответить? Во-первых, что в США все-таки действуют не две, а дюжина политических партий — от неофашистов до троцкистов, хотя реальной политической силой располагают только две, но это не результат принятых Конгрессом законов, а следствие привлекательности их платформ. Во-вторых, жаль, что вице-президент АН СССР, искренне мною уважаемый Е. Велихов, бывавший в США, «не может отличить, по существу», взгляды республиканцев и демократов, по ряду экономических принципов весьма далекие. Ну, и, в-третьих, к своей «двухпартийности» в современном виде США пришли за двести лет демократии. Она вызрела здесь, сложилась естественным образом, и уж если что копировать, то в таком случае — условия, а не результат. Он появится сам, если будут условия.

И все же если с многопартийностью в том или ином виде участники Пленума могли примириться, то вот борьба за власть у них почему-то вызвала значительно более резкую реакцию, хотя как можно вообразить реальную многопартийность без борьбы за власть? Точку зрения А. Мясникова мы помним. А первый секретарь Киевского обкома Компартии Украины Г. Ревенко связал утерю партией своей нынешней руководящей роли с разрушением «существующих институтов власти». В. Месяц, тоже член ЦК, предлагает разобраться, «кто действительно сторонник перестройки, а кто использует гласность... для борьбы за прямой захват власти».

И никто, ни один выступающий не возразил: да, желание обрести власть — естественная движущая пружина всякой многопартийности, всякой плюралистической политической системы! Как же можно принимать документ, декларирующий приверженность партии демократическим ценностям, оставаясь мысленно сторонником жесткого партийного контроля над властью, сторонником партократии?

Вообще вот это было самым поразительным на Пленуме: разрыв между словами проекта Платформы (по крайней мере в некоторых местах) и словами, а значит, убеждениями большинства выступавших. Как они теперь будут отстаивать Платформу, если с трибуны Пленума говорили нечто ей противоположное? Только подчиняясь «демократическому централизму»? Но хватит ли партийной дисциплины для того, чтобы они и действовали в соответствии с положениями Платформы?

Как, например, А. Корниенко, первый секретарь Киевского горкома КПУ, будет отстаивать «свободу слова, печати, митингов и демонстраций», если он считает, что «гласность нам нужна осмысленная, разумная, обусловленная глубокой народной нравственностью и культурой»? Осмысленность, разумность и обусловленность гласности кто будет определять? А как намерен бороться за «гуманный, демократический социализм» член Центральной Ревизионной Комиссии КПСС старший мастер В. Шабанов, кошмар тридцатилетнего сталинского террора именующий мягко «... ошибки и деформации, которые привели к нынешним трудностям», но зато не дающий спуску «органам массовой информации», которые, ясное дело, занимаются «очернительством нашего прошлого». «Во имя безбрежной свободы печати,— поучает он,— нельзя отказываться от ленинского принципа ее партийности, идти на идеологические уступки».

Удивительно, но не было даже попытки проанализировать, какие выводы вытекают из провозглашенного курса на многопартийность. В итоговом документе упомянут лишь закон о партиях, который, бесспорно, надо разрабатывать как можно скорее, на первых порах, вероятно, ограничившись даже временным положением. И это все? Но позвольте: а как быть с принципом партийности печати и других средств массовой информации, который столько десятилетий деформирует советскую журналистику? Ведь многопартийность исключает его. А как сейчас уже поступать с первичными парторганизациями, в особенности в армии, госбезопасности, органах правосудия? И как теперь должна выглядеть процедура назначения на ответственную должность, что до сих пор обязательно сопровождалось «освящением» кандидата партийными инстанциями? Задумались ли участники Пленума над этим? Еще как! «...ослаблен и важнейший рычаг партии — кадровый»,— предупреждал первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Б. Гидаспов. «Партия не сумеет выполнить своего предназначения... если выпустит из рук главные рычаги кадровой политики»,— согласен с ним И. Каримов, первый секретарь ЦК КП Узбекистана.

4

Некоторые критики Платформы на Пленуме и после упрекали ее в излишней декларативности. Документ изобилует обещаниями самого разного содержания, но нигде не уточняется, каким образом, через какие государственные, общественные, экономические механизмы КПСС полагает эти обещания выполнить. За счет чего партия сумеет добиться к 2000 году «наращивания темпов и существенного повышения качества жилищного строительства»? Как собирается достичь «совершенствования медицинского обслуживания»? Чем обеспечит «развитие всей сферы образования, просвещения и культуры»? И так далее.

Написанный, как верно подметил академик Шаталин, языком проповеди, текст не убеждает, не доказывает, а снова предлагает поверить на слово. Предвыборные обещания любой партии или любого деятеля во всем мире обязательно предполагают элемент веры, но ей обязательно сопутствует хотя бы намек, хотя бы самые общие рассуждения претендента, как он собирается добиться обещанного. Проект Платформы этого лишен. И указанный недостаток нельзя ликвидировать простым прибавлением одного-двух разделов.

Вот вопрос: а кто в стране против надежной законодательной защиты личности и достоинства гражданина? развития и укрепления политических прав граждан? права на труд? свободы совести? охраны природы? Кто намерен сопротивляться улучшению труда и быта женщин? заботе о ветеранах и инвалидах? о детях? Где такие люди или партии? Вопросы не праздные. Ведь именно это обещают отстаивать и настойчиво добиваться коммунисты, за это выступает КПСС. Но за это же выступают и все общественные течения, от «Памяти» до анархо-синдикалистов. И не секрет, что наступление на права человека, отравление природы и нищета миллионов «хозяев страны» — все это плоды десятилетий безраздельного правления партийных чиновников. А теперь против всего этого те же чиновники обещают сражаться? Но с кем? С собой? Где враг, в которого мечут стрелы авторы проекта?

Не бороться за свободу и экономическое процветание с собой во главе должна сейчас КПСС, а оставить попытки руководить сразу всем на свете. И для общества, и для самой же партии гораздо лучше будет, если вместо усилий объять необъятное и в своей Платформе определить отношение абсолютно ко всему, от НТП до льгот чиновникам — если вместо этого КПСС сосредоточится на двух-трех-четырех самых «горячих», самых больных точках современности и попытается предложить свой конкурентоспособный рецепт их лечения. Брать бы надо было не шириной захвата, а глубиной проработки проблемы. Тем более что интеллектуальные силы у партии пока еще для этого сохранились. Возможен и обратный вариант: КПСС могла бы сделать упор на решении концептуальных вопросов высшего порядка. Например, выяснить наконец, что такое социализм и его недавно «открытая» нами разновидность — «демократический социализм».

Одна попытка ответить на этот ключевой для проекта, а значит, для политического будущего КПСС вопрос была сделана членом Политбюро, секретарем ЦК Е. Лигачевым. «Самым ценным в нашей жизни,— сказал он,— всегда была уверенность советских людей в завтрашнем дне, а ведь это и есть социализм, во всяком случае, его характерная черта». Сразу на ум приходит еще одно чувство, также присущее советскому человеку — не забыли? — чувство глубокого удовлетворения... И ведь чертовски прав Е. Лигачев: долгие годы мы и впрямь точно знали, что ни завтра, ни послезавтра, ни на будущей неделе нас не ждут никакие перемены, никакие перестройки. И мы жили и думали соответственно. Для тех, кто руководил нами, это действительно было очень ценно. Можно понять, почему они скорбят нынче об утрате той «уверенности». Но вдруг Е. Лигачев вторично прав, и общество поголовной, тотальной уверенности в завтрашнем дне и есть социализм в законченном виде? К сожалению, создатели проекта Платформы не стали анализировать это, ограничившись уверением, что представляют на суд партии и народа ни много ни мало — новую концепцию социализма, «в основе которой лежат принципы гуманизма и демократии». Однако разумно ли это — провозглашать «новый курс», не разобравшись, чем же мы уже располагаем, не дав политэкономическую, социологическую, культуроведческую оценку существующим структурам общества? Ведь если правы те, кто утверждает, что за семьдесят с лишним лет мы построили именно то, что собирались построить, и, следовательно, вокруг простирается стопроцентный марксистско-ленинский социализм — начальная стадия коммунизма,— то тогда ни о каком «демократическом социализме» не может быть и речи. А если они заблуждаются, то это надо доказать и хотя бы намеки на это должны присутствовать в проекте.

5

На путь реформ и перестройки пять лет назад толкнула ухудшавшаяся экономическая ситуация. С тех пор законам, указам и постановлениям на экономическую тему счет пошел на десятки. За то же время не увидел света ни один официальный документ, относящийся к свободе информации, гласности, свободе слова (только сейчас в муках рождается Закон о печати — и неясно, родится ли). По части же достигнутого соотношение между этими двумя сферами обратное. Если кино, газетам, журналам, теле- и радиовещанию есть чем гордиться, то экономика продолжает напоминать снежную лавину, с увеличивающейся скоростью скользящую вниз по склону. Показанные Госкомстатом 3 процента прироста валового национального продукта в 1989 году при отсутствии механизма исключения из счета инфляции и роста цен означают как минимум стагнацию, а более реально — падение общего производства. И поэтому экономическая часть проекта — в случае, если бы там содержались серьезные проработки и предложения по оздоровлению народного хозяйства,— смогла бы «побить» общественно-политическую часть, перевесить ее и привлечь множество сторонников. В конце концов истории известны случаи, когда продуманные экономические программы вытаскивали из разрухи к благополучию и демократии режимы, начинавшие весьма антидемократично. Увы, судя по тексту, ни южнокорейский, ни чилийский варианты нас не ждут. Да и на так называемую «программу Бальцеровича» по радикальной реформе польской экономики этот документ не похож...

Уже само название соответствующего раздела — «За эффективную планово-рыночную экономику» — рождает недоумение. Первенство плана в этом кентавре каждому, кто хоть чуть-чуть знаком со словесными играми наших чиновников, немедленно подает знак, что планомерность развития страны остается непоколебимой, что план постарому будет локомотивом, к которому просто цепляется вагон рынка. Не успокаивают ссылки на то, что централизованное планирование как «по сути своей социалистический принцип хозяйствования нашел применение во многих странах», что, конечно, «исключительно важное значение имеет определение точной меры и методов такого воздействия». Да и попытки ограничить поле планирования «стратегическими задачами» сомнительны: в стране, где девять наименований товаров из десяти — в списке дефицита, мыло и мужские носки неизбежно окажутся в числе стратегических целей. И завертится привычное колесо...

Наши экономисты, ратующие за мощное государственное регулирование народного хозяйства и при этом активно ссылающиеся на западный опыт, почему-то упускают из вида, что там государственное регулирование понадобилось, чтобы совладать с жесточайшими кризисами перепроизводства. Сперва там была рыночная экономика классического образца со всеми приметами, плохими и хорошими, а уж после того, как она наполнила прилавки, на нее наложили государственное регулирование. Мы же начинаем с конца: с изобретения механизма регулирования того, чего не имеем, что нам просто рано регулировать. Я уж и не говорю, что лет десять назад кейнсианские, неокейнсианские, лейбористские и тому подобные идеи государственного регулирования экономики оказались под сильным огнем критики. И сегодня многие государства отказываются от вмешательства в дела частного бизнеса, считая, что общество от этого больше выиграет, чем проиграет. Растет интерес к неоконсервативным теориям — в частности к экономической философии фон Хайека. А мы — мы взахлеб повторяем, да еще и в вульгаризированном виде, вчерашние мысли западной политэкономии, выдавая их за откровение.

Крайне неудовлетворительно, на мой взгляд, решается в проекте Платформы и краеугольный вопрос собственности. Декларация «за многообразие ее форм» не более чем лозунг, потому что одно дело — быть теоретически, абстрактно за что-то и совсем иное — добиваться, чтобы это что-то укрепилось в повседневной жизни. Дальнейшие же формулировки проекта настраивают на пессимистический лад. «КПСС считает, что современному этапу экономического развития страны не противоречит наличие трудовой индивидуальной собственности, в том числе на средства производства». Тут что ни слово, то загадка. Современному этапу не противоречит. А завтра начнет противоречить — и «экспроприируем экспроприаторов»? Мы ведь уже вводили нэп всерьез и надолго, но через несколько лет Сталин громогласно объявил: «Ленин говорил, что нэп введена всерьез и надолго. Но он никогда не говорил, что нэп введена навсегда!» И, строго говоря, был прав...

А куда исчезло понятие частной собственности, фигурировавшее в «проекте проекта»? Была там еще и групповая, долевая, паевая собственность... Все исчезло! Да и как было не исчезнуть, если Е. Лигачев справедливо напомнил собравшимся, что борьба с проникновением в социалистическое общество частной собственности — «это вопрос нашего будущего». Многим уча-

стникам Пленума было дорого их будущее. И редакционная комиссия решила, очевидно, что ради него можно немножко поступиться будущим страны...

Множество попутных вопросов возникает при чтении этого раздела проекта. Что скрывается за понятием «трудовая собственность»? Почему собственность на средства производства допускается только «в том числе»? И как обстоит дело с землей: считается она средством производства или нет? Наконец, почему, вместо того чтобы хотя бы в общих чертах обрисовать программу исправления катастрофической ситуации с потребительскими товарами, КПСС обещает только «содействовать реализации комплекса мер, позволяющих добиться прогресса в насыщении рынка»,— и что это вообще значит? Но нет необходимости добиваться ответов. Даже если бы они в исчерпывающем виде содержались в проекте, все равно их суть перечеркивалась бы уже известным нам разрывом, даже противоречием между весьма умеренным, но всетаки либерализмом Платформы и откровенным консерватизмом большинства участников Пленума.

«...Необходимо ввести регулирование фонда оплаты труда в пределах роста объема производства... усилить контроль финансовых органов... усилить экономический контроль за хозяйственной деятельностью предприятий и организаций страны...» — к этому призвал член Политбюро и секретарь ЦК Н. Слюньков. К слову говоря, названная им цифра — 9 процентов прироста фондов оплаты труда по стране — означает при примерно 10-процентной инфляции поголовное снижение реальной заработной платы и реального уровня жизни. И когда продираешься сквозь привычные уху отраслевые и региональные самоотчеты («В большинстве наших коллективов ведется активный поиск решений...», «С большим желанием берется наш коллектив за освоение...» — вплоть до проблемы повышения закупочной цены на хлопок-сырец), то оказывается, что эту жесткую линию одобряют почти все выступавшие на Пленуме.

К отмене многих статей законов о госпредприятии и о кооперации призвал Б. Гидаспов. Он предельно откровенен: «Провести денежную реформу, ввести экономически обоснованные цены, жестко контролировать выполнение производственных планов и, наверное, ввести государственную карточную систему на основные продовольственные товары... Там, где бессильны традиционные государственные меры, необходимо применять меры партийной и политической ответственности».

Удивительно, что об этом приходится вновь напоминать: да ведь было, было все это — и реформа, ни одного дельца не пустившая по миру, но ограбившая стариков да пыхтевших от зарплаты до зарплаты людей, и с потолка взятые «обоснованные цены», не покрывавшие затрат, и жесткий контроль, вызвавший эпидемию приписок, и даже карточки, по которым беспросветно живут две трети страны, не говоря уж о «политической ответственности» в виде внесудебных троек. Было — и ничего не дало. Страну разорили, пытаясь командами организовать изобилие и посрамить экономические законы, но будто с другой планеты спустившийся и не из наших магазинов питающийся В. Шабанов запугивает: «Некоторые ученые мужи вместе с неформалами, разного рода националистами и дельцами теневой экономики толкают страну на путь буржуазного реформаторства, восстановления частной собственности... Но согласиться с таким ходом событий мы, рабочие, не можем».

Именно так: не «я, Шабанов», а «мы, рабочие»!

За последний год мы изрядно наслушались надрывных ссылок на то, что «народ требует», «народ не позволит» и т. п. Поразительно, но к имени народа обращаются исключительно в тех случаях, когда надо что-то пресечь, закрыть, разогнать, словно народ — колоссальный жандармский полк. «Народ обеспокоен тем, куда мы идем»,— предупреждал Пленум первый секретарь МГК КПСС Ю. Прокофьев. «Десятки лет наши люди воспитывались в духе «дать больше обществу, чем себе»,— напомнил о беззастенчивом грабеже миллионов тружеников Е. Соколов, член ЦК КПСС и первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии.— Они, а также ветераны, ушедшие на заслуженный отдых, являются истинными хозяевами всего созданного. Им и решать, какие формы собственности иметь». Во всех подобных высказываниях видна непоколебимая уверенность, что говорящий точно знает, чего ждет и хочет народ, а пресловутые «экономисты» и даже народные депутаты — нет.

Пожалуй, никогда прежде пренебрежение советскими парламентариями не проявлялось на партийных форумах так отчетливо, как при обсуждении февральским Пленумом экономических проблем. Вот выступает член ЦК В. Бровиков. Посол в Польше, сколько ценного и интересного он мог бы рассказать — хотя бы о принятом в октябре 1989 года Советом Министров республики плане экономических реформ. Но вместо этого — язвительные замечания обо всем и непременный уже камень в огород кооперативного движения, которое в результате «злополучного закона» приобрело не устраивающий В. Бровикова «размах от шашлыков до танков» и потому «дает эффект прямо противоположный тому, который обещали законодатели».

Законодатели, выходит, проморгали... Неужто Чрезвычайный и Полномочный Посол В. Бровиков не знает, как с первого дня действия закона центральные, республиканские и местные ведомства и органы власти принялись издавать дополнения, разъяснения и положения на тему, говоря словами Салтыкова-Щедрина, «како в благопотребное время на законы наступать надлежит» и «како таковым благопотребным на закон наступлениям приличное в законах же оправдание находить». Чему, впрочем, изумляться, если для них, привыкших быть в своей отрасли или регионе вершителями судеб, закон этот и впрямь был «злополучным»! Только при чем тут народные депутаты?

Впрочем, В. Бровиков придерживался еще вполне парламентского лексикона. В. Ануфриев выразился покрепче. «Правительство,— резал он правдуматку,— стало заложником Верховного Совета, прожигая время на его заседаниях. А дело... стоит». Не в высказывании В. Ануфриева суть — в конце концов может же человек не любить наш парламент! — а в молчании, с которым премьер-министр Н. Рыжков и (в ту пору) Председатель Верховного Совета М. Горбачев встретили это прямое оскорбление.

6

Каков же итог? Стране предъявлен документ, который по замыслу должен лечь в основу предвыборной кампании КПСС. Сама по себе Платформа слишком мало напоминает программный документ той степени смелости и проработанности, в каком нуждаются сегодня общество, страна, экономика. Но попытки воплощения даже этих, весьма умеренных статей повсеместно натолкнутся на явное или скрытое сопротивление. Ведь до сих пор КПСС — в последнюю очередь политическая партия, а в первую — особая структура государственного управления. Соответственно логика и поступки партаппаратчика — это зачастую логика и поступки чиновника, клерка, а не политического деятеля. Политическая борьба за власть, предвыборные баталии, демократические выборы — все это в общем-то мешает ему и кажется выдуманной далеких от жизни столичных теоретиков. В результате же такой позиции отнюдь не растет доверие избирателей.

ЕЩЕ РАЗ О ПЕНСИИ ● ОФИЦЕР ЗАПАСА ● НА СБОРАХ

■

Принимая в целом Закон о пенсиях, хотелось бы высказаться о некоторых его положениях, нуждающихся в поправке.

Сейчас на пенсию ушли или уходят те, кто отстояли свободу Родины или самозабвенно трудились в наиболее тяжелые первые послевоенные годы, поднимая ее из руин. Заработная плата была маленькой. Ползучая, а затем лавинообразная инфляция в несколько раз взвинтила цены, повысилась и зарплата. Однако в среднем она была значительно меньше, чем теперь. Вот и получается, что те, кто вынес тяжесть восстановления Родины после Великой Отечественной войны, получают мизерную пенсию.

Предлагаю произвести перерасчет цен за последние 5 лет работы пенсионера по тем индексам, которые использованы в статье «Парадоксы статистики» («Аргументы и факты» № 3, 1990 г.) при составлении индекса личного потребления на душу населения, вот тогда и пенсия получится более соответствующей реалиям сегодняшнего дня.

Многие пенсионеры работают, в том числе и после получения права на пенсию. Причины: желание помочь детям, невысокий материальный достаток, боязнь менять образ жизни. Считаю целесообразным все проработанное время, в том числе и пребывание на пенсии, включать в нее при условии, что пенсия не будет более 75% заработка.

Я работаю врачом почти 40 лет. За это время появилось много новых уникальных по своему действию лекарств, но... увы, стоят они дорого! Не по карману многие из них пенсионерам. Предлагаю предусмотреть в законе оплату пенсионерам 25—50% стоимости лекарств, то есть выдавать их на льготных условиях,— это облегчит жизнь многих из них. Сделает их социально защищеннее.

Законом о пенсиях предусмотрено начисление пенсии только с основной ставки, без учета совместительства. Справедливо ли это? Большинство совместителей — врачи и сестры, нянечки больниц, учителя и сотрудники детских садов — преимущественно женщины, совмещающие не от излишнего здоровья и времени, а в связи с нищенской зарплатой, чтобы как-то прокормить семью.

Поэтому вношу предложение исчислять пенсию из всего заработка, а не оклада, учитывая и совместительство.

В. БЫХОВСКИЙ,
врач
Фрунзе

■

Наблюдая на сессии Верховного Совета лихие атаки некоторых депутатов военного корпуса, слушая их обвинения в адрес прессы в неком «очернительстве» ВС и заверения, что, мол, в вверенных частях все хорошо, я не могу не припомнить некоторые факты, с которыми столкнулся, когда меня призвали на 55-дневные сборы по подготовке командиров.

Учебный центр, куда мы попали, не имел базы для ведения подготовки офицеров запаса. Никакой! Вся наглядная агитация свелась к двумтрем плакатам по организации войск вероятного противника. И все! В центре не было своих классов, техники.

По всему чувствовалось: в военкоматах была поставлена цель — во что бы то ни стало обеспечить сборы плановой цифрой. Чем еще объяснить тот факт, что один из офицеров пробыл в казарме два месяца с обострением болезни, не в силах даже встать в строй?

Судя по рассказам офицеров, уже побывавших на сборах, ничего на них за последние годы не изменилось. Мы все практически потеряли два месяца жизни. В военном билете появилась соответствующая запись. Но мы-то понимали, что полученные знания никак не соответствовали плакату на одной из казарм: «Неуклонный подъем боеготовности войск — вот залог успеха перестройки!» Оставлю на совести замполита столь странное понимание целей и задач современности, но перестройка на сборах офицеров запаса и «не ночевала».

Меня вот что волнует: отчего эти сборы внезапные? Почему нельзя сделать так, чтобы каждый офицер запаса твердо знал: раз в тричетыре года, в такой-то день такого-то месяца он должен прибыть на сборы в собственной форме (чтобы люди на улицах не шарахались в сторону при виде «партизана»), чтобы провести месяц (вполне достаточно!) в нормальных бытовых условиях без борьбы с тяготами и лишениями, получив, наконец, на практике все то, что необходимо офицеру запаса. Мы же перебирали картошку, разгружали сухари и койки, косили лопатами одуванчики, проводили ночные занятия в классах...

Так кому от всего этого польза? Вероятному противнику, который радуется при виде вылетающих в трубу денег? Государству? Не думаю. Вооруженным Силам? Нет, ведь даже наши кадровые командиры не раз говорили, что пользы от таких сборов практически никакой.

На сессии «уважаемые молодые генералы» жалуются на малый бюджет наших ВС. Интересно, сколько же средств втаптывается в землю по стране на таких лишенных всякого смысла сборах резерва?

Д. ПОДБЕРЕЗСКИЙ,
журналист,
лейтенант запаса
Минск

■

Коллектив Центра научно-технического творчества молодежи «РЕЗОНАНС» (г. Норильск) на своем собрании принял решение: ежеквартально, начиная со второго квартала 1990 года, присуждать памятный подарок и премию в размере 600 рублей автору наиболее интересной статьи экономической проблематики.

ХОЗРАСЧЕТ ДЛЯ ПОЛИКЛИНИКИ ● «УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА» ДЛЯ ДОКТОРОВ НАУК ●

■

Думаю, что сегодня вряд ли кому нужно доказывать необходимость улучшения работы органов и учреждений здравоохранения. Однако в новых условиях хозяйствования, внедряемых Минздравом СССР, как раз и отсутствует механизм таких качественных преобразований. В нормативно-методических документах по переводу на новые условия хозяйствования предусматривается деньги, выделенные на здравоохранение, отпускать территориальным поликлиникам в зависимости от количества обслуживаемого населения. Ключевое положение насаждаемых хозрасчетных отношений основано на расчетах поликлиники с теми медицинскими учреждениями, куда направляют на обследование и лечение больного. Зарплата участковых врачей зависит от того, сколько денег остается в поликлинике. Это и является слабым звеном системы, от которого в первую очередь пострадает больной. Будут употреблены все силы, чтобы он прошел обследование и лечение на месте, порой со слабой материальной базой и, чего греха таить, у менее квалифицированных специалистов. И никакая высокая мораль большей части поликлинических врачей и штрафные санкции не заглушат личную выгоду.

Стационарные койки, особенно крупных больниц, насыщенных современной медицинской аппаратурой и оборудованием, где лечение значительно дороже и эффективнее, чем в участковых и районных больницах, будут еще более недоступными. В стационарах придется сокращать койки, врачей, искать другие несвойственные формы работы и финансирования. Так, в Куйбышевской области, участвовавшей в предварительном эксперименте, сокращено 480 врачебных и 1220 сестринских должностей, значительно большая часть из которых занималась лечебной работой. И в то же время главным врачам разрешено дополнительно вводить должности врачей-методистов, экономистов, медицинских статистиков. Разумно ли в современных условиях жестокого дефицита милосердия, медикаментов, инструментов, аппаратов идти на этот весьма сомнительный вариант хозяйствования? Какие отдаленные результаты его? Чем он лучше существующего? И кто хотя бы покраснеет, если все окажется очередной необоснованной ломкой?

Б. ВЕДЕНКО,
зам. главного врача Винницкой областной клинической больницы имени Н. И. Пирогова по медицинской части, канд. мед. наук

■

Полковник КГБ в отставке Я. Карпович выступил в «Огоньке» с большой статьей «Стыдно молчать», которую я назвал бы исповедальной.

В этой статье, в частности, есть строки, мне посвященные: «Некто исхитрился и нелегально издал Н. С. Гумилева и кое-что М. И. Цветаевой... А мы поймали его и ликовали. Как же! Пресекли возможность печатать антисоветчину».

Ученики Я. Карповича в своей реплике («Огонек» № 34) «Теперь Вам не стыдно, полковник Карпович?» заявили, что меня судили не за «идейно чуждую» литературу, а за незаконный промысел. «И суд был, и прокурор был, и адвокат. И приговор вступил в законную силу»,— продолжают «ученики».

Так что же было в самом деле? Ну, во-первых, не было ни суда, ни прокурора, ни приговора. Получив от дочери М. Цветаевой Ариадны Эфрон рукопись пьесы «Приключение», я действительно соблазнился возможностью напечатать ее для очень близких людей, что и сделал. «Тираж» пьесы составил шесть экземпляров. Затем последовал арест и девяностодневное пребывание в одиночке Лефортова и внутренней тюрьмы КГБ. Что меня больше всего поразило в этой истории?

Для того чтобы убедиться в абсолютной идейной безвредности пьесы Марины Цветаевой и стихов Н. Гумилева (собственно, это были переводы из Бодлера), достаточно сорока минут. Пьеса «Приключение» шла у вахтанговцев под названием «Три возраста Казановы».

Что же побудило тогдашних работников КГБ продержать меня в одиночке девяносто дней?

У меня создалось впечатление, что все дело было в том, что непомерно разросшийся и хорошо оплачиваемый аппарат КГБ просто не мог находиться без дела. Аппарат защищал свое место под солнцем. Он должен был работать! И он работал!

Теперь о версии «учеников» по поводу состоявшегося якобы суда надо мной «за незаконный промысел». Когда мой следователь, задумчиво листая Уголовный кодекс в поисках подходящей для меня статьи, объявил мне, что меня вполне можно судить «за незаконный промысел», я без всякого труда доказал ему, что при шести экземплярах говорить о «промысле» просто смешно, а если принять во внимание девяностодневное пребывание в одиночке, то и неприлично, и что в суде КГБ будет выглядеть не самым лучшим образом. По-видимому, здравый смысл у следователя (и, по-видимому, у тов. Я. Карповича) взял верх. Дело было прекращено. Оно, правда, продолжалось, но уже в партийном порядке, однако со знаком «...напечатание идейно враждебного произведения М. Цветаевой, пьесы «Приключение».

Полковник Я. Карпович раскаивается в содеянном, не останавливаясь перед самыми строгими оценками своих действий. Я не разделяю мнения «учеников», что он пытается добиться дешевой популярности. Какая уж тут популярность! Да и зачем она ему? Ошибаются многие. Раскаиваются единицы.

К. АРХИПОВ
Москва

■

Отдел кадров университета, где я заведую кафедрой физиологии человека, мною недоволен: до сих пор не заполнена новая форма, так называемая «карточка доктора наук». Хотелось бы узнать у Госкомстата СССР, какую цель преследовало постановление от 17.07.89 № 158, которым утверждена эта «карточка». Ежегодно статуправления собирают с помощью отделов кадров сведения об изменениях, которые произошли в жизни каждого доктора наук в стране: сколько прибавилось научных работ и каких. Судьба этих сведений, очевидно, одна — они включаются в какие-то сводки, отчеты, а теперь еще и в память машины.

По-видимому, принято решение начать все сначала, и кто-то терпеливо рисовал схему новой формы, состоящей из 34 пунктов. Доктор наук может вписывать свои достижения, а может быть, их у него давно уже нет, и он тихо и мирно стрижет купоны со своего диплома, когда-то полученного,— от этого в его жизни ничто не может измениться. Задача статорганов, вероятно, заключается совсем не в том, чтобы определить величину докторской научной активности и целесообразность его дальнейшего в этой роли существования, а в том, чтобы просто еще что-нибудь сосчитать.

В этом отношении мероприятие с новой «карточкой» очень напоминает работу героя одного детского мультфильма, в котором козлик научился считать и радостно считал всех подряд. В конечном итоге это умение принесло пользу. Но как быть с описываемым делом? Я работаю около 30 лет и не слышал, чтобы кто-то где-то использовал огромный запас статданных, собранных относительно докторов наук в стране. Может быть, эти сведения к тому же еще и засекречены? Нет, по-видимому, энтузиазм, оправдывающий зарплату таких собирателей подобных сведений, не может охладить ни обычная человеческая логика, ни требования жизни, ни опыт прошлого. Подсчет колосков на скудной ниве продолжается...

Л. ИРЖАК,
профессор
Сыктывкар

■

Депутаты местных Советов наделены правами контролировать деятельность не только местных, но и союзных промышленных предприятий, устанавливать отчисления с предприятий на социальные и бытовые нужды граждан, проживающих на территории районов, городов, областей, автономных и союзных республик. Права и обязанности депутатов местных Советов в настоящее время настолько велики, что требуется, на мой взгляд, незамедлительно создать школы и консультационные центры для переподготовки и повышения квалификации депутатов всех рангов. Создание таких учебных заведений требует длительного времени и больших средств.

По моему мнению, для этих целей могут быть использованы Высшие партийные школы при ЦК КПСС и ЦК всех республик с их филиалами и учебными центрами в городах — зданиями, библиотеками, типографиями и кадрами.

В соответствии с изменениями в Конституции СССР КПСС имеет равные права с другими политическими партиями страны в выработке политики и в управлении государством. Поэтому наделение одной партии правом подготовки политических деятелей вплоть до присуждения им ученых степеней кандидатов и докторов общественных наук предлагается ликвидировать вместе с учебными заведениями.

Все депутаты должны будут проходить переподготовку в Высшей депутатской школе или ее филиалах соответствующей республики в течение одного-двух месяцев с отрывом от работы в Советах.

Н. ТИХОНОВ,
профессор,
доктор технических наук
Москва

■

В ряду слов «Соловки», «Лубянка», «Кресты», «Верхне-Уральск», «Потьма» есть не менее страшное — «Катынь». Спорят политики и историки, спорят и ждут для окончательного суждения чьего-то благословения...

На многие годы катынская трагедия стала фактором, разъединяющим наши народы. Ибо, кроме террора, кроме убийств, здесь еще была и ложь. Конец этой лжи означает конец разъединению, означает признание, что наши народы стояли вместе перед дулами сталинских палачей. В бесчисленных «катынях», затерянных в мещерских лесах, сибирской тайге, лежат кости невинно и злодейски убиенных. И поэтому Катынь — это общее горе и польского, и советского народов.

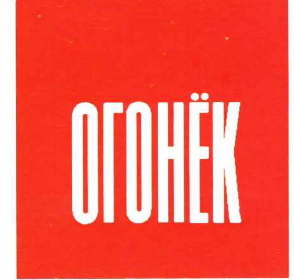
Давно пора перейти от газетных полос и митинговых трибун к чему-то более серьезному, более обязывающему. Идея организации в Москве выставки «Катынь», посвященной 50-летию страшной трагедии, полагаем, отличается от санкционированных газетных сенсаций и публичных заявлений, которые не могут смыть наслоений лжи, смыть греха умолчания и равнодушия. Что же предлагает организатор выставки — общество «Мемориал»? Немногое. Посмотреть в глаза тем, кто лег с простреленными затылками в песчаные могилы Катынского леса.

Пришедшие на эту выставку (она открывается в Москве 26 апреля) смогут увидеть фотографии «всего» пятисот польских офицеров из многих тысяч, оружие на советских воинов не поднявших... Увидеть глаза, а рядом документы и материалы газет, во многом полных лжи и лукавства. И здесь же — польскую и советскую кинохронику, современные польские художественные фильмы. Увидеть и услышать польских и советских историков, деятелей культуры, в том числе тех, чьи близкие лежат в Катынском лесу.

Эта выставка поможет осознать одну истину: если еще есть возможность и желание посмотреть в глаза уничтоженным нашими соотечественниками полякам, если есть возможность и желание остановиться у чужих могил, значит, осталась надежда на наше духовное возрождение.

Московский «Мемориал» наконец зарегистрирован, его счет № 700665 Ленинградского жилсоцбанка МФО 201694. Деньги, полученные от пожертвований на выставке, будут переведены на этот счет с пометой «Катынь» для сооружения памятника польским офицерам.

Члены общества «Мемориал»
Л. РАЗГОН,
Б. БЕЛЕНКИН

ПРОСТРАНСТВО ХРАМА

Издавна на Руси в память о великом событии принято было возводить храм. И когда в Киеве задумали ставить памятник крестителю земли Русской — князю Владимиру, по замыслу митрополита Киевского Филарета (Амфитеатрова) начали строить собор.

Православный храм — это модель мироздания, как утверждает академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Человек, вошедший в храм, оказывается в центре вселенной, он пронизан невидимыми лучами бытия — и земного, и посмертного. Он предстоит пред алтарем собственной совести, Творца.

Тридцать семь лет на народные пожертвования шло сооружение Владимирского собора. К первому января 1882 года все работы должны были быть завершены. Едва успели к ночи покрыть позолотой последний, седьмой купол. С наступлением темноты снимали леса. А наутро, когда взошло солнце, собор предстал перед городом во всем своем великолепии. Он стоял крепко, как мощное вековое дерево, глубоко в землю пустившее корни. И люди со всего Киева и окрестных сел шли любоваться его красотой и величием.

За разработку проекта всех художественных работ интерьера собора взялся профессор церковной археологии Киевского университета Адриан Викторович Прахов. Это был удивительный человек. Рожденный художником и не сумевший им стать из-за мучительной болезни глаз. Весь свой пыл, всю свою энергию и любовь к искусству он переносил в линии чертежей, в неожиданные идеи и замыслы. Прахов считал, что только самые выдающиеся мастера достойны работать во Владимирском соборе.

Первым на приглашение Прахова участвовать в росписи собора откликнулся Виктор Васнецов. Вслед за ним в Киев приехали братья Павел и Александр Сведомские, Вильгельм Котарбинский, Михаил Нестеров — еще совсем молодой, но

Интерьер храма. Центральный неф.

В. ВАСНЕЦОВ. «Спас Эммануил (Бог Слово)».

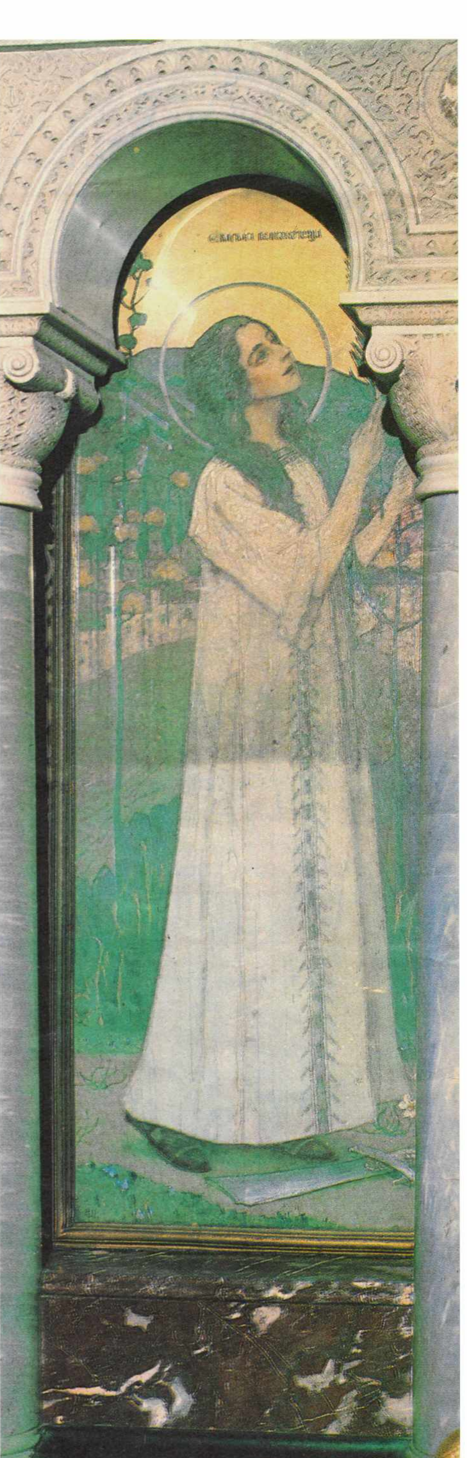
уже широко прославившийся своим «Пустынником».

Васнецов расписал алтарь собора, потом всю центральную часть — а это около трех тысяч квадратных метров,— и принялся за иконы главного иконостаса. Рядом с ним над иконами южного и северного нефов работал Нестеров. А стены этих частей храма расписывали Котарбинский и Сведомские.

Художники, призванные к сотрудничеству в соборе, были людьми разных творческих взглядов, направлений, верований, возраста. Но все здесь исполнено будто на одном дыхании, будто одной гениальной рукой. Четырнадцать лет работы над внутренним убранством сплотили разных мастеров, одухотворенных общей идеей.

19 августа 1896 года первый

В. ВАСНЕЦОВ. «Богоматерь».

Фрагмент иконостаса диаконника.
М. НЕСТЕРОВ. «Преподобный Арсений Великий. Великомученица Варвара».

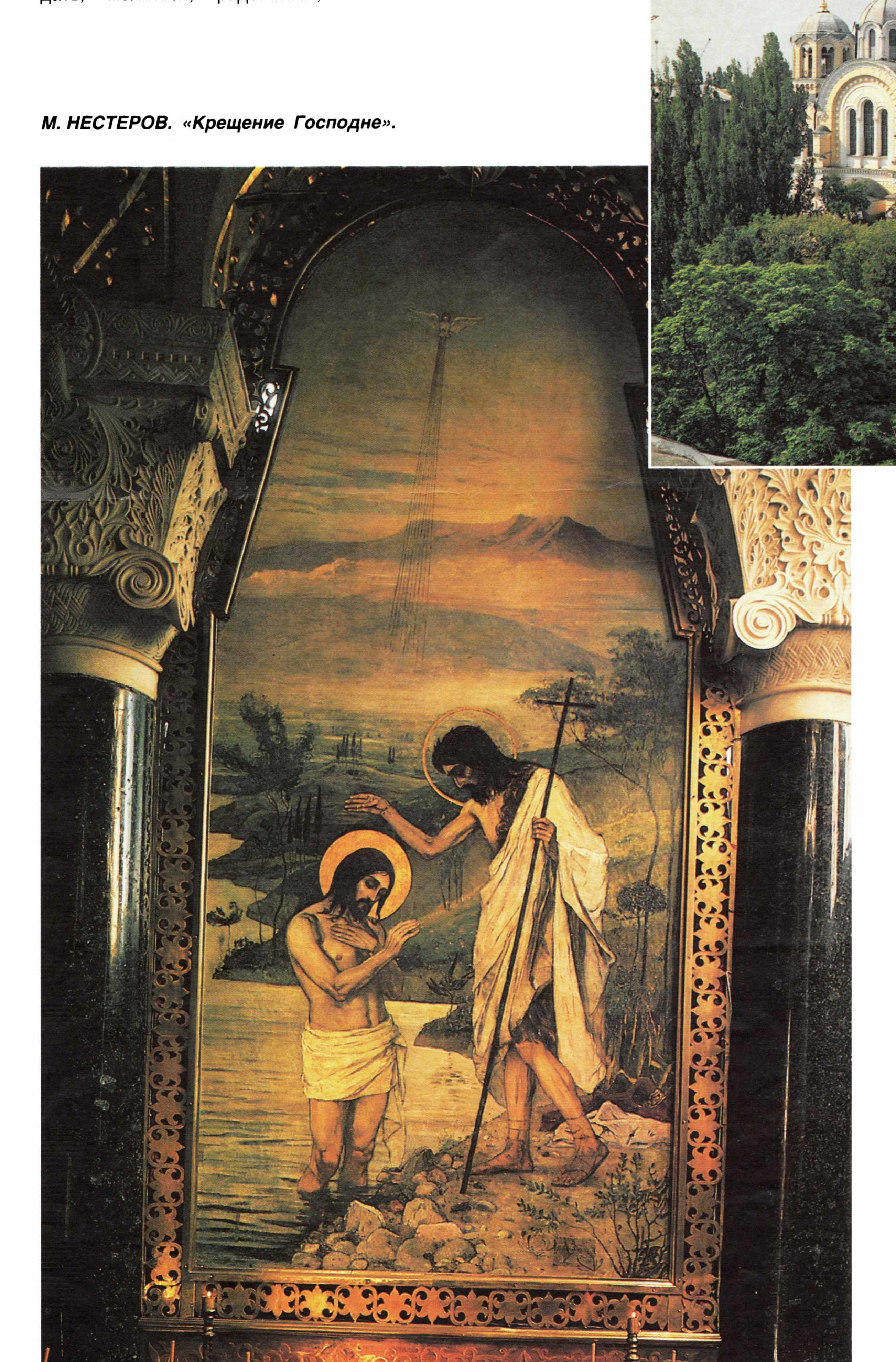
В. ВАСНЕЦОВ. «Преподобная Евфросиния Полоцкая».

удар большого колокола возвестил о начале всенощной.

«В 6 часов вечера назначена была всенощная — первая всенощная, о которой я давно мечтал,— писал впоследствии Нестеров...— Торжественность службы, красота ее, неземное пение, масса народа, сотни свечей у образов, которые когда-то писал я, над которыми думал, мечтал, волновался,— все это так трогало чувство, душа была полна таким умилением и восторгом, что слезы катились непрерывно, хотелось рыдать, молиться, радоваться, высшего торжества духа трудно пережить...»

М. НЕСТЕРОВ. «Крещение Господне».

Конечно, никакие самые совершенные фотографии не в силах вызвать то чувство восторга, которое описал Нестеров. И все же для многих людей, живущих далеко от Киева, альбом, иллюстрации из которого вы видите, станет единственной возможностью войти под своды этого храма.

«Собор святого равноапостольного князя Владимира в Киеве» — издание, подготовленное Издательским отделом Московского Патриархата (редакция митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима).

Отмечая великую заслугу церковных издателей, нельзя не удивиться, что работы Васнецова, Нестерова и других знаменитых русских художников конца XIX — начала XX века лишь теперь приходят к советскому читателю, а наши светские — советские издательства так и не познакомили нас ни разу с этой сокровищницей, все числя ее по разряду «опиума для народа».

Е. ЯКОВЛЕВА

ШОКОЛАДНЫЙ «ДЯДЮШКА ДЖО»

Валерий АГРАНОВСКИЙ

Мои личные отношения с Иосифом Виссарионовичем Сталиным начали складываться в январские школьные каникулы 1939 года и, откровенно сказать, непросто. Во-первых, разница в возрасте: мне было в ту пору десять лет, ему — шестьдесят. Во-вторых, разница в положении: я учился в 3-м классе и был сыном репрессированных родителей, он — вы знаете, кто. Строго говоря, у меня, будь я умнее, уже тогда имелись причины относиться к Сталину, как выражался наш дворник дядя Ваня Казин, прозванный «жидом» из-за частых радикулитов, «не в полной мере любви», но, помню, даже в марте 1953-го, во время похорон вождя, я горько плакал, разделив печаль миллионов, а ведь был много старше.

С другой стороны, когда мы с братом вернулись в свою квартиру из Даниловского детприемника, куда нас отправили после ареста мамы и папы, оставшись без средств к существованию, именно Сталин протянул нам руку помощи: он до самой войны подкармливал нас (правда, всего лишь фактом своего существования), а меня однажды досыта накормил в прямом смысле этого слова (правда, сам того не зная).

Немного терпения, дорогой читатель, и вы все поймете, да и я перестану говорить загадками. Но прежде, надеюсь, вы не откажете мне в удовольствии вспомнить и рассказать вам, как формировался в те годы бюджет нашей обезглавленной семьи. В основе его лежала стипендия Анатолия, из-за которой он был вынужден — кровь из носа! — учиться в своем истсрико-педагогическом имени Карла Либкнехта без троек. Вы, конечно, понимаете, как это трудно и противно, особенно на первом курсе, когда школу наконец сменяет студенческая вольница. Но он учился: это — четыреста рублей в старых деньгах, а если в нынешних, то даже не знаю, как считать, уж лучше привести такие сопоставления: килограмм сливочного масла стоил, кажется, около сорока рублей, а зарплата моей родной тети-учительницы была около двух с половиной тысяч, отсюда можете представить себе, каким богатством была стипендия брата, на которую следовало жить двум еще растущим парням.

Продавать нам, в сущности, было нечего: большая папина библиотека, пианино и что-то еще из недвижимости, чего я вспомнить уже не могу, остались после ареста и обыска в двух из четырех комнат нашей квартиры, тогда же опечатанных, потом были вывезены и исчезли в бездонных хранилищах НКВД, оформленные, по-видимому, как «вещдоки». Толя еще надеялся получить от мамы из лагеря доверенность на деньги, хранящиеся в сберкассе: они, я помню, волновали его воображение, под них он примеривал самые вожделенные покупки, к числу которых можно отнести, предположим, велосипед для меня, а для него — патефон. Но когда доверенность все же пришла, денег оказалось так мало, что лучше было бы для нашего морального состояния жить надеждами на них, чем на реальную сумму: папе, главному «забойщику» в семье, журналистская работа в «Известиях», а перед арестом в «Правде» богатства не принесла, родители принципиально жили без накоплений, они вообще мало думали, как и все их поколение, о будущем в смысле его материального обеспечения. Добавлю к сказанному, что из носильных вещей мамы и папы мы практически ничего не тронули; я говорю «мы», но имею в виду, разумеется, Анатолия, потому что меня в силу ничтожности возраста брать в расчет нет смысла. Так вот, Толина непоколебимая уверенность в непременном, пусть даже не скором, возвращении родителей вызывала у наших соседей по дому и некоторых родственников не столько уважение, сколько страх за его собственную судьбу. Короче говоря, на нескольких маминых платьях и папиных костюмах лежало прочное табу: сдохли бы с голода, но продавать не стали.

Конечно, помогали родственники, но помощь их была столь невелика и непостоянна, что серьезно говорить о ней вряд ли стоит; родственники, кстати, не были ни бедняками, ни скрягами, они просто боялись, и Бог им судья. Одна только незабвенная тетя Гися, родная сестра папы, живущая в Москве с двумя детьми и мужем, оказалась человеком высочайшей морали и мужества: она оформила над нами официальную опеку, вызволив тем самым из детприемника и грозящего нам детдома, хотя немедленно поплатилась за это работой учительницы. Насколько я помню, устроившись в какую-то артель надомницей, тетя до конца своих дней делала на маленьком станочке проволочные скрепки для бумаг, но даже в этих условиях, как могла, нас поддерживала: памятник ей положен при жизни, да только мы, неблагодарные, чаще говорим про памятники, чем ставим их, грех беря на душу...

Вспоминаю, не скрывая благодарственной улыбки на лице, еще одну родственницу: нашу с Толей двоюродную сестру Марусю, которая, страшно рискуя, поскольку она сама работала в НКВД, в каком-то редакционном его отделе, звонила нам иногда по телефону из автомата и говорила «не своим голосом», чтобы я вышел к ней. Прекрасно зная, какие радости ждут меня, я бросал все заботы и мчался к метро «Красносельская». Увидев меня издали, Маруся деловой походкой шла навстречу и, поравнявшись, без слов совала мне в руки таинственный сверток, как это делают в кино агенты иностранных разведок, передавая резидентам «советскогозаводаплан» (произносить надо, как в известной блатной песне, одним сплошным словом). Я тут же разворачивался и летел, будто на крыльях, домой, по дороге прощупывая сверток, хотя и знал примерно его «секреты»: целиком сваренная курица, пачка халвы с двумя мандаринками (целевым назначением для меня) и неизменные «микояновские» котлеты, которые я из ностальгических соображений еще и сегодня предпочитаю «домашним», так как вкус и запах этих котлет мгновенно возвращают меня к светлой радости обладания ими в далекие и несытые годы детства. Сверток Маруси был для нас царским подарком, увы, не таким уж частым, что, собственно, и делало его «царским».

Наконец, лично у меня были еще три источника дохода, два из которых легальные (я могу вспоминать о них сегодня разве что с некоторым смущением), а третий — тайный (о нем мне лучше бы совсем промолчать: история хоть и не зловещая, но не из тех, которыми следует гордиться). Так вот, одним легальным источником был мой школьный табель с пятерками: однажды, получив его после окончания второго класса, я пошел к маминым дворовым подругам и вдруг обнаружил, что мое бахвальство оборачивается «подарками» — конфетами, тульскими пряниками, даже парой теплых носков, а тетя Мура Холодова и тетя Рива Нюренберг вручили мне в виде награды по реальному рублю на мороженое. Я тут же сообразил, что можно пустить «в оборот» не годовой итоговый табель, а разбить его на четверти, что я и сделал, с наивнонахальной хитростью собирая по четыре урожая за один учебный сезон и не только с дворовых знакомых нашей семьи, но и с некоторых родственников, живущих в достижимых для меня пределах. Четко осознаю сегодня, что эти табельные чаевые были слегка замаскированной помощью взрослых людей ребенку по древнему сердобольному принципу «Христа ради»: низкий поклон вам, мои благородные покровители!

Но хорошо помню и такие времена, когда мы с Толей оказывались перед чертой, за которой составной частью нашего семейного бюджета можно было считать даже мои «репетиторские» двадцать пять копеек: их аккуратно платил мне еще один благородный человек — отец моего одноклассника — за то, что я регулярно помогал его сыну делать уроки и вообще заниматься (это и был упомянутый выше второй легальный мой заработок). Вас интересует нелегальный? Доберусь и до него, но прежде хочу обратить ваше внимание на такую, казалось бы, мелочь: ничтожные 25 копеек репетиторских денег я ухитрился назвать «моими». Заметили? Нет, дорогой читатель, это не случайная оговорка, это естественное и печальное следствие типичного детского эгоизма. Увы! — только и могу сегодня воскликнуть: эгоизм, по-видимому, как и физическое здоровье, является спутником молодости.

Со стороны эгоизм, конечно, виден, чего не скажешь, пытаясь заметить его изнутри, не отступив от себя хотя бы на какое-то количество лет. Больше того, чем люди кажутся сами себе приличней, чем они лучшего «об себе» мнения, тем горше осознание истины, которое рано или поздно приходит. В то сложное для нашей семьи время я, помню, считал, что все сладости принадлежат только мне, а брат — он взрослый, ему все эти «радости», что катание на карусели верхом на деревянной лошади. Может, я и прав был, если бы выводил это мнение из интересов Толи, но в томто и дело, что так мне удобней было думать, дабы оставить в неприкосновенности интересы собственные. Это-то и угнетает меня сегодня,— да много ли толка от поздних раскаяний?

Помню, возвращаясь домой после студенческих вечеринок или каких-то застолий, брат всегда приносил с собой пакетик, в котором было или пирожное с парой конфет, или ромовая баба с пастилкой, или просто кусок торта. Я, проснувшись, как по приговору суда, немедленно брался за дело, а Толя, усевшись возле меня и подперев рукой щеку, с отеческим умилением на лице и грустью в глазах молча наблюдал, как буквально в секунды исчезали все эти вкусности в моем ненасытном чреве. Разумеется, мне и в голову не приходило делиться с братом, хотя я уже тогда догадывался, что Толя приносит мне «в клюве» свою несъеденную долю сладостей (полагая, вероятно, для себя безнравственным есть на вечеринках что-то такое, чего лишен в этот момент младший братишка), но делал вид, что ничего не вижу, предпочитая выглядеть тупее, чем был на самом деле, лишь бы остаться «при своих»: это и есть тот мерзкий эгоизм, от осознания которого и невозможности что-то исправить годы спустя болит сердце, и хорошо еще, что болит. А было моему Толе, между прочим, не сорок лет, не тридцать и даже не двадцать, а всего-то неполных семнадцать: и брат мне, и отец, и мать, и нянька в одном лице, а по сути дела — тоже ребенок, нуждающийся в материнской ласке, отцовском совете, в душевном сочувствии, в доброй поддержке, в том же куске торта в конце концов.

Именно тогда, сам того не ведая, и пришел к нему на помощь Иосиф Виссарионович Сталин. Случилось так. Толя с самого детства прилично рисовал: в школе, как зарядился с первого класса, вот и тянул лямку рисовальщика стенгазеты до десятого, а после войны, демобилизовавшись, был даже принят в групком московских художников, что можно считать официальным признанием его профессионального уровня (или статуса? — не знаю, как лучше сказать). И вот однажды, в начале января 1938 года, кто-то из добрых знакомых предложил Толе «верный» заработок: рисовать портреты вождей, спрос на которые был, как на каждодневные продукты питания, причем скоропортящиеся. Говоря так, я вовсе не имею в виду обновление «парка вождей» из-за смерти, ухода на пенсию (таких случаев тогда, кажется, вообще не было) или политических катаклизмов, а причины более прозаические: дождь, снег или, положим, само течение времени, приводящие портреты в физическую негодность. Проблема для Толи была в том, чтобы как-то войти в число избранных, которым доверено рисовать, а затем выставлять для обозрения знаменитые «лики». Вот с одним из таких избранных и свел брата добрый знакомый, а уж дальнейшая процедура была отработана: тот дал Толе на пробу, кажется, «железного наркома» Ежова, убедился, что исполнение «на уровне», и договор состоялся. Стал мой брат отныне «негром», ни на что, кроме заработка, не претендующим. То, что это фактически был грабеж средь бела дня, никого не трогало — ни грабителя, ни ограбленного; более того, Толя был искренне благодарен работодателю, их отношения, абсолютно лишенные творческого и, стало быть, честолюбивого начала, строились на взаимовыгодной коммерческой основе: брат получал «заказ», сдавал «продукцию» (сегодня бы сказали, что в «обезличку»), после чего получал из рук в руки живые деньги (увы, не очень большие), но налогом, кстати, не облагаемые.

Портреты делались сухой кистью на полотне размером метр на полтора: самый, вероятно, ходовой размер, пригодный и для демонстраций, и для митингов против «врагов народа», которым «собачья смерть», и для аллей Центрального парка имени Горького, Сокольников или маленького Алексеевского, и для различных контор и учреждений, начиная с детских садов и кончая похоронными бюро, и просто для «красоты» в любые кабинеты за спины любых начальников. Заказов у Толиных работодателей было хоть отбавляй, тем более, что считалось необходимым иметь в запасе лишних Молотовых, Кагановичей, Ворошиловых и прочих вождей, прочно стоявших тогда на ногах; жизнь у художников-портретистов, как у кур-несушек, была весьма доходной, особенно когда яйца за них несли другие. Надо ли удивляться тому, что самый большой спрос приходился на Сталина? И странно ли, что Толя довольно скоро наловчился, чтобы не сказать «насобачился», рисовать именно Иосифа Виссарионовича: узкая специализация, как известно, реально отражается и на качестве, и на количестве, а в конечном итоге — на заработке.

Кончилось дело тем, что, наладив «поток», Толя был вынужден взять

и меня в подмастерья, хотя, откровенно признаться, я не подавал почти никаких надежд на рисовальном поприще. Я был выгоден брату примерно так, как сам он был выгоден своему «хозяину»: тот платил Толе какие-то деньги за каждый портрет, кладя в собственный карман раз в десять больше, а я вполне удовлетворялся билетом в кинотеатр «Шторм», который был ровно напротив нашего дома, если не считать того, что весь заработок брата шел практически на меня.

Работали «мы» так: Толя натягивал на станок холст, затем по клеточкам переносил на него контуры вождя с апробированной в инстанциях фотографии (ведь все портреты Сталина были одинаковыми, никогда не стареющими — остановись, мгновение! — и при всех ситуациях в стране или в мире с одним выражением на лице), после чего наступал черед моей «грубой» работы. Я накладывал на физиономию Сталина трафаретку усов, заранее вырезанную Толей из плотной ватманской бумаги, закреплял ее на холсте, макал кисть в краску, братом уже приготовленную, отступал на полметра от станка, примеривался и, если Толи не было дома (при нем мне приходилось симулировать «творческие муки»), со всего размаха — р-раз! — слева направо по лицу, потом — р-раз! — справа налево, затем осторожно снимал трафаретку: усы! Толе оставалось, вернувшись из института или еще откуда-то, нарисовать весь портрет, а «мои» усы слегка подделать, как он говорил, «рукой мастера», чтобы они украсились благородной сединой. Иногда он доверял мне почти самостоятельно делать ордена на кителе Сталина, пользуясь той же трафареткой, и еще реже — уши вождя (с которыми у меня вообще-то связана совсем другая история, давшая название тому, что вы сейчас читаете, но об этом чуть ниже).

Со стороны — о, если бы я понимал! — моя «работа» над усами Отца народов выглядела отнюдь не комически, а с прибавлением слова «траги», влеча за собой если даже не десять лет строгой изоляции, то уж как минимум колонию для несовершеннолетних. Ну, сами представьте: стоит мальчишка перед портретом Сталина и лупит его кистью по мордасам с такой мушкетерской страстью и удалью, что, право же,— без вариантов. Меня застукал за этим делом однажды наш квартирант Моисей Иосифович Якубович, вы посмотрели бы на выражение его лица: не исключаю, что он больше испугался не того, что увидел, а того, что кто-то мог видеть, что увидел он! Я, разумеется, совершенно не понимал политической да к тому же еще криминогенной подоплеки такого «мордобития», само это слово никак не вязалось ни с моим умыслом, ни с ситуацией, мною рожденной. Но если бы я хотел поискать сегодня и непременно найти в своем прошлом какую-то точку, от которой вести отсчет пошатнувшейся в моих глазах веры в Сталина, я имел бы формальное право выдать за нее выше описанную историю с «трафаретными усами»; с другой стороны, если не пренебрегать теми деньгами, которыми регулярно пополнялся наш с Толей бюджет, я с таким же успехом мог отсчитывать от усов вождя и мою благодарность Сталину за более или менее счастливое (по крайней мере, не голодное) детство. Опять, прости Господи, эта проклятая диалектика!

Самое время рассказать вам как на духу о моем третьем (нелегальном) источнике дохода, о котором черт дернул меня проговориться где-то в середине повествования. Речь пойдет (не просто и выговорить) о кражах, систематически мною совершаемых. Увы, дорогой читатель, как из песни слов не выбрасывают, так и из жизни грешно выкидывать не украшающие ее эпизоды. В подробностях дело выглядит так. Я уже упоминал нашего квартиранта, которому мы сдали на полтора года одну из двух оставленных нам комнат, а за сколько — не знаю, однако, думаю, не за дорого: в те годы «угол» в Москве вообще не был проблемой, кроме того, наш квартирант был молодым человеком, едва старше Толи, мы даже звали его не по имени-отчеству, а просто Моней, а он нас «Толевалями», и наконец он еще был нашим дальним родственником, родным братом мужа двоюродной сестры (дальше, как он сам говорил, может быть только лифтер в доме, в котором жила наша сестра, если бы в ее доме действительно был лифт).

Теперь еще несколько слов о квартиранте, без которых мое чистосердечное признание получит в ваших глазах «не ту» окраску: Моня был не просто интеллигентом и незаурядной личностью, а талантливейшим пианистом, аспирантом Московской консерватории. В моем семейном архиве хранится его шуточная расписка, данная не столько под горячую, сколько под веселую Монину руку «братьям-разбойникам Толевалям Аграновским» весной 1941 года, то есть месяца за два до начала войны: «Я, нижеподписавшийся самоуверенный тип, торжественно обязуюсь перед лицом братьев и всей мировой общественности к середине 1943 года достичь известности чуть меньшей Вольфганга Амадея Моцарта, равной Эмиля Гилельса и чуть большей Яшки Флиера». Далее шла подпись, заверенная печатью нашего управдома, блистательно Толей исполненной. Пианисты Яков Флиер и Моисей Якубович вместе заканчивали аспирантуру консерватории (один по классу Игумнова, другой Нейгауза), были закадычными друзьями-соперниками, звались «Яшками» и «Моньками», ежевечерне виделись, давали «в очередь» сольные концерты в Москве, причем каждый считал себя, и, вероятно, не без основания, выше другого по мастерству, имели поклонников своего таланта, а еще больше — поклонниц. Я, как вы догадываетесь, во всем этом не разбирался, «болел» за Моню, но именно благодаря ему с тех давних пор прохладен, если не сказать жестче, к классической музыке, но не потому, что наш квартирант играл плохо, а потому, что громко. Рояль был с трудом втиснут в комнату, в которую, кроме Мони и вывинчивающейся табуретки, уже больше ничего не помещалось, и наш жилец часами отрабатывал (я говорил: долбал) один и тот же фрагмент или музыкальную фразу, отчего тихо зверели обитатели шестого этажа нашего дома, и это при условии, что мы жили на первом. По сей день, когда я слышу что-то «до боли» знакомое, могу с уверенностью сказать только то, что «это» играл Моня, а вот Бетховен ли «это», Рахманинов или Лист — не надо, меня не спрашивайте.

Перехожу, однако, непосредственно к кражам. Наш квартирант, как и подобает музыканту, вел богемный образ жизни: ложился спать в четыре утра, вставал в полдень, потом садился за рояль до девяти-десяти вечера, после чего куда-то уходил (вместе с «Яшкой»), а домой возвращался веселым и усталым, когда я видел уже третьи сны, чтобы проснуться в полдень и чтобы все начиналось снова,— «этцетера», как любил говорить Моня. Он стелил себе в большой комнате, превращенной нами в общежитие: тут же был и Толин диван, и моя старая металлическая кровать, считающаяся «безразмерной», поскольку ноги мои удачно просовывались через прутья. Ну, а теперь о самом важном, без чего у сюжета просто не имелось бы продолжения: возле Мониного топчана стоял стул, на стуле висел пиджак, а в карманах пиджака всегда была мелочь, Моней, как настоящим артистом, не считанная,— такова, собственно, диспозиция, соблазн которой для малолетнего эгоиста, надеюсь, вы отрицать не станете.

Рано утром, собираясь в школу и натягивая чулки, я, наверное, уже плотоядно поглядывал на пиджак, предвкушая радость от возможной добычи. Затем, перед выходом из комнаты, затаив дыхание и с сильным сердцебиением (иначе представить себе этот кульминационный момент не могу) я запускал, словно удочку, два пальца в бездонную глубину кармана, вытягивал монету, удостоверялся, что Моня с братом спят, и пулей вылетал из квартиры. Только на улице мне удавалось разглядеть, что «клюнуло» на сей раз: серебряная рыбка или медная? Дорога в школу вела мимо булочной и занимала в общей сложности минут пять-шесть, особенно если бегом да еще вприпрыжку. Я успевал купить в булочной теплую, свежего утреннего завоза, французскую булку за семь копеек — в надежде до школы ее смолотить. Наивный я человек! Даже если я плелся со скоростью нашего дворника дяди Ивана-«жида», когда его прошибал поясничный радикулит, то и за пятнадцать минут не справлялся с задачей. После войны, уже в относительно сытые времена, мы, помню, играли «на спор»: кто сумеет за сто шагов съесть двести граммов свежего белого хлеба. Я неизменно выходил победителем, но не мог никому признаться, откуда у меня такой завидный практический опыт. Итак, я влетал в класс и на восклицание нашей добрейшей Анны Михайловны Кузнецовой: «На кого ты похож, посмотри на себя?!» мог ответить на потеху всего класса только счастливым по тону мычанием, поскольку рот, как замазкой, был залеплен тугим хлебным мякишем. Потом я научился, не жуя, заглатывать мякиш, в чем, собственно, и был весь секрет.

Моня Якубович умер недавно в возрасте за семьдесят лет, так и не узнав о моих воровских проделках или скорее промолчав о них: есть такое застенчивое свойство у истинных интеллигентов, позволяющее им краснеть вместо тех, кто краснеть не способен. Большой известности он, увы, не достиг: тут и война помешала, и резко пошатнувшееся здоровье, которого хватило, чтобы жить долго, но не счастливо. Высшим взлетом Якубовича была его служба аккомпаниатором у певицы Анны Гуузик, а после ее отъезда за границу — серия фортепианных концертов-импровизаций, не без успеха, говорят, прошедших. О давней расписке Моня не вспоминал и, по-видимому, не хотел, чтобы мы с Толей о ней помнили. Кажется, Вольтером сказано: «У кого великие утраты, у того и великие сожаления».

1939 год. Братья Аграновские: Анатолий (семнадцать лет), Валерий (десять).

Обращусь, наконец, к обещанной вам, читатель, истории с ушами Иосифа Виссарионовича: будь я тогда хоть чуточку взрослее, мог бы уже в те годы связать с этой историей свою более верную и четкую (естественно, в глубины сознания запрятанную) оценку Сталина; все основания для этого, как вы сейчас убедитесь, у меня были. Но слушайте. Пришла весна 1939 года. Я учился в 315-й школе, прозванной «райской» из-за того, что шефом у нас была кондитерская фабрика имени Бабаева. Раз они — шефы, школа, разумеется, как могла, отрабатывала это райское шефство. Такой момент как раз наступил: два третьих класса, по важному поводу сдвоенных (это восемьдесят человек, целая «армия», если по странной традиции считать «армию» единицей измерения и бюрократов, и заболевших гриппом во время эпидемии, и даже большое количество новорожденных младенцев), во главе с нашими учителями отправились на фабрику давать концерт художественной самодеятельности — «отрабатывать» как минимум места для школьников в летнем фабричном пионерлагере. Сначала нас построили во дворе школы, чтобы рассказать на всякий случай, кто такой Бабаев: оказалось, вовсе не герой гражданской войны, а простой рабочий, рядовой «армии» большевиков, вступивший в партию на заре двадцатого года, но избранный первым председателем нашего Сокольнического райисполкома. (Как я уже теперь понимаю, Петру Бабаеву повезло умереть своей смертью еще в 1920 году, иначе пришлось бы фабрике носить другое имя.)

После краткой лекции мы двинулись на фабрику: пешего хода до нее от школы было не более двадцати минут обычного «пионерского» шага, тем более если с барабанным боем и петушиным звуком горна. Пришли. Сначала нам показали технологический процесс, и рабочие фабрики, несмотря на лозунг «Долой пьяниц от станка!», с которым мы важно шествовали по цехам, щедро угощали нас густым полуфабрикатом, вязкой патокой, а потом и готовой карамелью «от пуза». После этого, слегка потяжелевшие, мы декламировали, танцевали и пели на сцене большого фабричного клуба. Я, как всегда, исполнял свою коронную лезгинку, одетый почему-то в матросский костюм с квадратным отложным воротником (то ли другого не было, то ли в моем представлении матросы лучше прочих соответствовали по темпераменту кавказцам), периодически восклицал «асса!», держал зубами кухонный нож, специально взятый из дома, таращил при этом глаза, а потом выходил к восторженным (как мне казалось) зрителям на поклоны. Ладно. Теперь самое главное. Когда концерт кончился, сдвоенные классы повели домой, как и положено, с двумя барабанами и одним горном впереди. Не помню уж по какой причине, но оказались мы транзитом из клуба на улицу в небольшом зальчике перед директорским кабинетом. Там на постаменте стоял огромный шоколадный бюст вождя, кем-то заказанный или, возможно, самой фабрикой изготовленный в виде подарка Сталину к его 60-летию. Он уже был готов к отправке.

Кто зацепил тумбу, на которой стоял бюст, я не знаю. Факт тот, что Сталин покачнулся и вдруг упал, представьте себе, расколовшись на множество крупных и мелких обломков. Наши учительницы обомлели. Из кабинета выбежал директор, увидел то, во что превратился вылитый из чистого шоколада гениальный вождь всего прогрессивного че-

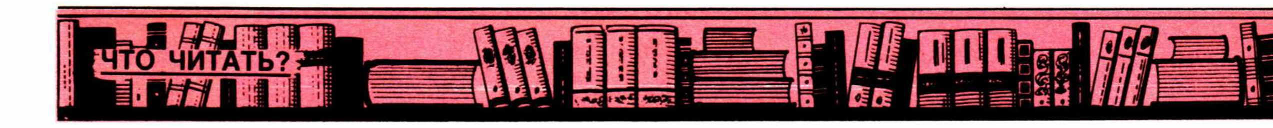
ловечества, побелел лицом, затем обвел всех нас мутным взором, почему-то огляделся по сторонам и еле слышно произнес какой-то одной, правой или левой, половиной рта (обращаясь, конечно, не к нашим полуживым училкам, а именно к нам, как к наиболее радикально настроенным элементам): «Съесть!» Мы не только услышали команду, но и правильно ее поняли, без всяких комплексов кинувшись на лучшего Друга и Учителя советских детей.

Первое, что меня поразило (может, и других, но мы мнениями не обменивались, не до того было), так это то, что Сталин внутри оказался пустым! Это смутило; сегодня, вероятно, навело бы на более конструктивные мысли, но тогда, повторяю, только смутило, как, помню, смутил крамольный вопрос, однажды заданный мне одноклассником: «А Сталин ходит в уборную, как все?», на что я, слегка предавшись воображению и тут же его отвергнув, не без сомнения ответил: «Вряд ли». Второе: мне досталось в суматохе громадное, размером в две мои ступни, ухо Иосифа Виссарионовича. В другой ситуации таким ухом я и сам наслаждался бы сутки, и еще Толе дал бы, и, может, весь мир накормил, как библейскими семью хлебами: не жалко! — вождь, он для всех един, как Господь Бог. Но тут пришлось ликвидировать Сталина быстро и каждому в одиночестве. Не помню, сколько минут мы потратили на все это, что, по-видимому, следовало отнести к разновидности политического каннибализма, если бы мы, дети, что-нибудь в каннибализме понимали или если бы взрослые имели мужество (и глупость) дать партийно-политическую оценку случившемуся. А так — съели сколько-то килограммов шоколадного лома, даже не запив его водой, ну и съели: дети! Ничего от Сталина не осталось, ни одной крошки: директор, думаю, даже заметать не позволил, чтобы лишний раз не кощунствовать, да и нечего было,— все же Сталин, не абы кто. Хотя, смею вас заверить, не избежали бы такой участи (не утверждаю, что политической, ограничусь лишь продовольственным вариантом) ни Маркс, ни Плеханов, ни Троцкий, ни даже Ленин, окажись кто-то из них на той злосчастной тумбе: согласитесь, читатель, что это невинное с виду предположение тоже звучит весьма конструктивно. Так или иначе, с перемазанными шоколадом рожами, под барабанный бой, мы, сытые и довольные, строем покинули поле битвы и разошлись по домам.

Но этим дело не кончилось. На следующее утро оба класса не явились в школу: нас дружно несло. Страшно вымолвить, но Иосиф Виссарионович оказался ко всему прочему еще и порченым. Вот когда бы мне сделать некоторые умственные выводы, но я по малолетству сохранил от того красноречивого эпизода на всю свою жизнь только невнятное состояние души. Впрочем, если при мне сегодня заходит серьезный разговор на тему о том, кто, когда и почему впервые понял, что такое Сталин и какова его истинная суть, я мог бы, не слишком удаляясь от истины, публично заявить, что еще десятилетним мальчишкой имел честь прозреть относительно этого кардинального вопроса современности, если бы...

Если бы при упоминании Сталина мой рот тут же не наполнялся большим количеством «шладких шлюней». Поэтому я предпочитаю молчать.

Через два года началась война. Шоколада, как все мои сверстники, я несколько лет в глаза не видел, и если бы не частое употребление имени Сталина, напрочь забыл бы, наверное, его вкус. Потом кто-то из крупных зарубежных деятелей (то ли Рузвельт, то ли Черчилль) почему-то назвал Сталина «дядюшкой Джо»: кстати, вы не знаете, почему? Я же, когда узнал о прозвище, мысленно добавил к нему слово «шоколадный»: так, мне кажется, звучит слаще.

«В СВЯЗИ С ПОЗИЦИЕЙ И ШУМИХОЙ ВЫРАЖАЕМ ПОЛНОЕ НЕПРИЯТИЕ»

Татьяна ИВАНОВА

...Полдня на центральной площади нашего микрорайона (около гастронома) кричал рупор: «Голосуйте за великого русского поэта Куняева! Если вам надоело платить налоги, которые идут на содержание преступной мафии... Если вы хотите, чтобы дефицитные продукты распределялись по справедливости... Голосуйте за Куняева! Мафия и ее неделимая часть — сионистская пресса обливает грязью великого русского поэта, замечательного общественного деятеля, честного человека, борца за справедливость — Станислава Куняева! Они нас боятся! Они называют нас фашистами! Они сами фашисты! Они продают с молотка русскую землю! Голосуйте за Куняева!..»

Мои соседи, поднимаясь по ступенькам в гастроном, усмехались, качали головами, шли, не останавливаясь, мимо бородатого человека с рупором (по-русски «матюгальник»), мимо сплошь обклеенной переписанными на ватман статьями В. Кожинова, А. Казинцева, В. Бондаренко, А. Кузьмина агитационной машины, мимо обутых в сапоги добрых молодцев, щедро предлагающих листовки.

Одна согбенная старушка в платочке, которую уж никак невозможно было заподозрить в либеральных симпатиях, налетала на агитаторов как воробьиха: «Уходите прочь! Немедленно отсюда уходите! Хулиганы! Милицию вызову! Не обзывайте людей! Мы сами знаем, за кого нам голосовать!»

Это было накануне выборов. Но и в предыдущие дни, целый месяц разъезжала по району агитационная машина, останавливаясь то в одном оживленном месте, то в другом, и рупор звал: «Внимание, соотечественники! Здесь проводится пикет в поддержку кандидата-патриота Станислава Куняева! Примите участие! Патриоты, объединяйтесь! Иначе промежрегиональная группа сдаст Россию в аренду и пустит с молотка, а вы все окажетесь на улице! Мафиози втянут нас в частную собственность! Видный общественный деятель, мудрый политик, великий русский поэт Станислав Куняев — главный редактор журнала «Наш современник» — ваш кандидат! Дадим отпор масонско-сионистской мафии — проголосуем за Куняева!..»

И плакаты у нас висели, поэтические, красочные: «Довольно Гришина, Кунаева! Мы голосуем за Куняева!»

Война листовок, столбовая (когда листовки клеят на столбы), ящичная (когда их пихают в почтовые ящики) война шла у нас в районе на всех возможных уровнях: в ходу были ум, сарказм, эрудиция, возвышенный слог, грубость, эпатаж.

Одно могу сказать с полной уверенностью: рупор и агитационная машина, ряженые использовались только ради великого русского поэта, видного общественного деятеля, мудрого политика — главного редактора журнала «Наш современник» Станислава Куняева. Что и правильно. Народ у нас, в районе телецентра, проживает темный, фамилия «Куняев» ему в основном ничего не говорит.

Народ, конечно, распустили. Кого не надо знать, того знает. А вот как раз кого надо знать — про того приходится сообщать через матюгальник. Потому что все каналы информации, кроме вышеуказанного рупора и еще нескольких (о них ниже), захвачены антинародными элементами. Антинародные элементы свои газеты и журналы выпускают, антинарод их читает, а народ пребывает в темноте. Ситуация, конечно, далее нетерпимая.

«Иной раз выходишь перед аудиторией и не знаешь, как говорить с народом,— печалится в новгородской газете «Вече» Валентин Распутин,— потому что все изменилось (как им удается, нашим властителям дум, пребывать в таком диалектическом состоянии — с одной стороны, понимать, что народ тебя не понимает; с другой стороны, ощущать себя выразителем народных дум; с третьей стороны, этот народ презирать; с четвертой стороны, клясться в любви и верности все тому же народу? — **Т. И.**). — Основная масса народа озабочена куском хлеба, жильем озабочена, ведет, извините меня за грубость, такое животное почти существование... Напитаем мы хлебами земными народ. А хлебами небесными? Мы не думаем об этом совершенно...»

Меня здесь пленяет это «мы». «Мы напитаем народ «хлебами земными». Осмыслим афоризм. Значит, во-первых, мы — отдельно, народ — отдельно. Во-вторых, не народ нас, властителей дум, напитает хлебами земными, а мы, властители дум, вот погодите, напитаем свой народ...

Ясно, что жизнь у нас очень трудная. Но оскорблять эту жизнь словами «почти существование» или «почти животное» все-таки не стоило бы. Мы в последние пять лет как раз и начали чувствовать себя людьми, гражданами, даже народом. Мы расправляем плечи, мы избавляемся от страха, мы избираем, нас избирают, мы выходим на митинги и с радостью убеждаемся, как много нас, объединенных волей не дать в обиду перестройку и демократию на поругание, как едины мы в своем стремлении к свободе. Нас томит духовная жажда, мы насыщаемся, но не можем насытиться правдой. Мы узнаем свою прекрасную литературу, свое искусство, которые были нам недоступны, мы читаем, смотрим, слушаем и не можем ни наслушаться, ни насмотреться, ни начитаться. Мы, наконец-то, поняли, что не будет свободы — не будет и хлеба. Идите к нам, попробуйте почувствовать себя одним из нас, таким же, как мы, станьте человеком в толпе, народом. Сразу куда как просто станет нам вас понимать, и вам с нами говорить не составит труда.

Когда писателю, или газете, или журналу трудно разговаривать с «основной массой», писатель, газета или журнал редко откликаются на призыв «основной массы», редко слышат ее слова «идите к нам». Писатель, газета или журнал обижаются, то обвиняя «основную массу» в несознательности, то жалея ее же (обманутая!), то вовсе впадая в манию величия («мы напитаем»), не существующую, как известно, отдельно от мании преследования («средства массовой информации оккупированы экстремистами, рвущимися к власти»), без конца плодят какие-то коллективные письма, принимают резолюции, шлют телеграммы первым лицам в государстве.

Вот пример. Василий Белов выходит на сессии Верховного Совета СССР говорить историческую речь. Так и начал. Принимается, говорит, Закон о земле. Это день исторический. Я, говорит, согласился стать депутатом только ради этого дня. А закон, надо сказать, шел непросто. И у меня надежда на Белова была большая: уж он-то найдет аргументы

в пользу закона, такие, что с ними и никто не сможет спорить. Пусть мы не слишком понимали друг друга в последнее время, но Земля и Белов! Тем более согласившийся стать депутатом ради того, чтобы землю отдать крестьянам, значит, тщательно обдумавший свою историческую речь.

И что же? Какая-то путаница из слов — о том, как некто собирается продать Курильские острова, а некто — Новгородскую землю, а еще некто опубликовал на Западе карту, которую еще некто показал Белову, так вот, на этой карте России отводится место между Уралом и Обью. Посреди сего загадочного пассажа писатель выразил желание узнать, что думает по этому поводу межрегиональная группа...

Господи, по какому?! Про карту, про острова или про Новгородскую землю? Полагаю, что межрегиональная группа в это время думала совсем о другом. Она костьми лежала за то, чтобы крестьянам отдали землю, она ждала от писателя Белова самых веских слов в пользу такого решения. И она думала, видно, как и я, одиноко сидящая у телевизора: что же это делается, что происходит с людьми, если ради вражды они готовы забыть истину, пренебречь кровными интересами собственного народа, не побояться потерять лицо...

Или вот, например, чем украсила свою первую полосу многотиражная газета «Московский литератор»: «По неравноправию русских авторов в сравнении с другими являются преступлениями выходы любых номеров «Огонька», «Юности», «Знамени», «Московских новостей», «Советской культуры» и других многотиражных журналов и газет, любой день работы ЦТ, радио. Составы редакционных коллективов в таких органах, если рассмотреть их в свете соответствующей статьи УК, также беззаконны. В силу национального неравноправия в средствах массовой информации русские кандидаты в депутаты на недавних выборах имели в десятки раз меньше возможности вести агитацию за свои программы, чем другие. Почему же никого не только не лишили за это свободы, но и не сделали даже подследственным?»

Прошу у читателей прощенья за длинную цитату. Меня оправдывает лишь то, что считанные единицы читателей «Огонька» читают издания, которые сегодня я разложила на своем столе для обзора. И сама я их вообще-то не читаю. Но ведь они выходят в свет, а я всегда старалась обратить ваше внимание на непопулярные издания. Правда, вы скажете мне, что всегда я выбирала из непопулярных изданий нечто интересное, а теперь вот перепечатываю какую-то дичь. Но я скажу вам так. Задача моя сегодня — ознакомительная и рекламная. Я хочу познакомить вас поближе и с изданиями, которые не только постоянно оппонируют «Огоньку», «Книжному обозрению», «Московским новостям», «Знамени», «Аргументам и фактам», «Новому времени», «Октябрю». Но и постоянно рассказывают всякие интересные подробности из жизни главных редакторов и авторов этих изданий. И время от времени обращаются к общественности, властям, руководству с коллективными письмами, меморандумами, резолюциями, ультиматумами, требующими закрыть, разогнать, уничтожить эти издания. Или уж отдать их настоящим русским людям, среди которых чемпионы породы — члены секретариата Союза писателей РСФСР.

Рекламная задача видится мне вот в чем. Вся ярость этих изданий вызвана тем, что их мало кто читает. У них есть иллюзия: если подобных им будет больше, то и читателей будет больше. Но самые умные из них понимают, что одним увеличением числа подобных изданий мало чего добьешься: «основная масса» хочет иного. Поэтому они делают одновременно два дела: стараются открывать новые, подобные своим любимым издания — и уничтожать издания ненавистные. Путь простой и надежный: если у «основной массы» не будет из чего выбирать, так она, как миленькая, будет читать нас, заединщиков. И мы ей быстро объясним, что хорошо, что плохо.

А теперь прошу вглядеться в цитату из писательской многотиражки. Перечитайте первые строки, вникните в их смысл.

И если кому-нибудь после этого станет интересно, представители каких национальностей работают в штате редакций,— что ж, пусть придет в отдел кадров, изучит анкеты. Если ответы отдела кадров покажутся неубедительными (русскоязычные берут псевдонимы, меняют фамилии, врут про бабушек) — милости просим, приходите с антропологами, всех построим, меряйте лбы, затылки, уши. Нужен анализ крови? Давайте сделаем анализ крови, пошлем на независимую экспертизу... Только вы, господа, пишите уж всю правду: так и так, мол, нам, расистам, охота выяснить, кто у них на самом деле еврей. Нам охота обеспечить у себя на родине чистую коренную породу. Нам кажется, что если мы всех нечистопородных переловим и изничтожим, так самим нам очень хорошо заживется. Вынуждена цитировать писательскую многотиражку снова: «Предоставить каждому пишущему стихи возможность печатать ежегодно книгу, если она написана...»

Превремся. Прошу осознать степень притязаний: каждый пишущий стихи в год должен издавать книжку. Единственное условие: чтобы она была написана. Вопрос, как написана, вообще не ставится. Если бы вы не поленились прочесть имена выступающих на пленумах СП РСФСР, вы бы с удивлением заметили: среди них чрезвычайно редки знакомые вам имена. На этих собраниях выступают никому, во всяком случае «основной массе», неведомые люди. Выступают от имени писателей, тоже обременены тяжким долгом питать свой народ небесными хлебами, требуют от правительства что-то прекратить, а что-то, наоборот, начать...

Как так получается? Ведь и Евтушенко, и Бакланов, и Дудинцев, и Рыбаков, и Приставкин, и Вознесенский, и Гранин — российские писатели. Но пленум российских писателей — против них. И они — против такого пленума.

Кто же они, эти люди пленума, активисты, чувствующие себя обделенными счастьем и славой, задавленными инородцами, не могущими из-за них говорить напрямую с «основной массой»? Они члены Союза писателей. В этом Союзе десять с лишком тысяч членов.

Чтобы вступить в этот Союз, нужно одолеть особо укомплектованную приемную комиссию. Ее возглавляет некто Виктор Смирнов. Слыхали про такого? То-то, что нет. Вы вообще, как я с самого начала, еще на Куняеве вам показала, люди темные. А это, наверное, знаменитый поэт. Или прозаик. Ну, раз возглавляет приемную комиссию. Решает, кого взять в члены. Его мысли тоже изложены в писательской многотиражке. Он там говорит, что приемная комиссия требует от литератора «особых качеств». «Мы, извините, добры. Мы не хотим обижать людей,— излагает председатель.— Мы и так рассматриваем в день по 12—13 абитуриентов. Выдающиеся так работать не могут».

Это он отвечает на наш с вами дилетантский вопрос: почему бы приемную комиссию не возглавить какому-нибудь известному писателю?

Кроме того, за выдающимися «шлейф собственной школы, группы». А за нынешней приемной комиссией ровно ничего не тянется. Они, извините, добры. Приняли десять тысяч человек, теперь кормить надо. Надо по книжке в год издавать, если написана. И ничего не стоит, между прочим, это делать, как учит нас автор. Каждому принятому комиссией Смирнова обеспечить в год по книжке (была бы только написана) ничего не стоит: «если отдать на это одну пятую часть бумаги какого-либо единственного романа-бестселлера». Чудный способ. Романов-бестселлеров у нас все равно всем не хватает, ну, так будет и поменьше, никто не заметит. Зато у всех поэтов в год по книжке. И у автора этого гениального предложения, наверное, тоже в год по книжке. Потому что он сам поэт. Владимир Фомичев. Слышали? Да что вы все со своим Евтушенко? О Фомичеве, спрашиваю, слышали? А он, между прочим, парторг московских поэтов. Насчет того, чтобы некоторых редакторов в тюрьму посадить за то, что русских в своих изданиях ущемляют, а авторам черепа не обмеряют, да и у самих черепа подозрительные,— насчет тюрьмы для этих и других экстремистов это его, парторга и поэта, предложение.

Между прочим, толкуя о перегрузках членов приемной комиссии, ее председатель говорил, что по двум-трем книжечкам нельзя судить, поэт перед вами или не поэт, поэтому приходится читать и рукописи.

Ох, как горько им жить на свете! Кругом ужасная, несправедливая жизнь. «На рассвете Ягода вновь идет с револьвером... Моль, микробы засады, недоумки, пираты, полосаты, усаты, кривозубы, горбаты. Не означив крестами место гоев погибших, прах шевелят хвостами в травах, мокро прилипших».

Это еще один знаменитый русский поэт. Страшно читать-то? То-то, что страшно. А кто такие микробы засады? А кто такие недоумки, пираты? Бог весть. Можно ведь и переставить: микробы пираты, недоумки засады. А все равно страшно. Вот поэзия! Здесь всего одно ключевое слово: гой. Вот гой — всего-то три буковки, а сразу понятно, что это евреи истребляют христиан. И хвостами помогают. И усами шевелят.

Еще хотите? «Велико терпение России. Шовинисты, это ли не вы по траншеям кровь свою месили, проходя к Берлину от Москвы? Шовинисты, на могилах братских обелиски ваши, как ножи, из атак, матросских и солдатских, движутся на вражьи рубежи. Мать-Россия, к новому фашисту не стекутся варвары на пир, помоги святому шовинисту уберечь и узаконить мир».

Сей кроссворд предоставляю вам разгадывать самостоятельно. Я все-таки всего лишь журналист, хотя и засела на вражьих рубежах, и это на меня, видно, нацелены, как ножи, памятники моим братьям, отцам и дедам. Одно скажу: они никогда не были шовинистами. Никогда. Это гнусная клевета на них. Никого не зову в свидетели, ничьи цитаты не привожу себе в помощь. За это, за своих предков отвечаю одна, сама.

...С ними и не заметишь, как начнешь оправдываться, клясться или впадать в пафос. Вот уже одно милое моему сердцу издание, готовя ответ на очередной выпад заединщиков, озадачено: кто подпишет наше коллективное письмо? Этот? Нет... Нужны абсолютно русские имена.

Вот именно того и хотели наши, деликатно говоря, оппоненты. Чтобы мы друг в друга вглядывались, в звук вслушивались.

Изнурительные, тяжкие, никому не нужные игры.

Зачем трепали нервы «Октябрю»? Для чего из номера в номер «Литературная Россия» публиковала письма людей, которые не читали «Прогулки с Пушкиным» и «Все течет»? Зачем? Ведь все же все понимают, дураков-то не так уж и много вокруг, во всяком случае не «основная масса». «Возмущение публикацией в журнале «Октябрь» разделяет кузнец-штамповщик из города Дзержинска, математик из Новосибирска и многие другие»... Разделяет кузнец-штамповщик? Но люди-то в «Литературной России» ведь грамотные, читать не разучились. Отписали бы кузнецу-штамповщику личное спокойное письмо: так, мол, и так, прочли с карандашом в руках и отрывок Синявского, и повесть Гроссмана. Придраться там не к чему. У Синявского — гимн во славу Пушкина (а это, чем возмущаются, у нас не опубликовано, и вам, товарищ кузнец-штамповщик, на глаза никак попасться не могло). У Гроссмана — трагическая любовь двух славян (какая уж тут русофобия, пригрезилась она, помстилась некоторым или придумали они ее в своих тайных целях). И вы, товарищ кузнец-штамповщик, не верьте наветам. Наслаждайтесь печальной повестью о советских Ромео и Джульетте. А если вас смутит... Там о Ленине главный герой не очень почтительно, а вы прочтите статью Г. Водолазова — очень просвещающий комментарий.

Не позорьте вы свое имя, товарищ кузнец. Ведь рабочим именем каких только писателей, каких только поэтов не казнили, не приговаривали. Не слушайте вы литературных интриганов. У них свои задачи, а от вас им только и надо, что вы — кузнец-штамповщик. Математиком они уже запаслись, учительницей, колхозником, пенсионером. Теперь кузнец — и спокойно можно Ананьева с работы снимать.

А то, что Ананьев воевал, что он автор нескольких популярных романов, что он народный депутат... «Как мог напечатать такую гадость в журнале...» «Возмущены до глубины души не только ничтожными и грязными выпадами автора, но и редакцией, опубликовавшей этот бред... Плевок в открытую душу всех россиян... Руки прочь...» «Невозможно читать без отвращения это завистливое, грязное глумление над гением... Поражают бескультурье, хамство, наглость и цинизм Абрама Терца... Как мог напечатать такую гадость...» Не называю авторов этих писем. И не ставлю под сомнение их подлинность: жизнь наша многообразна, и, теоретически, такие письма могли прийти и по почте.

Но литераторы, но журналисты... Как же они подписывали это в набор, вычитывали с машинки, сокращали в полосе? Ведь авторы писем — ладно — не знают, что все это ложь, беспардонная ложь, но редакция знает... Непостижимо. Невозвратно. Неостановимо. Невосстановимо...

Надо дальше жить с сознанием, что в одной из редакций руководство, видимо, дало поручение сотрудникам одного из отделов начать и на хорошем интенсивном уровне провести травлю одного старого писателя, одного давно умершего писателя и одного писателя, посидевшего ни за что в лагерях и живущего в эмиграции. И отдел выполнил задание, справился с поручением. И, может быть, заслужил похвалу начальства. И, наверное, когда получит следующее подобное поручение, опять справится. Да во второй раз и легче, в третий еще легче, там привычка нарабатывается.

Только вот «основная масса»... «Основная масса», по опросам социологов, считает самой читаемой книгой прошлого года после «Архипелага ГУЛАГ» «Все течет». С основной массой письмом кузнеца-штамповщика не сладишь. Не сладишь и целым пленумом, пусть там соберутся хоть сплошь парторги и активисты.

И популярность чисто литературоведческого эссе «Прогулки с Пушкиным» благодаря гонениям резко возросла. Эссе прочли многие из тех, кто читать не собирался. А я прочла дважды. Второй раз потому, что испугалась: вдруг я сумасшедшая? Вдруг я не заметила там тех слов, за которые так клеймит журнал «Литературная Россия». Водрузила на нос очки, взяла карандаш, водила карандашом по строчкам... Нет, слава Богу, не сумасшедшая. Обыкновенный обман...

Одно письмо по поводу «Октября» из «Литературной России» приведу целиком, потому что не могу устоять перед искушением: хочется посмешить публику.

«В связи с позицией главного редактора журнала «Октябрь» А. Ананьева, намеренно защищающего антирусскую направленность публикуемых журналом произведений, таких, как «Прогулка с Пушкиным» А. Синявского, «Все течет» В. Гроссмана, **и той нездоровой шумихой** в печати и на Центральном телевидении, повлекшей даже со стороны некоторых народных депутатов СССР оскорбительные **цитирования** в адрес русского народа, мы, новгородские писатели, **выражаем полное неприятие** такой позиции. Новгородская областная писательская организация». Вчитайтесь в выделенные мною слова!

А вот и еще один подобный праздник. Даже еще лучше. Это «Литературная Россия» дает сама себе рекламу. Рекламщики всего мира, облизывайтесь: «Полцарства за коня!» — неосторожно изрек как-то герой одноименной трагедии Шекспира. Авторы полосы одноименной комедии Гоголя предлагают целую «Литературную Россию» за 7 рублей 80 копеек. К тому же коня надо целый год кормить дефицитным нынче сеном, а «Литературная Россия» будет вас кормить сама не менее дефицитной духовной пищей».

Я ничего не выдумываю. Здесь никакие слова не пропущены, не вставлены. Все знаки препинания на месте.

Но все-таки понять, что это реклама, можно. И я присоединяюсь: подпишитесь вы, ради Бога, на эту газету.

Подпишитесь! Кто говорит, что это антисемитская газета, тому не верьте. Это скорее русофобская, латышефобская, армянофобская газета. Вернее, даже не так. Там ненавидят все, что дергается, высовывается, шевелится, привлекает к себе общественное внимание, все, чему вдруг аплодирует «основная масса».

Здесь очень уважают Гидаспова. Даже перепечатывают его доклады. Здесь сочувствуют генералу Самсонову и тем ребятам, которые управлялись в Тбилиси саперными лопатками. Здесь поддерживают тех афганцев, которые хотят и дальше считать, что защищали правое дело. Здесь сочувствуют русским, которые не хотят учить эстонский, латышский, литовский, молдавский языки и устраивают против этих языков забастовки. Здесь приветствуют грузинского правозащитника, когда он хочет облить грязью Андрея Дмитриевича Сахарова и его жену. Здесь даже публикуют его письмо, не смущаясь тем, что состоит оно из одних домыслов и сплетен. Не брезгуют. Редкая, видать, добыча — письмо против Сахарова. Здесь поддерживают ОФТ. Писателя Гусева, который, как пролетарская пушка, стреляет туда и сюда, потому что не видит вокруг ни единого хорошего человека, ни единой интересной публикации, ни одного хорошего журнала, ни одного умного закона... Кажется, придет весна, так он и про нее напишет, что ничего хуже на свете не было. Здесь терпеть не могут Абалкина и правительственную программу оздоровления экономики — в целом. Шмелева. Попова. Заславскую. Собчака. «Аргументы и факты». «Книжное обозрение». «Московские новости». Конкурсы красавиц. Совместные предприятия. Свободные экономические зоны. Евтушенко — отдельно, в целом, как поэта, как депутата, как вообще факт нашей жизни. Всех Ивановых, кроме Анатолия. Наталию Ильину. Рыбакова — как писателя, за ПЭН-клуб, а за «Детей Арбата» отдельно. Здесь обожают альманах «Кубань». Полковника Духанина. Депутатов Алксниса и Когана. Философа Э. Володина. Здесь публикуются критики Лощиц и Писарев (А.), А. Варламов и В. Отрошенко (не знаю, прозаики или поэты, но, наверное, хорошие), поэт и общественный деятель С. Золотцев.

Ну, подписывайтесь. Дефицитная же духовная пища. Впрочем, если не хотите на «Литературную Россию», можете подписаться на альманах «Кубань», «Сибирь» или «Московский литератор». Тот же дефицит. Вот «Литературная Россия» сообщает, например, что «Кубань», «несомненно, лучший (возможно, в своем роде пока единственный) провинциальный ежемесячник в стране. По концентрации интеллектуально-духовной мысли «Кубань» за последнее время оставила далеко позади немало «толстых журналов». По части несомненно лучшей концентрации приведу вам совсем небольшой, но весьма концентрированный интеллектуально-духовный отрывок. Это из великого русского поэта и общественного деятеля Куняева: «Талант сатирического осмеяния не привязывает особо крепко к Родине, ее народу, природе... За двадцатилетие жизни за рубежом ничего значительного, кроме Солженицына, никто не написал».

Афоризм, конечно, имел прикладное значение, целился, видно, в какого-нибудь Войновича с его так называемым Чонкиным. Но, как это и случается у великих людей, концентрированная мысль неожиданно охватила собой и Гоголя, и Салтыкова-Щедрина...

Но «Кубань» с ее концентрированной духовностью, помнится, не была мною обойдена и в одном из журнальных обзоров. А вот «Сибирь»... Тут тоже все очень концентрированно. Здесь, например, в третьем номере беседовали Борис Лапин и Надежда Тендитник. Писатель и критик. Правда, я не знаю, кто из них писатель, кто критик, но сами они наверняка знают. Вот они объяснили друг дружке, что никакого журнального бума сейчас не существует, а есть только «искусственное раздувание тиражей»... Вот они объяснили уже нам, «основной массе», что «шабаш», который мы, читатели, подняли осенью 1988 года, борясь за свободную подписку, не стоит ни одного уважительного слова. Потому что знаете, «что за этим скрывалось? Не что иное, как попытка монополизировать общественное мнение». Вот они сообщили друг другу, что «Кавалер Золотой Звезды» куда художественнее романа В. Дудинцева «Белые одежды». Вот оба со всей искренностью недоумевают: почему для «детей Арбата» жизнь здесь (в Сибири.— **Т. И.**) — наказание?!» Роман-то, наверное, не читали. Там ведь написано было... Ссылка — она ведь мало кому не кажется наказанием... Но вот дальше почти одновременно до всего догадываются: «В элитарной точке зрения на Сталина и его эпоху, в этой кастовой ограниченности и следует искать причину идейно-художественной несостоятельности романа».

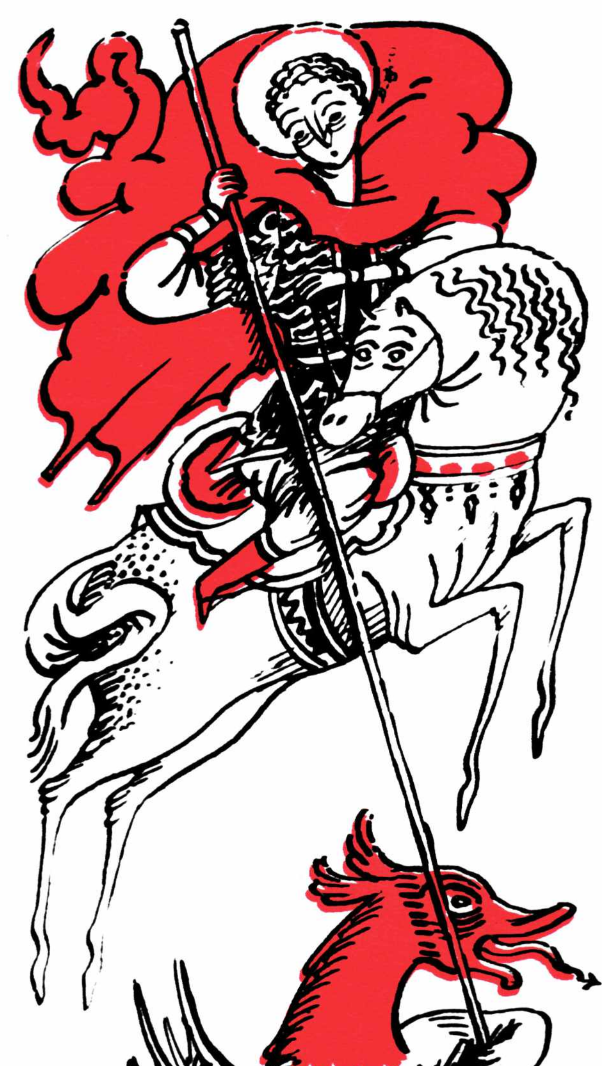

Рисунок Сергея ТЮНИНА

Вот у них так сплошь получается, у заединщиков. Кто-нибудь из них первый напишет, другие за ним повторяют. А тот, первый, роман явно не читал. Он по заголовку рассудил. А по заголовку вышло, что дети Арбата — элитные, кастовые дети, сплошь богатенькие, из руководящих семей.

В романе, как мы знаем, разные дети. Да и на Арбате всегда жили разные люди... Но писатель и критик об этом знать не могут. И поэтому они концентрированно выражают свой духовный интеллект: «Истинные дети России не признают в «детях Арбата» своих сверстников и соотечественников».

Вот не хочется мне ни шутить, ни смеяться. А только поделиться с вами, читатель, своим ужасом: какие же бездны, что за черные бездны открываются в иных гуманитарных душах! Хорошо, вы не читали роман. Вам кажется, что там, на Арбате, жили одни только дети больших чиновников. При этом некоренной национальности, что для вас существенно. Пусть так. Пусть начальники и пусть некоренные, инородцы, вообще представители малого народа, по мнению единомышленников с вами изданий, принесшего неисчислимые бедствия России. Ну пусть, пусть на Арбате жили одни евреи. Но неужели их, замученных и сосланных, униженных и оскорбленных, вы, называющие себя русскими людьми, гордящиеся сибирским происхождением, неужели их вы даже соотечественниками отказываетесь признать? Литературных героев? Живших и мучившихся много лет назад?

Но я не верю, не могу поверить вам, писатель и критик, что вы настолько безжалостны, настолько несострадательны и бесчеловечны. Мне кажется, тут дело в другом. Просто в некоторых ежемесячниках любят выражаться красиво, но не всегда знают, как для этого нужно расставить слова. Ну, в самом деле, как можно сверстника сверстником не признать. Он говорит: мне сорок лет. А ты ему отвечаешь: мне тоже сорок, но сверстником я тебя не признаю!

Мне хочется, перед тем как расстаться с «Сибирью», показать вам, что ценят писатель и критик превыше всего, что дорого их взволнованным сердцам. Цитирую: «Самое талантливое в критике и публицистике последних лет — выступление В. Распутина в защиту патриотического общества «Память» в г. Горьком (опубликованное в «Нашем современнике») и проникнутые болью за судьбы отечественной культуры блистательные выступления Ю. Бондарева, особенно его речь на XIX партконференции».

В первом номере за этот год «Наш современник» (в чисто белом, прямо подвенечном платье, к которому не пошел, видимо, усатый пролетарский буревестник) намекает, что авторы или подлые наймиты «Огонька» мешками, контейнерами выкрадывают журнал — то в Харькове, перед выборами Коротича, то в Фергане перед «печально известными событиями». «Поступали сообщения о сожжении части тиража майского номера,— зловеще нашептывает журнал (Откуда поступали?! Кто жег?! Неизвестно).— Так и не удалось выяснить, был ли это типографский брак или такие вот «потерявшиеся» в дороге экземпляры».

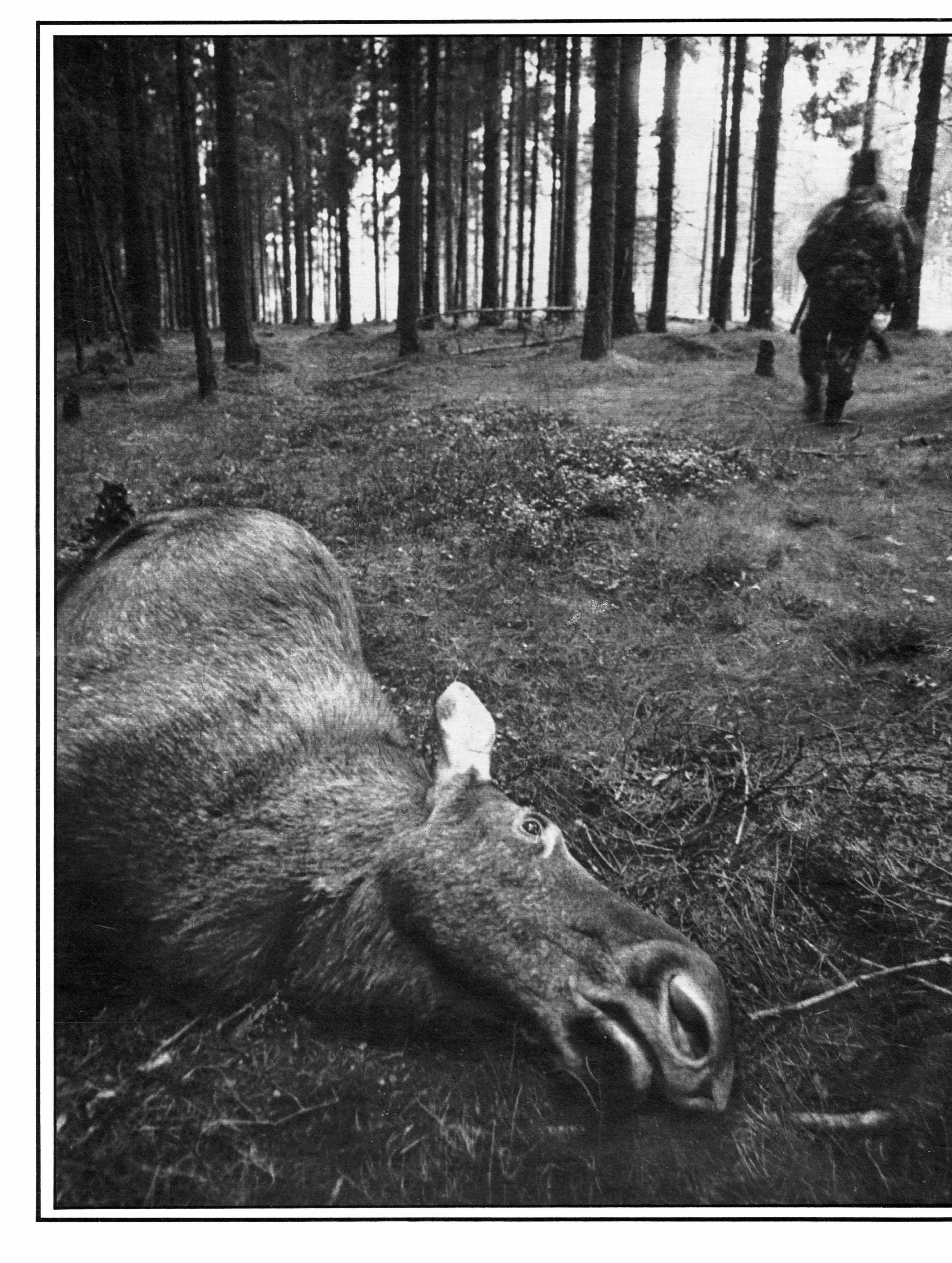
Спросили бы меня, я бы сразу сказала. Конечно, не брак. Брака у нас вообще не бывает. И ясно, что не «в дороге потерявшиеся». У нас вообще ничего не теряется в дороге. Коротич с Яковлевым, Баклановым и Авериным наняли свою мафию из международных боевиков-сионистов. Подкарауливают журнал по дороге, сопровождающих убивают, кровь выпивают, журнал жгут, пепел продают на Запад, за валюту, деньги складывают в швейцарский банк. Скоро купят Крым, ГУМ, стратегическое сырье, все туалеты в России сделают платными и сбегут в Израиль. Оттуда будут слать подачки. Проценты с этих подачек они будут отдавать так называемым народным избранникам Собчаку и Тихонову, чтобы протаскивали в парламенте погибельные для России законы. А на остальное сами станут предаваться русофобии.

В заключение у меня просьба к коллегам из «Литературной России», «Московского литератора», альманахов «Кубань», «Сибирь» и прочим заединщикам. Не надо думать, что «Огонек» и впредь будет отвечать на сплетни и наветы. Не будет. Не надейтесь. Надо вам, чтобы ваши издания были широко известны,— пишите позанятнее, делайте газеты поинтереснее, завоевывайте читателей и подписчиков.

Это просто так уж случилось, что я оказалась рядом с одним подоконником. А он был буквально завален малотиражными изданиями. Вот я их и перебрала.

Поблагодарите «Огонек» за рекламу. Уверяем, что среди читателей журнала немало любителей «чернухи». Они пополняют ряды ваших подписчиков.

А лучше — разожмите сведенные злобой и тоской челюсти, перестаньте яриться да и идите к нам, к основной массе. У нас — хорошо. Люди кругом — живые, смелые, умные. Есть кому аплодировать, есть кем и восхищаться. Хватит вам писать коллективные доносы. Темное это дело. Не русское.

НА ПЛАНЕТЕ, БОГОМ ПОЗАБЫТОЙ

Фото
В. ВЕЛЕНГУРИНА

Фото
А. КУПЦОВА ▸

◂ Фото
С. ПОДМЕТИНА

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

* * *

Что же натворили мы с природой?
Как теперь нам ей смотреть в глаза?
В темные отравленные воды,
В пахнущие смертью небеса.

Ты прости нас, бедный колонок,
Изгнанный, затравленный, убитый...
На планете, Богом позабытой,
Мир от преступлений изнемог.

* * *

Жизнь нуждается в милосердии.
Милосердием мы бедны.
Кто-то злобствует, кто-то сердится.
Кто-то снова в тисках беды.

Жизнь нуждается в сострадании.
Наши души — как топоры...
Слишком многих мы словом ранили,
Позабыв, что слова остры.

«ИЗБРАННИКИ»

Печально, что народ
Становится толпой.
И в лидеры берет
Обиженных судьбой.
Избранники толпы,
Одолевая страх,
В делах пока слабы,
Зато смелы в речах.
Вон тот седой кумир,
Актер и нацгерой,
Вновь удивляет мир
Своей плохой игрой.
Он шубу шьет себе
Из собственных речей.
Он подобрал к толпе
Достаточно ключей.
Но прыгают слова,
Как пó полу горох,
Толпа всегда слаба,
Когда слабак пророк.
Печально, что народ
Становится толпой.
И Сахаров встает
Принять неравный бой.
И мечутся слова,
Как бисер по траве.
Толпа всегда права,
Поскольку в большинстве.

Вертинский — ровесник Анны Ахматовой. Но его имя невольно связывается чуть ли не с концом XIX века. И дело не столько в его более ранней смерти (1957 год). Скорее в четвертьвековой эмиграции. При этом его творчество неотрывно в нашем восприятии от жизни дореволюционной России.

Многократно варьировалось утверждение, что мир песенок Вертинского — экзотический, изломанный, вычурный. Это и так, и не так. Если понимать под экзотикой «притоны Сан-Франциско», «маленького креольчика» с Антильских островов из ранних его песен, то это, конечно, так. Но, с другой стороны, экзотическая романтика сродни гумилевской, присутствуя в песенках Вертинского, не играла существенной роли.

Что же касается экзотики иного рода, не географической, а, так сказать, социально-психологической, то туда, упоминая Вертинского, непременно заносят «кокаинеток». Точнее сказать, заносили, ибо сейчас уже все «кокаиново-наркоманное» не кажется только воображаемой приметой далеких дней.

Не экзотика, а вполне суровая реальность служила материалом, более того, накидываемая поэтом-певцом вуаль изысканности (не всегда отличающаяся тонким вкусом) на лица и поступки своих персонажей и делала их судьбы фактом искусства. Каждый мог стать героем ариеток (не в том ли и была их притягательность?), надо лишь отрешиться от будничности, унылости быта, службы, низменных увлечений.

В нашу комнату вы часто приходили,
Где нас двое: я и пес Дуглас,
И кого-то из двоих любили.
Только я не знал, кого из нас.

Что недоступного или вульгарного в этих стихах? Пес, который любит духи и грызет перчатки и первым идет за гробом любимой женщины,— это в общем-то грустно, близко одинокому человеку и — целомудренно. А вспомним, что Вертинский десятилетиями считался чуть ли не певцом порока!

То, что его влекли судьбы несчастных, маленьких, как говорится, забытых Богом и обществом людей во времена, когда вместо сердца требовался пламенный мотор, выглядело непозволительным слюнтяйством. Может быть, сейчас, когда мы вспомнили и даже уже немного заиграли слово «милосердие», обращение А. Н. Вертинского к сирым, убогим и страждущим покажется не болезненным, а естественным?

В октябре 1917 года Вертинский написал песню «То, что я должен сказать», вызвавшую новый взрыв интереса и доверия к певцу. Это, подчеркнем, до гражданской войны созданное произведение показало, насколько чутким гражданским слухом обладал творец «ариеток Пьеро».

Разделив судьбу послереволюционной эмиграции, Вертинский сделался на время едва ли не самым откровенным выразителем ее настроений, во всяком случае, на эстраде.

За 25 лет эмиграции Вертинский, как известно, объездил многие страны Европы, был в США, а с конца 30-х годов обосновался в Китае, точнее, в Маньчжурии. Об этом периоде его жизни рассказала близко знавшая певца Н. Ильина в книге «Дороги и судьбы».

7 марта 1943 года из Шанхая Вертинский пишет письмо В. М. Молотову. Суть письма коротко может быть выражена в двух фразах: «Пустите нас домой. Я еще буду полезен Родине». До этого ему дважды отказывали в его просьбах о возвращении на Родину. На этот раз не отказали.

Он выступал с концертами, причем с невероятной для нынешних артистов, да к тому же в 60 лет, интенсивностью: 20—25 концертов в месяц. Добирался даже до Сахалина. Профессиональный тонус Вертинского был всегда поразительно высок. Как и прежде, снимался в кино.

Пришло материальное благополучие. Однако, думается, было все не так просто. Была, конечно, и удручающая раздвоенность от необходимости «идеологического» улучшения самого себя. И что ни говори, а тоска по старой России, искусству прежних лет жила в Вертинском. Посылая В. О. Топоркову стихотворение И. Анненского «Петербург», Вертинский грустит: «Вот как раньше писали. И другой «Петербург» — Мандельштама. Оба стихотворения похожи на засохшие венки со старого кладбища. Венки из бессмертников» (17 февраля 1956 года).

И все же главной опорой для Вертинского оставалась публика. Архив певца сохранил множество писем поклонников. Конечно, поклонники были у многих певцов, Вертинский не исключение. Но объединяла тех, кто поклонялся дару «сказителя», как назвал Вертинского Ф. И. Шаляпин, нежно его любивший, благодарность за сочувствие к человеку, всегда наполнявшая песни этого предшественника современных бардов.

С. БОРОВИКОВ

«ТО, ЧТО Я ДОЛЖЕН СКАЗАТЬ»

Александр ВЕРТИНСКИЙ

Их светлой памяти

Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недрожавшей рукой.
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в Вечный Покой!

Осторожные зрители молча кутались в шубы,
И какая-то женщина с искаженным лицом
Целовала покойника в посиневшие губы
И швырнула в священника обручальным кольцом.

Закидали их елками, замесили их грязью;
И пошли по домам — под шумок толковать,
Что пора положить бы уж конец безобразью,
Что и так уже скоро, мол, мы начнем голодать.

И никто не додумался просто стать на колени
И сказать этим мальчикам, что в недоброй стране
Даже светлые подвиги — это только ступени
В бесконечные пропасти — к недоступной Весне!

Москва, октябрь 1917

РОЖДЕСТВО

Рождество в стране моей родной,
Синий праздник с дальнею звездой,
Где на паперти церквей в метели
Вихри стелют ангелам постели,
С белых клиросов взлетает волчий вой.
Добрый праздник, старый и седой,
Мертвый месяц щерит рот кривой,
И в снегах глубоких стынут ели.

Рождество в стране моей родной.
Добрый дед с пушистой бородой,
Пахнет мандаринами и елкой
С пушками, с хлопушками в кошелке.
Детский праздник, а когда-то мой.
Кто-то близкий, теплый и родной
Тихо гладит ласковой рукой.

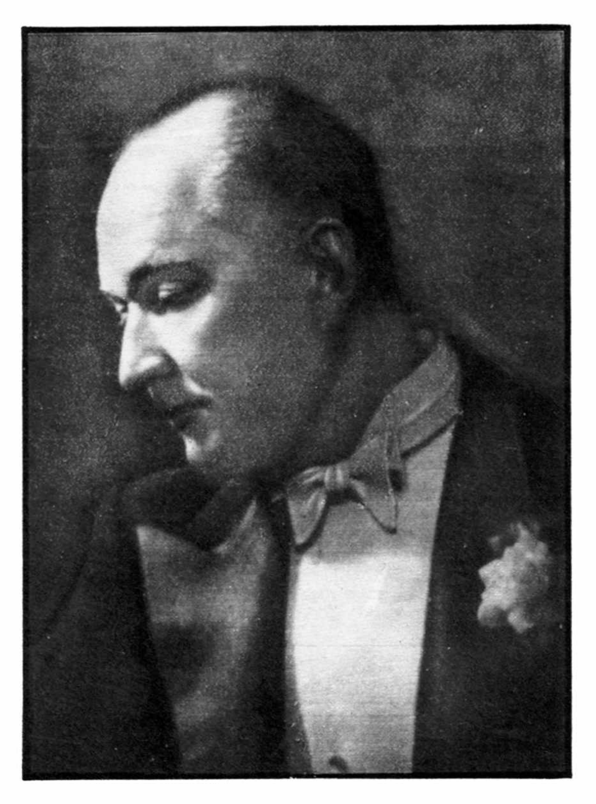
Время унесло тебя с собой,
Рождество страны моей родной.

Париж, 1934

ДЕВОЧКА ИЗ БАРА

Вы похожи на куклу в этом платьице аленьком,
Зачесаны по-детски и по-смешному.
И мне странно, что вы, такая маленькая,
Принесли столько горя мне, такому большому.

Истерически злая, подчеркнуто пошлая,
За публичною стойкой, всегда в распродаже,

Вы мне мстите за все ваше бедное прошлое
Без семьи, без любви и без юности даже.

Сигарета в крови. Зубы детские — кроткие.
Эти терпкие яды спокойно глотая,
Вы сожжете назло свои слабые легкие,
Проиграете в кости всю жизнь, дорогая.

А потом... А потом на кладбище китайское,
Наряжены в тихое белое платьице.
Вот в такое же утро, весеннее, майское,
Колесница с поломанной куклою катится.

И останется... песня. Но песня не новая.
Очень грустный и очень банальный сюжет:
Две подруги и я. И цветочки лиловые.
И чужая весна. Только вас уже нет.

Шанхай, 1939

* * *

Хорошо в этой маленькой даче
Вечерами грустить о тебе.
Так по-детски, так жалобно плачет
Маячок на зеленой губе.

И уходят в закатные дали
Золотые кораблики-сны,
Это те, что мы в детстве пускали
По ручьям и по лужам весны.

Скоро вспыхнут опалами ядра
Фонарей в предвечерней тени
И на реях японской эскадры,
Как на елке, зажгутся огни.

А вчера в кабачке у фонтана
Человек с деревянной ногой
Говорил, что любовные раны
Заживают от пули простой.

И смеясь над моими стихами
После пятой бутылки вина,
Вдруг сказал, заливаясь слезами:
«От меня убежала жена.

Понимаешь, влюбилась в матроса,
Я — калека, а он — молодой.
Ничего. И такие вопросы
Разрешаются пулей простой».

Я ему ничего не ответил.
Я молчал, улыбаясь тебе.
Кто-то в море, печален и светел,
Точно ангел пропел на трубе.

Да, любовь — это Синяя Птица,
Только птицы не любят людей.
Я усну. Мне сегодня приснится
Мягкий шелк твоих рыжих кудрей.

Циндао, 15 июля 1940

* * *

Знаешь, если б ты меня любила,
Ты бы так легко не отдала
Ни того, что мне сама дарила,
Ни того, что от меня брала.
(...)
Я живу. Я жить могу без веры,
Только для искусства одного.
И в моих глазах пустых и серых
Люди не заметят ничего.

Шанхай, 29. 1. 1941

Джон Ле КАРРЕ

РОМАН

Рисунок Роберта ДЖОРДЖАНА

ШПИОН, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА

ПУТЬ НА ДНО

Никто особенно не удивился тому, что Лимаса списали. Уже долгое время в Берлине дела шли плохо, и настала пора найти козла отпущения. К тому же Лимас состарился для оперативной работы — она требует быстрой реакции профессионального теннисиста. Во время войны Лимас работал блестяще — все это знали. Он отлично проявил себя в Норвегии и Голландии. В конце войны его наградили медалью и отпустили. Потом, конечно, опять затребовали. Но с пенсией теперь получилось плохо, совсем плохо. Слух об этом просочился из расчетного отдела. Элси, которая там работала, однажды проболталась в столовой, что из-за перерыва в стаже бедняга Лимас получит всего 400 фунтов в год. Элси считала, что этот закон давно следует изменить. Что ни говорите, а мистер Лимас служил достаточно долго. Но теперь не то, что бывало в старое доброе время. Министерство финансов держит за горло мертвой хваткой, так что, сами понимаете... Даже в худшие времена при Мастоне удавалось кое-что сделать, но сейчас...

Новым людям наговорили, что Лимас — представитель старой школы, раздражителен, потучнел, любит играть в крокет, а французский знает в объеме старших классов. О Лимасе, положим, непорядочно было так говорить. В крокет он играть не любил, немецкий, как и английский, был его родным языком, к тому же он свободно владел голландским, а вот звания бакалавра у него действительно не было, что правда, то правда.

До окончания контракта Лимасу оставалось несколько месяцев, и его направили в отдел банковских операций дослуживать положенный срок. Отдел банковских операций — не то, что расчетный отдел. Он занимается переводом денег за границу, оплатой агентов и субсидированием операций. Если бы работа в этом отделе не была засекречена, на ней можно было бы использовать любого начинающего клерка, но из-за допуска там околачивались офицеры, которых вот-вот собирались списать.

Лимас начал опускаться.

Принято считать, что это происходит достаточно медленно. Но с Лимасом дело обстояло иначе. Из уважаемого человека, уходящего на пенсию, он на глазах своих коллег превратился в озлобленную пьяную развалину — и всего за каких-нибудь несколько месяцев. У алкоголиков появляется особая тупость, а с похмелья с ними вообще невозможно разговаривать, что иногда сходит за рассеянность. Лимас приобретал эти свойства с молниеносной быстротой. За ним стали водиться разные грешки: он одалживал у секретарш мелкие суммы и забывал их возвращать, опаздывал на работу, уходил пораньше, не затрудняясь пробормотать хотя бы сомнительный предлог. Поначалу коллеги относились к нему терпимо. Возможно, им было так же тяжело видеть его падение, как нам страшно смотреть на калек, нищих и инвалидов, потому что невольно возникает мысль: а вдруг это случится со мной... Но в конце концов его пренебрежение к окружающим, грубость и озлобленность привели к тому, что с ним перестали общаться.

Ко всеобщему удивлению, Лимас не особенно огорчался тем, что его списали. Видимо, его воля сломилась. Начинающие секретарши, даже мысли не допускавшие, что с разведчиками может случиться все, что случается с простыми смертными, испуганно наблюдали за тем, как Лимас деградировал. Он перестал следить за собой, не обращал внимания на окружающих, питался в дешевой столовой для самых младших чинов, и не оставалось сомнений в том, что он пьет. Он стал совсем одиноким и перешел в категорию неудачников, раньше времени отстраненных от дел, когда еще можно оставаться полноценным работником. Так бывает с пловцами, которых больше не допускают до соревнований, или с актерами, которых заставляют уйти со сцены.

Поговаривали, что он допустил в Берлине ошибку, и, мол, поэтому его цепочка провалилась — точно никто не знал. Однако все сходились на том, что с ним обошлись суровее, чем можно было ожидать даже от отдела личного состава, отнюдь не славившегося филантропией. На него показывали пальцем как на проигравшего чемпиона, и говорили: «Это тот Лимас, который провалился в Берлине. Страшно смотреть, до чего он дошел».

В один прекрасный день он исчез. Ни с кем не попрощавшись, включая, кажется, самого Контролла. Как раз в этом ничего удивительного не было: в разведывательной службе не принято устраивать торжественные проводы с преподношением золотых часов. Но и при таких порядках исчезновение Лимаса казалось странным. По слухам, он ушел до окончания контракта. Все та же Элси из расчетного отдела мимоходом обронила несколько слов: Лимас попросил, чтобы расчеты с ним производили наличными, что, по ее мнению, значило только одно — неприятности в его банке. Точной суммы выходного пособия, которое ему должны выдать в конце месяца, она не знала, но, во всяком случае, и речи быть не может о четырехзначной цифре. Страховую книжку уже отослали. В отделе личного состава его адрес известен, добавила она, шмыгнув носом, но от «них» вообще ничего нельзя узнать, а от личного состава тем более.

Потом случилась эта история с деньгами. Просочились слухи — как всегда, никто не знал, каким образом,— что Лимас исчез так внезапно в связи с неприятностями денежного толка в отделе банковских операций. Исчезла довольно крупная сумма (не трех-, а четырехзначная, по утверждению особы с голубыми волосами, сидевшей на телефоне), которая якобы была почти полностью покрыта за счет вычетов из пенсии Лимаса. Кое-кто в это не верил: уж если бы Алек решил запустить руку в казну, он нашел бы более безопасный способ, чем подделка документов Главного Управления. Не потому, что он не способен на такой шаг,— просто сделал бы это более умно. Те, которые относились скептически к криминальным задаткам Лимаса, делали упор на его склонность к алкогольным напиткам, на неумение одинокого человека вести хозяйство, на колоссальную разницу в жаловании, которое агент получает дома и за границей, не говоря уже об искушении, которое возникает, когда приходится каждый день иметь дело с живыми деньгами, а тут еще дни службы сочтены. Но все без исключения считали, что, если Алек приложился к казенным деньгам, его песенка спета. Бюро по трудоустройству помогать ему не станет, а отдел личного состава не выдаст аттестации. Или выдаст такую, что даже самого заинтересованного в работниках предпринимателя бросит в дрожь. Отдел личного состава сам никогда не забудет такого поступка и другим не даст о нем забыть. Если Алек действительно позарился на казну Главного Управления, личный состав будет преследовать его до могилы и даже на саван копейки не даст.

Неделю-другую после исчезновения Лимаса некоторые еще интересовались его судьбой. Но даже бывшие доброжелатели уже давно научились не вмешиваться в его дела. Он остался в их памяти нытиком, вечно нападающим на разведку, на ее администрацию и на тех, кого он называл «старой гвардией» и которые, говорил он, устраивают свои делишки, как будто они у себя в полковом клубе. Не упускал он возможности съязвить и по поводу американцев с их пресловутым ЦРУ. Он, казалось, ненавидел их больше, чем восточногерманскую разведку, о которой он говорил редко, вернее, совсем не говорил. Он давал понять, что именно американцы провалили его цепочку, и казался одержимым этой

Продолжение. См. «Огонек» № 15.

мыслью, а если кто-либо старался его утешить, то получал такой отпор, что навсегда пропадала охота с ним связываться. Короче говоря, Лимас исчез. Слухи, домыслы, догадки — мелкая рябь на воде. Сменяется время года, ветер дует в другую сторону — и ряби как не бывало.

Нужно было найти работу. У него не было денег. Ни гроша. Так что история с казной, возможно, была не вымышленной. Бюро по трудоустройству все же сделало ему несколько предложений, но, видимо, они не заинтересовали его и показались неподходящими. Сначала он попытался найти работу в торговле. Фирма по изготовлению клейких веществ откликнулась на его просьбу предоставить ему должность заместителя менеджера и заведующего кадрами. Несмотря на плохую аттестацию отдела личного состава, ему назначили 600 фунтов в год за работу, не требующую никакой особой квалификации. Он продержался неделю. За это время отвратительный запах прогорклого рыбьего жира въелся в его одежду и волосы, набился в ноздри и душил, как запах смерти. Никакие моющие средства не помогали, и он в конце концов состриг волосы под машинку и выбросил два своих лучших костюма. Следующую неделю Лимас пытался продавать в предместьях энциклопедию домашним хозяйкам, но он не пользовался у них успехом, и они не хотели видеть ни его, ни его энциклопедии. Каждый вечер он возвращался усталый в свою квартиру, неся под мышкой неуклюжие свертки с образцами товара. В конце недели он позвонил в компанию и сообщил, что ему ничего не удалось продать. Не выразив ни малейшего удивления, ему напомнили, чтобы он вернул книги, если решил больше не работать на компанию, и повесили трубку. Лимас в ярости выскочил из телефонной будки, забыв в ней злополучные образцы, зашел в ближайшую столовую и здорово напился, истратив 25 шиллингов, что было ему не по карману. Его решила подцепить какая-то сомнительная особа, он на нее разозлился, и его вышвырнули на улицу, пригрозив, что больше не пустят на порог, но через неделю уже забыли о своей угрозе. К Лимасу начали привыкать в этом заведении.

И в других местах тоже примелькалась его серая, мрачная фигура. Он ни с кем не разговаривал, у него не было друга, будь то мужчина, женщина или хотя бы собака.

Он неделями не брился, носил замусоленные рубашки и производил впечатление грязного человека.

ЛИЗА

Наконец он согласился на работу в библиотеке. Бюро по трудоустройству направляло его туда по четвергам, когда он приходил за пособием по безработице, и он всякий раз отказывался.

— Пусть это вам не по душе,— сказал однажды мистер Пит,— но они исправно платят, и работа не трудная для человека с образованием.

— Что за библиотека? — спросил Лимас.

— Исследования в области физики и других отраслей науки. Существует она на благотворительные фонды. Там тысячи томов различной литературы, и еще им подбросят. Нужен второй помощник.

Лимас взял свое пособие и клочок бумаги с адресом.

— Публика там довольно странная,— добавил мистер Пит,— но вы же не навсегда. По-моему, пора попытаться. Верно?

Что-то странное было и в Пите. Лимас не сомневался, что видел его где-то раньше. На Кембриджской площади, во время войны.

Библиотека напоминала изнутри церковь, к тому же очень холодную. Два черных масляных радиатора в противоположных углах издавали запах парафина. Посередине небольшое огороженное пространство, как для свидетелей в зале суда, и в нем — библиотекарша, мисс Крэйл. Лимасу в жизни не приходилось работать под началом у женщины. В Бюро по трудоустройству его никто об этом не предупредил.

— Я новый помощник,— сказал он,— моя фамилия Лимас.

Мисс Крэйл оторвалась от картотеки и посмотрела так, словно услышала ругательство.

— Помощник? Что еще за помощник?

— Помощник. Из Бюро по трудоустройству. От мистера Пита.

Он бросил на стойку свою анкету. Она взяла ее и принялась изучать.

— Значит, вы мистер Лимас,— не спросила, а приступила к первому этапу исследования фактических данных мисс Крэйл,— и вы от Бюро по трудоустройству.

— Нет, Бюро направило меня. Мне там сказали, что вам нужен помощник.

— Понимаю,— улыбнулась она деревянной улыбкой.

В этот момент зазвонил телефон. Она сняла трубку и начала с кем-то ругаться. Лимас догадался, что это не первая перебранка. На начало ссоры было не похоже. Она орала и спорила о каких-то билетах на концерт. Минуты две он послушал, а затем побрел к стеллажам. У одного из них он увидел девушку. Она стояла на лесенке и снимала с верхней полки объемистые тома.

— Я новый работник,— сказал он,— моя фамилия Лимас.

Она спустилась вниз и довольно официально протянула руку:

— Лиза Голд. Очень приятно. Видели уже мисс Крэйл?

— Да, но она сейчас разговаривает по телефону.

— Наверно, ругается с матерью. Что вы будете здесь делать?

— Не знаю. Работать.

— У нас сейчас идет перерегистрация. Мисс Крэйл взялась за составление нового указателя.

Она была высокой, угловатой, с длинной талией и длинными ногами. Туфли носила без каблука, чтобы казаться пониже. Черты лица, пожалуй, красивые, но начали расплываться. А может, они всегда были такими — трудно сказать. Лимас сразу же определил, что ей года двадцать два — двадцать три и что она еврейка.

— Когда-нибудь занимались таким делом?

— Нет,— он поднял с пола ящик и начал перебирать карточки.— Меня сюда направил мистер Пит. Из Бюро по трудоустройству,— он снова поставил ящик на пол.— В карточках писать чернилами тоже можно только мисс Крэйл?

— Да,— сказала она и ушла.

Он постоял немного, потом взял с полки книгу и просмотрел титульный лист. «Археологические раскопки в Малой Азии. Том четвертый». Остальных томов у них, видимо, нет.

В час дня Лимас почувствовал, что ужасно проголодался.

Он подошел к Лизе.

— Как насчет ленча?

— Я приношу с собой сандвичи,— она казалась немного смущенной,— могу вас угостить, если хотите. Кафе здесь за три версты, вокруг не найти.

— Спасибо, я выйду. Мне все равно нужно сделать кое-какие покупки.

Она наблюдала за ним, пока он не скрылся за дверью.

В половине второго он вернулся. От него пахло виски...

Ровно в половине шестого мисс Крэйл надела пальто и, подчеркнуто попрощавшись только с мисс Голд, покинула библиотеку...

Он прошел в соседнюю секцию стеллажей, где на нижней ступеньке лесенки сидела Лиза Голд и читала что-то вроде трактата. Заметив Лимаса, она с виноватым видом спрятала брошюру в сумочку и встала.

В шесть часов она отдала ключи сторожу, бедному старику, контуженному в первую мировую войну, который, как сказала Лиза, не спит всю ночь на случай контратаки со стороны немцев. На улице было жутко холодно.

— Вам далеко? — спросил Лимас.

— Минут двадцать ходьбы. Я всегда возвращаюсь пешком. А вам?

— Мне недалеко,— сказал Лимас.— До свидания.

Он медленно побрел к себе. Вошел в квартиру, повернул выключатель — свет не зажегся. Попробовал в кухне, над кроватью — нет. На коврике возле дверей заметил письмо. Вскрыл его и при слабом желтоватом свете, падающем с лестничной площадки, прочел его. Электрокомпания сообщала, что, к сожалению, вынуждена отключить электричество, пока не будет оплачен счет в девять фунтов четыре шиллинга и восемь пенсов.

Через три недели после того, как Лимас начал работать в библиотеке, Лиза пригласила его поужинать, сделав вид, что ей это вдруг пришло на ум. Она, казалось, понимала, что, пригласи она его на завтра или на послезавтра, он забудет или просто не придет. Поэтому она предложила ему поужинать у нее в пять часов того же дня. Лимас мялся, но в конце концов согласился.

Они шли к ней под дождем. Мокрые улицы, мчащиеся мокрые машины, лакированные от воды мостовые, сверкающие желтыми искрами света,— точно так же было бы, если бы они шли в дождь по любому другому городу. Лондон, Берлин — какая разница...

Это был первый ужин Лимаса у нее дома. Потом было много других. Он приходил по первому же ее приглашению, а она приглашала часто. Он говорил мало. Когда она поняла, что он склонен приходить, она начала накрывать на стол с утра, перед уходом на работу. Даже зелень готовила заранее и свечи ставила на стол — она любила их мерцающий свет. Она всегда чувствовала, что с Лимасом что-то не так и что однажды он может сорваться по не понятной ей причине и она его больше никогда не увидит.

Она хотела рассказать ему, что не заблуждается на его счет, и в один из вечеров сказала:

— Вы вольны уйти в любое время, я никогда не стану вас разыскивать, Алек.

Его карие глаза задержались на ней.

— Я предупрежу вас, прежде чем уйду,— ответил он.

Вся квартира состояла из комнаты, служащей одновременно гостиной, спальней и кухней. В комнате стояло два кресла, диван-кровать и книжная полка с массой книг в мягком переплете. Большей частью классика, которую она никогда не читала.

После ужина она, бывало, что-нибудь ему рассказывает, а он курит, растянувшись на диване. Она никогда не знала, слушает ли он — ее это не заботило. Она опускалась на колени перед диваном и, прижавшись щекой к его руке, продолжала говорить.

Однажды она спросила:

— Алек, во что вы верите? Не смейтесь, скажите мне.

Она терпеливо ждала, наконец он ответил:

— Я верю в то, что одиннадцатый автобус обязательно довезет меня до Хаммер-стрит. И не верю в то, что за рулем сидит Дед Мороз.

Она, казалось, задумалась над его ответом. Потом снова спросила:

— Во что же вы все-таки веруете? — Лимас пожал плечами.— Во что-то вы должны верить,— настаивала она.— Скажем, в Бога. Я убеждена, Алек, что вы верите. У вас иногда такой взгляд, словно вы должны сделать что-то особенное, выполнить какое-то назначение, может быть, произнести молитву. Не смейтесь, Алек, это так.

— К сожалению, Лиза, вы не правы. Я не люблю американцев и народные школы, я не люблю военные парады и солдатский патриотизм. И я не люблю рассуждений о смысле жизни,— добавил он без улыбки.

— Но, Алек, согласитесь, что...

— Должен сказать,— перебил Лимас,— что я не люблю людей, которые мне рассказывают, что я должен думать.

Она понимала, что он рассердился, но не могла удержаться.

— Потому что вы не хотите думать. Не решаетесь. Ваш ум чем-то отравлен, какой-то ненавистью. Вы — фанатик, я это знаю, но не могу понять, какой идеей вы одержимы, Алек. Вы — фанатик, который не хочет обращать людей в свою веру. Это опасная штука. Вы похожи на человека, который... поклялся отомстить или что-то в таком роде.

Карие глаза не отрывались от нее. Когда он заговорил, ее напугала угроза, звучавшая в его голосе.

— На вашем месте,— сказал он резко,— я занимался бы своими делами.

Вдруг он лукаво улыбнулся, как улыбаются ирландцы. До сих пор он никогда так не улыбался, и Лиза знала, что он постарался вложить в эту улыбку все свое обаяние.

— А во что верит Лиза? — спросил он, и она ответила:

— Меня не так просто понять, Алек.

Позднее тем же вечером они еще раз вернулись к этому разговору. Возобновил его Лимас. Он спросил, религиозна ли она.

— Вы неверно меня поняли,— сказала она,— совсем неверно. Я не верю в Бога.

— А во что вы верите?

— В историю.

Он удивленно на нее посмотрел и рассмеялся.

— Лиза, что вы! Нет, нет! Не коммунистка же вы, черт возьми!

В ответ на его смех она утвердительно кивнула, покраснев, как школьница, и почувствовала, что одновременно с раздражением она испытывает радость от того, что ему это безразлично.

В эту ночь она оставила его у себя. Он ушел в пять часов утра. Она была очень удивлена: она гордилась их близостью. А его, казалось, это что-то смущает.

Он вышел из ее квартиры и направился по пустынной улице к парку. Висел густой туман. В конце дороги — недалеко, ярдах в двадцати, может, немногим больше — стоял мужчина в плаще, невысокого роста, довольно полный. Он стоял, прислонившись к решетке парка, и его силуэт призрачно маячил в тумане. По мере того, как Лимас приближался, туман, казалось, становился плотнее, скрывая фигуру у решетки. Когда же Лимас подошел и туман рассеялся, мужчины уже не было.

КРЕДИТ

Однажды, спустя примерно неделю, он не пришел в библиотеку. Мисс Крэйл была в восторге. Около половины двенадцатого она позвонила маме, а вернувшись после ленча, остановилась у полок с книгами по археологии, с которыми Лимас все время работал. Она стояла и с театральной нарочитостью созерцала ряды книг, и Лиза понимала, что она делает вид, будто проверяет, не украл ли Лимас чего.

В этот день Лиза ее игнорировала, едва отвечала на вопросы и работала особенно усердно. Когда наступил вечер, Лиза вернулась домой и плакала, пока не уснула.

Утром она пришла в библиотеку пораньше. У нее было такое чувство, что, чем раньше она там окажется, тем скорее придет Лимас. Но проходило утро, надежда тускнела, и она, наконец, поняла, что он никогда не придет. Она забыла приготовить себе сандвичи в этот день, и решила поехать автобусом в кафе. Она была подавлена, опустошена, есть не хотелось. А что если поехать к нему? Она, правда, обещала никогда его не разыскивать, но ведь и он обещал предупредить ее. Что, если поехать к нему?

Она села в такси и назвала адрес.

На лестничной площадке тусклый свет. Она позвонила в его дверь. Звонок, видимо, не работал. Ей никто не ответил. На коврике стояли три бутылки с молоком, и лежало письмо из электрокомпании. Она немного подождала, затем постучала в дверь и услышала слабый мужской стон. Она бросилась в квартиру этажом ниже и принялась звонить и колотить в дверь. Никакого ответа. Тогда она сбежала вниз и очутилась в подсобном помещении лавки. Старая женщина сидела в углу и раскачивалась на стуле.

— В квартире наверху,— крикнула Лиза,— тяжело заболел человек. У кого есть ключи?

Женщина посмотрела на нее и окликнула лавочника:

— Артур, иди сюда! Артур, тут какая-то девушка пришла.

Мужчина в коричневом халате и в серой мягкой шляпе обернулся.

— Девушка? — спросил он.

— В квартире наверху серьезно заболел человек,— сказала Лиза.— У вас нет ключей?

— Нет,— ответил лавочник,— но у меня есть молоток.

Не сняв шляпы, он взял большие клещи с молотком, и они вместе побежали наверх. Он громко постучал в дверь. Затаив дыхание, они прислушивались. Ни звука.

— Только что я слышала стон, уверяю вас,— прошептала Лиза.

— Будете платить за дверь, если я ее взломаю?

— Да.

Загремел молоток. Тремя ударами лавочник высадил кусок филенки и вместе с ней замок. Лиза вошла первой, он — за ней. В комнате было нестерпимо холодно и темно, но им удалось различить фигуру мужчины, лежавшего на кровати.

«О Боже, если он мертв, я, наверно, не смогу прикоснуться к нему»,— подумала она, но все же подошла. Он был жив. Отбросив полог, она опустилась на колени перед кроватью.

— Я позову вас, если понадобится, спасибо,— сказала она, не оборачиваясь.

Лавочник кивнул и ушел.

— Алек, что случилось, что у тебя болит? Что с тобой, Алек?

Лимас заворочался на постели. Запавшие глаза были закрыты. На бледном лице отросла темная борода.

— Алек, скажи мне что-нибудь, пожалуйста, скажи, Алек.

Она держала его руку в своей. По щекам катились слезы. В отчаянии она не знала, что делать. Вскочила, побежала в кухню, поставила чайник — просто потому, что не могла оставаться без дела. Вернулась в комнату, схватила свою сумочку и ключи Лимаса, лежавшие на столике у кровати, сбежала вниз, перескакивая через несколько ступенек, выскочила на улицу и перебежала на другую сторону — в аптеку мистера Слимана. Купила студень, куриную грудку, мясной экстракт и аспирин. Дошла уже было до дверей, но вернулась и купила пачку сухарей. Все вместе ей стоило шестнадцать шиллингов, в сумочке оставалось еще четыре, а на чековой книжке — одиннадцать фунтов, но с нее она могла снять только завтра утром. Как раз к ее приходу закипел чайник.

Лиза приготовила мясной бульон, налила в стакан, положив в него чайную ложечку (как делала мама), чтобы стакан не лопнул. И все время поглядывала на Лимаса, словно боялась, что он умер.

Она приподняла его на подушке и, поддерживая за спину, напоила бульоном. Другой подушки в квартире не было, поэтому, прежде чем начать его поить, она сняла с крючка его пальто, свернула и подложила под подушку. Ей было страшно прикасаться к Лимасу. Он был таким мокрым, что даже волосы слиплись. Поставив чашку у кровати, она одной рукой поддерживала ему голову, а другой давала бульон. После нескольких ложек она растерла две таблетки аспирина, развела бульоном и дала ему выпить. Она обращалась с Лимасом, как с ребенком, сидя на кровати и не спуская с него глаз, она время от времени гладила его по голове и по лицу, не переставая повторять шепотом: «Алек, Алек».

Постепенно его дыхание становилось более ровным, мышцы расслаблялись, боль и лихорадка, видимо, покидали его, уступая место спокойному сну. Лиза наблюдала за ним, понимая, что худшее уже позади. Теперь она заметила, что совсем стемнело.

Какой беспорядок в квартире! Ей стало неловко. Она вскочила, принесла из кухни щетку с тряпкой и принялась лихорадочно убирать. Нашла чистую скатерть, постелила на столик у кровати, вымыла разрозненные чашки и блюдца, стоявшие на кухне. Закончив работу, она посмотрела на свои часы — половина девятого. Она снова поставила чайник и вернулась к кровати. Лимас смотрел на нее.

— Алек, пожалуйста, не сердись,— сказала она,— я уйду, обещаю тебе, но позволь мне раньше приготовить поесть. Ты болен, ты не можешь выходить в таком состоянии, Алек...— и, закрыв лицо руками, она разрыдалась.

Слезы текли у нее между пальцев, как у ребенка. Он дал ей выплакаться, не отрывая от нее своих карих глаз. Руками он вцепился в простыню.

Она уснула в кресле и проснулась, когда уже брезжил рассвет. Как холодно! Ноги и руки совсем затекли. Она подошла к кровати. Лимас заворочался под ее взглядом. Она провела пальцами по его губам. Не открывая глаз, он нежно взял ее руку и положил на кровать. Она вдруг почувствовала непреодолимое желание, начала целовать его снова и снова, и ей казалось, что он улыбается.

Около недели она приходила каждый день. Он разговаривал мало и однажды, когда она его спросила, любит ли он ее, ответил, что не верит в волшебные сказки. Она легла на кровать, прижавшись головой к его груди. Он время от времени запускал свои толстые пальцы в ее волосы, высоко поднимая их, а она смеялась и говорила, что ей больно. В пятницу вечером она застала его уже одетым, но небритым. Ее удивило, что он не побрился. По какой-то неуловимой причине она встревожилась. Каких-то мелочей не хватало в комнате — исчезли часы и портативный приемник, которые стояли на столе. Она хотела спросить, что это значит, но не решилась. По дороге она купила яйца и ветчину, и теперь готовила ужин, а Лимас сидел на кровати и курил сигареты одну за другой. Когда ужин был готов, Лимас пошел в кухню и принес бутылку красного вина.

За столом он почти не разговаривал. Она наблюдала за ним, ее тревога росла, становилась нестерпимой, и, не выдержав, она вдруг закричала:

— Алек, что происходит? Это прощание?

Он встал из-за стола, взял ее за руки и поцеловал так, как никогда прежде не целовал. Долго и нежно он что-то говорил ей, она плохо понимала о чем, почти не понимала совсем, потому что уже знала, что это конец, и все остальное не имеет значения.

— До свидания, Лиза,— сказал он,— до свидания. Не ищи меня. Больше не надо меня искать.

Лиза кивнула и пробормотала: «Как мы и договорились».

Она была благодарна жуткому холоду и темноте, которая скрывала ее слезы.

На следующее утро в субботу Лимас попросил у лавочника открыть ему кредит. Попросил не очень ловко, даже не стараясь внушить доверия. Набрал с полдюжины всяких мелочей на общую сумму не более фунта и, когда покупки были уже завернуты и положены в сумку, сказал:

— Откройте мне счет и запишите в него.

Лавочник зло улыбнулся и ответил: «Нельзя», не добавив «сэр».

— Почему нельзя? — спросил Лимас, и остальные покупатели забеспокоились.

— Я вас не знаю,— ответил лавочник.

— Что за глупости! — сказал Лимас.— Я сюда хожу уже четыре месяца.

Лавочник покраснел.

— Прежде чем открывать кредит, мы справляемся в банке,— сказал он, и тут Лимас вышел из себя.

— Не болтайте ерунду! — заорал он.— Половина ваших покупателей в жизни не переступала порога ни единого банка и никогда не переступит.

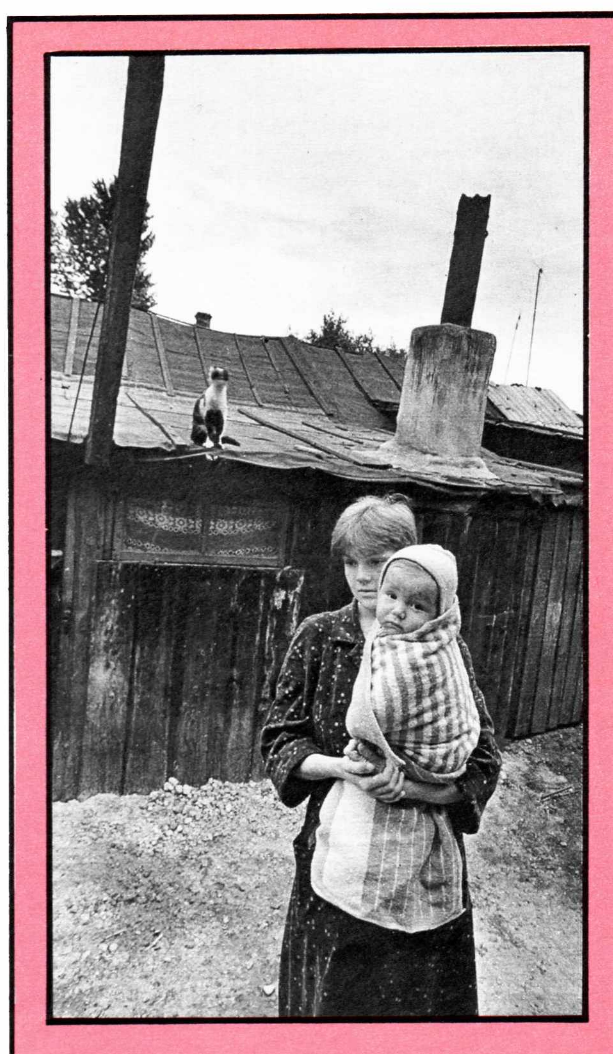
Покупатели совсем ощетинились, потому что он сказал правду.

— Я вас не знаю,— повторил лавочник грубо,— и вы мне не нравитесь. Убирайтесь из моей лавки,— добавил он и попытался открыть сумку, которую держал Лимас.

Что случилось дальше, сказать трудно: мнения потом разошлись. Одни говорили, что лавочник, пытаясь открыть сумку, толкнул Лимаса, другие это отрицали. Так или иначе, Лимас ударил его левой рукой (правая была занята сумкой), причем, по утверждению большинства, дважды, и, кажется, не кулаком, а ребром ладони, и тут же с молниеносной быстротой нанес удар еще и локтем. Лавочник рухнул навзничь. Так говорили потом на суде, и защита не могла не признать тяжести телесных повреждений — перелом грудной кости у первого ребра и вывих челюсти. В прессе происшествие было отражено довольно точно, но особого значения ему не придавалось.

Перевела с английского С. ТАРТАКОВСКАЯ.

Продолжение следует.

НЕ ЗАБУДЕМ И ПРО БРЯНКУ

Павел КРИВЦОВ (фото)

«Жить в Брянке все-таки мо-о-жно-о! — рассуждают оптимисты из числа отцов города.— В Чернобыле хуже».

Уважая себя и любя детей своих, жить в Брянке нельзя. Разве что существовать? Отправить бы туда на поселение тех, кто упорно талдычит об «устоях» и «идеалах», тех, кто перед каждым наступлением демократических сил распускает слухи о предстоящем «штурме ЦК и КГБ»... Ну, а для того, чтобы в Брянке не осталось ни одной души, нужно все население свозить, например, в немецкий Рур или в Англию, показать, как там живут братья-шахтеры, и если бастуют, то **по какому** именно поводу. А то ведь брянковским горнякам все было как-то недосуг пообщаться с «пролетариями всех стран» по причине все возрастающих планов добычи уголька.

Прослышали брянчане про Кемерово и Воркуту и тоже забастовали прошлым летом. Создали стачечный комитет во главе с Владимиром Николаевичем Дзюбенко. Выволокли дефицит из универмага, едва не учинив расправу над бледной директоршей (которая, наверное, и ни при чем!),— такое сильное впечатление произвели на них запасы добра, хранившиеся в подвалах. И партийные органы поспешили протянуть горнякам руку помощи в том смысле, чтоб им зря время не тратить,— требо-

вания рабочих подредактировали, приблизили, так сказать, к суровым реалиям жизни, и даже выделили стачкому помещение на случай непогоды. Правда, часть лав оказалась заваленной, и к убыткам пришлось приплюсовать еще около 4 миллионов рублей. Но это не мелочь ли по сравнению с революционными событиями?

Отбастовали шахтеры и снова отправились по забоям. Не уговоры администрации — совесть погнала. Никакого «социалистического рынка» пока нет, одни разговоры, хозрасчет, продукцию продавать некуда (и кто позволит?); сталевары, литейщики — все ждут брянковский уголек... А у отцов города свои заботы. Пригнали к горкому всякой техники: шум, рев, пылища аж до пивной долетает; ниже, под горочку, мужики злятся, грязную пенку с кружек сдувают. В центре грядущего сквера поставили гранитный куб с загадочным штырем, устремленным в небеса.

Об этом состоялся разговор с первым секретарем горкома партии Б. В. Дятловым.

— Что это тут у вас за стройка перед горкомом, Борис Васильевич?

— Реконструкция идет. А зачем вам это?

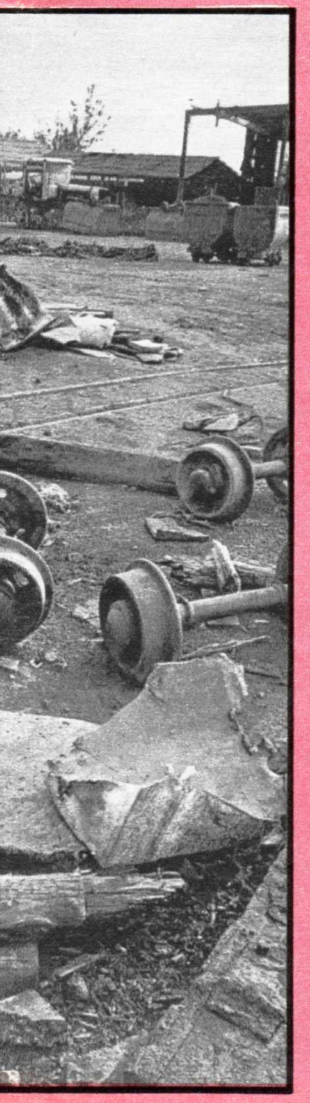
— Для информации.

— Понятно, какая интерпретация будет... Я поэтому ваше издание не люблю. Вы в свой журнал больше закулисное тащите! Всякое такое, что может произвести впечатление на публику, привлечь внимание читателя-почитателя...— И секретарь скромно улыбнулся нечаянной рифме.— Я «Огонек» поэтому не выписываю.

— И все-таки, простите за настойчивость, что вы тут затеяли, на площади?

— У нас неподалеку памятник Ленину стоял. Там грунт плохой, бетон деформировался, есть заключение комиссии. Поэтому решили перенести постамент сюда, к горкому, и поставить бронзовую фигуру Владимира Ильича Ленина в полный рост.

— Сколько это будет стоить?
— Сто пятьдесят тысяч рублей.
— Так ведь на эти деньги можно детский сад построить, даже с бассейном!
— Хорошо, но должен же быть у людей идеал?! Если мы у памятника Ленину красный галстук пионеру повяжем... По крайней мере я бы всю жизнь помнил!

Борис Дятлов не виноват, что его выдвинули главой городской парторганизации. Дятлов — бывший шахтер и говорит: «Выгонят — пойду снова на шахту!» Но мышление у него уже не шахтерское — аппаратное, готовое множить бронзовые бюсты и фигуры ради сохранения «идеалов», и по-другому он уже вряд ли сможет, вкусив власти. Владимир Дзюбенко — умница, рабочий лидер, забойщик шахты «Брянковская». Дзюбенко с Дятловым после летней забастовки прошлого года в конфликт не вошли: тогда еще горкому удалось убедить шахтеров, что «только с помощью партии...» Вчера верили. Но верят ли сегодня, после Тюмени, Волгограда, Донецка?

Ломая перья о перестроечные проблемы, произнося в парламенте жаркие речи, не забудем и про Брянку! Ведь в конечном счете мы им служим, их верой живем. Там наши братья. Не «по классу», как говорят с трибун иных партконференций,— по Земле, на которой мы все живем, по горячему желанию вырваться из когтистых лап номенклатуры к жизни достойной, свободной, обеспеченной. К жизни, в которой не должно остаться места государственной лжи и унижениям.

Ворошиловградская область.

Василий СЕЛЮНИН

СПОР О РЫНКЕ: ДОВОДЫ, ДОБЫТЫЕ В АМЕРИКЕ

Когда в споре с реформаторами у противников рыночного хозяйства кончаются доводы, они выдвигают последний и прямо-таки непробиваемый аргумент. «Рыночный механизм,— пишет в журнале «Молодая гвардия» В. Якушев,— может эффективно обслуживать только слаборазвитые производительные силы... На первый взгляд это утверждение опровергается опытом развитых капиталистических стран. Но если мы отрешимся от пропагандистского славословия в адрес рыночной экономики.., то увидим, что там повсеместно идет замена рыночной координации административной и она, по оценкам западных специалистов, является многократно более эффективной, чем рыночная. Вот так! В то время как мы пытаемся из административной системы сделать рыночную, в развитых капиталистических странах поступают наоборот». Известный публицист М. Антонов объявляет в журнале «Наш современник» полезным делом «просвещать наших ученых-экономистов, особенно «товарников-экстремистов», помочь им преодолеть провинциализм их мысли». И просвещает: «В развитых капиталистических странах ныне классической рыночной модели экономики уже нет, там осуществляются колоссальные общенациональные программы». Яростный критик рынка Ю. Воробьевский ставит в газете «Советская Россия» последнюю точку: «...весь цивилизованный мир... движется в сторону большей плановости».

Неплохо, кабы так. По части плановости и административности мы всех переплюнули. Значит, коренная перестройка, с ее социальными потрясениями, тяжелыми, непопулярными решениями, излишня — мы и без того впереди планеты всей. Но постулаты наших правых требуют все же проверки. Мне представился случай сделать это в недавней поездке по Америке.

Где-то к концу путешествия мэр Балтимора, симпатичный и интеллигентный негр Курт Смок, предложил мне пожить гостем города. Не желая быть почетным ротозеем, я поставил условие: продолжу работу по своей программе — стану встречаться с банкирами, предпринимателями, государственными чиновниками, биржевиками, чтобы понять механизмы управления экономикой. На том и поладили.

А для начала мистер Смок с несколько наивным торжеством рассказал о своем обширном хозяйстве. Посмотреть действительно было на что: крупнейший город штата Мэриленд словно с картинки сошел. Ладно, высотой и комфортом зданий нас не удивишь — видали мы города покрупнее, небоскребы повыше. Тут другое интересно: Балтимор построен по единому архитектурному плану. И не в чистом поле, а на месте самых настоящих трущоб. По ряду причин Балтимор терял значение крупного порта на Атлантическом побережье, вместе с портом умирал и город, жители переселялись в пригороды. А убывали плательщики налогов — скудела городская казна. Как же удалось всего за пятнадцать лет построить практически новый город, собравший 31 архитектурную награду? У нас это обычно не выходит — зодчие рисуют прелестные картинки, а застройка даже на новом месте идет довольно-таки хаотично. Выходит, правы наши антирыночники: вот же во всей доподлинной натуре торжество плановости там, у них?

Разберемся. Началось с того, что местные воротилы собрали толику денег на проект застройки. Не сочтите это сказкой про добрых капиталистов — был у них свой дальний расчет, да к тому же сумма пожертвований по американским законам освобождается от налогов. Комиссию возглавил отставной бизнесмен Уолтер Сантайн-младший. По тамошним понятиям бесплатно работать неприлично, и он назначил себе жалованье — один доллар в год. Нашли молодого архитектора. Его идеи оценивали три светила зодчества из разных городов. Это важно: консультанты чужие и потому беспристрастны. Но проект — всего лишь бумага. Между тем застройка только центра обошлась в два миллиарда долларов. Ясно, что частный капитал

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

и цента не дал бы ради урбанистических красот, прибыли не приносящих (это не мое предположение — так сказала в беседе со мной Барбара Боннел, одна из директоров комиссии). Стартовые деньги отвалил Балтимору федеральный бюджет вдобавок к вложениям города и штата.

За какие, спрашивается, заслуги? И почему Балтимору? Уж не потому ли, что у здешних начальников глотка шире? Ведь и у нас так: хоть республика, хоть область желают урвать из казны побольше независимо от вклада в общий котел. Да, соглашались мои собеседники, и в Америке такие решения принимают часто волевым порядком с той лишь разницей, что бюджетные деньги делят не чиновники келейно, а конгресс большинством голосов, и надо представить куда как веские доводы, чтобы обойти других охотников до государственного кошелька.

Теперь предстояло снести на месте будущего центра примерно тысячу ветхих домов и устаревших предприятий. Все это частные владения, как и земля под ними. Снова нотабене! Уж тут-то пороки частной собственности вроде бы очевидны. Пусть лопухи продают свои строения городу, а я упрусь и разом разбогатею: без моего участка не обойдетесь, какую цену заломлю, такую и заплатите, никуда не денетесь. Оказывается, не так. Из тысячи покупок лишь в ста с небольшим случаях город и собственники не поладили полюбовно. Тогда назначались две независимые комиссии, оценивающие участок, средняя оценка предлагалась хозяину. Не согласен — выбирай оценщика сам. Опять заупрямился — тогда суд, его решение окончательное.

После сноса зданий городское управление проложило коммуникации — и на этом его траты кончились, начался приток денег от продажи земли под застройку. По всей Америке объявили конкурс. Цену на участки назначали умеренную, потому что претендентам поставили жесткие условия: если на генплане нарисована гостиница, ты не можешь построить здесь офис. Оговаривались количество парковок для автомашин, площадь и высота зданий (последнее, впрочем, привлекало застройщиков — они загодя знали, что рядом не возведут небоскреб, который будет застить солнце). Из всех предложений выбрали лучшее в архитектурном смысле. По тем же примерно правилам перестроили морской порт, что оживило всю хозяйственную жизнь штата.

В реконструкцию центра Балтимора местная власть вложила 170 миллионов, а получает теперь в виде налогов только с бизнеса 25—30 миллионов в год. Создано 35 тысяч рабочих мест. Это опять поступления в казну — от рядовых налогоплательщиков. В помолодевший приморский город хлынули туристы. В прошлом году побывало 23 миллиона человек, они растрясли здесь на удовольствия и покупки кучу денег. Разбогатевшая управа строит и строит школы, музеи и иное, что дохода не приносит, но без чего не заманишь в город жителей-налогоплательщиков. Затраты тут же возвращаются: обильнее инфраструктура — дороже участки под застройку.

Прошу заметить: из двух миллиардов затрат едва четверть составили инвестиции из казны города, штата и из федерального бюджета, ныне вернувшиеся с припеком. Остальные три четверти затрат вложил частный бизнес. Властям не надо было хлопотать об эффективности капитальных вложений — в убыточное дело предприниматель не ввяжется. Самые крупные объекты сооружают здесь максимум за год — бизнесмену не резон омертвлять деньги в долгостроях, доллар должен крутиться, обрастать центами прибыли. Так американское государство осуществило программу общенациональной значимости. Отсюда, однако, не следует, будто там отказались от «классической рыночной модели», как уверяет М. Антонов. Пример Балтимора доказывает обратное: могучие стимулы предпринимательства проявили себя сполна, изъяны же частной собственности нейтрализованы простыми и действенными способами. Как запроектирован город, так и построен. Это и есть централизм управления экономикой на деле, тот централизм, которым мы похваляемся, да все никак не достигнем. Вот и в прошлом году при всех усовершенствованиях планирования к тремстам тысячам незавершенных объектов добавились еще 120 тысяч. Такую прорву строек не только дети наши, а и внуки навряд ли закончат. А у людей вон как славно выходит из директивного плана, при рыночном хозяйстве и частной собственности.

Принимая недавно декрет о земле, наши законодатели даже мысли не допускали о ее приватизации. Как можно! Если земля моя, могу ее испортить, могу под иностранную базу сдать, могу хоть с кашей съесть.

— У нас не смог бы,— возразил заместитель министра сельского хозяйства штата Мэриленд Роберт Уолкер (он позвал меня погостить в семью).— В штате 16 тысяч ферм. И если хоть на одной началась, к примеру, эрозия земли, не станем же мы ждать, пока овраг протянется на милю. Предписываем, что фермер обязан сделать, штат оплачивает ему до 80 процентов расходов, значит, хозяин не может сослаться на то, что у него нет денег на мелиорацию. Не выполнит наших указаний — оштрафуем, и крупно. С властями не спорят.

Около ста чиновников министерства проверяют качество продуктов питания в магазинах и у поставщиков. Доходные, полагаю, должности. В беседе с одним из контролеров, с бывшим московским химиком Евгением Чечиком, я припомнил, как голодный Остап Бендер обмерял рулеткой окошко частной лавки — хозяин почел за благо откупиться от мнимого инспектора. Женя (или Юджин, как он назвал себя на американский манер) понял намек:

— Нет, у них с этим строго. Место государственного служащего ценится, конкуренты обязательно подловят на взятке. Тогда тюрьма. А вообще-то права у меня большие. Если найду в еде вредные вещества или содержимое не соответствует этикетке, запрещу торговлю, наложу штраф. Такие случаи бывали, а вот обмера, обвеса — этого здесь нет.

И правда, в разных городах мне рассказывали удивившую американцев историю. Бывшие одесситы, уверовав, видно, с детства, что при проклятом

капитализме любой бизнес хорош, открыли автозаправочную станцию и стали разбавлять бензин водою. Попались не вдруг — контролеры и представить себе не могли такую дурацкую затею: сорвешь доллар, а потеряешь клиентов навсегда. Теперь незадачливые бизнесмены отбывают немалые сроки.

Огромными правами наделены государственные службы, охраняющие среду обитания,— без разговоров останавливают вредные производства, могут разорить виновников штрафом, отдать под суд. Нашими законами это тоже предусмотрено, однако американские промышленные зоны много чище наших. Не видал я там дымящих труб и ядовитых рек. У них, у чертей, автомашины — и те не гадят, даже на многорядных хайвеях легко дышится. Отчего такая разница? Расспрашивал о том многих. Думаю, ближе всех подошел к истине заместитель главного финансиста Балтимора Эвин Бартник: в США государство отделено от производства и, когда инспекция налагает штраф или закрывает завод, убытки несет частник, конкретный виновник, а никак не правительство. Именно так! В наших же условиях, при господстве казенной собственности, государство впрямую отвечает за выпуск продукции, за обеспечение населения всеми товарами. И если исчезла из продажи хоть туалетная бумага, шишки сыплются на головы самых больших начальников. Попробуй тут останови завод. Государство всякий раз стоит перед выбором: либо допустить срыв производства и, стало быть, еще один дефицит в снабжении, либо пожертвовать экологией, отнести охрану среды обитания на потом, когда страна станет побогаче. Какой вариант у нас обычно избирают, вы и без меня знаете.

Выходит, рыночная экономика достаточно удобна для сохранения среды обитания. Сильные управленческие воздействия государственных служб не разрушают сложившихся отношений собственности, а только ставят предел алчности частного бизнеса: не навреди обществу, живи сам и дай жить другим. Словом, вопреки мнению наших правых и тут американцы не собираются менять рыночную модель на административную — от добра добра не ищут.

Из 80 миллиардов рублей продукции, которую выдает за год штат Мэриленд, на долю госсектора падает менее трех процентов. Так что же, в остальное производство местное правительство не вмешивается вовсе?

— Не совсем так,— поясняет секретарь по экономическому развитию штата мистер Эванс.— Конечно, мы не можем приказать, кто что должен производить. Другой вопрос — содействие бизнесу. Впрочем, крупные компании в нас не нуждаются. Мы больше заботимся о тех, кто начинает дело. Сейчас мы реализуем для них проект содействия техническому прогрессу. Мэриленд — штат интеллектуальный, здесь 42 научные лаборатории федерального ранга. Чтобы сомкнуть мозги с бизнесом, мы открыли при местном университете так называемый Инкубатор идей. Он определяет, какие новинки выгодно освоить в штате.

Один из тех, кого пригрел Инкубатор,— Александр Северинский, кандидат технических наук из Харькова. Начинал в Америке с нуля. Прирожденный изобретатель и бизнесмен, он нашел на перенасыщенном рынке незаполненную нишу. Компьютеры, заполонившие мир, весьма чувствительны к качеству электрического тока, и Александр Яковлевич задумал недорогие и надежные устройства, которые это качество гарантируют. С голой идеей приехал из Техаса в мэрилендский Инкубатор. Профессора подтвердили: да, дело перспективное, будущее производство создаст новые рабочие места в штате. Изобретателю за скромную плату предоставили помещение, секретаршу, право пользования лабораториями. По рекомендации ученых частный банк дал первый кредит под гарантию бюджета штата. Этой помощи оказалось достаточно. Сейчас Северинский — президент стремительно растущей фирмы «Войтак». Его приборы завоевывают мир — несколько штук австрийские перекупщики продали и к нам в Союз.

Обидно. Я встречался с десятками бывших сограждан. Живут, по нашим понятиям, лучше не надо, усердно умножают богатства и без того богатой страны. И утечка мозгов будет продолжаться — кому же охота ждать громогласно объявленных погромов? Особенно потрясло американцев, что с антисемитскими выпадами выступали писатели. Напрасно я убеждал: мол, у нас не все писатели, есть еще и читатели, а их трудно убедить, будто во всех бедах повинны евреи и велосипедисты. В ответ мне показывали погромные статьи из «Молодой гвардии» и «Нашего современника».

Впрочем, с Северинским случай особый. Как изобретатель он мог, пожалуй, реализоваться и у нас. Продолжал бы служить в престижном институте, разрабатывал бы свою новинку — зарплата гарантирована, риску никакого, ответственности и того меньше, раз казна покрывает все затраты. Только скорее всего приборы так и остались бы в чертежах. А окажись автор настырным, обивай бы ведомственные пороги, прослыл бы склочником, озлобился сам. Дело, увы, обыкновенное. А, может, и повезло бы — отсвечивал бы теперь каким-нибудь лауреатским значком, чего не бывает? Только вот предпринимателем он не стал бы у нас никогда. И не надо питать иллюзий на тот предмет, что новые законы меняют ситуацию. Законодатели решили однозначно: «Использование любой формы собственности должно исключать... эксплуатацию человека человеком». А Северинский на ту беду эксплуататор — у него сотня наемных работников, будет больше.

Но странная эта эксплуатация: президент забыл, когда уезжал в отпуск, пять дней в неделю работает по 12 часов, в субботу — восемь, в воскресенье — четыре. Специалисты получают у него 12 долларов в час, не считая премий акциями, отчислений на пенсии, медицинской страховки. Да назначь он себе такую часовую зарплату, получал бы в год тысяч пятьдесят. За эти деньги в Америке можно иметь все, что душа пожелает. А у него одна радость — работа, расписанная по минутам. Отвел мне для беседы час с четвертью, и единственное, что позволил себе сверх программы,— выкурить со мной уже у машины по сигарете, привезенной с далекой родины. Ему почему-то было приятно, что я знал харьковские улицы, где он жил и где работал. Помягчел, расслабился, потом круто повернулся — и в хомут.

Как недостает нам таких вот работящих эксплуататоров — без них перестройка в экономике с места не сдвинется.

Чужой опыт учит простым и самым важным вещам: государство, пусть сверхбогатое, способно дать лишь первоначальные импульсы, легкие толчки техническому прогрессу — через Инкубатор идей или еще как-то. В отличие от нас оно не изобретает особых стимулов для внедрения, впихивания новаций в производство, не планирует прогресс. Этого не нужно, потому что рыночную систему, всю без остатка, пронизывает стремление к совершенству производства, по-другому она просто не способна действовать. Либо ты предлагаешь покупателю товар лучшего качества и по доступной цене, либо разоряешься.

Описывать еще раз тамошнее изобилие товаров — все равно что носить воду в море ведрами (реклама универмага: «Если вы сами не знаете, чего вам надо, заходите, у нас это есть»). Но конкуренция на товарном рынке — лишь витрина рыночной экономики. Главная, хоть и менее приметная, работа вершится на другом рынке, в другом месте. Заглянем туда, а конкретно — в биржевую корпорацию «Алекс Браун и сыновья».

На фондовую биржу, какой мы знаем ее из старых кинофильмов, это заведение мало похоже: ни голосистых маклеров, ни клиентов, одни из которых рвут на себе волосы, а другие пускаются в пляс. Нет, аккуратные клерки у компьютеров, вот и все. Но назначение биржи прежнее — покупать и продавать акции. Начальник над клерками Майкл Инграм объяснил мне правила и предложил поиграть «насухую» — определить по биржевым бюллетеням, какие акции я купил бы, будь у меня деньги. Веду пальцем по строчке: месяц назад одна акция фирмы «Адаптек» (она делает детали ЭВМ) стоила 20 долларов, две недели назад — 18,8, сегодня — чуть больше 17. Нет, такое добро я покупать не стану.

— И напрасно,— учит Майкл.— Я для своих клиентов купил. Наш исследовательский отдел изучил дела в этой фирме. Мы почти уверены, что через полгода ее акции пойдут долларов по тридцать. Вы упустили шанс крупно заработать.

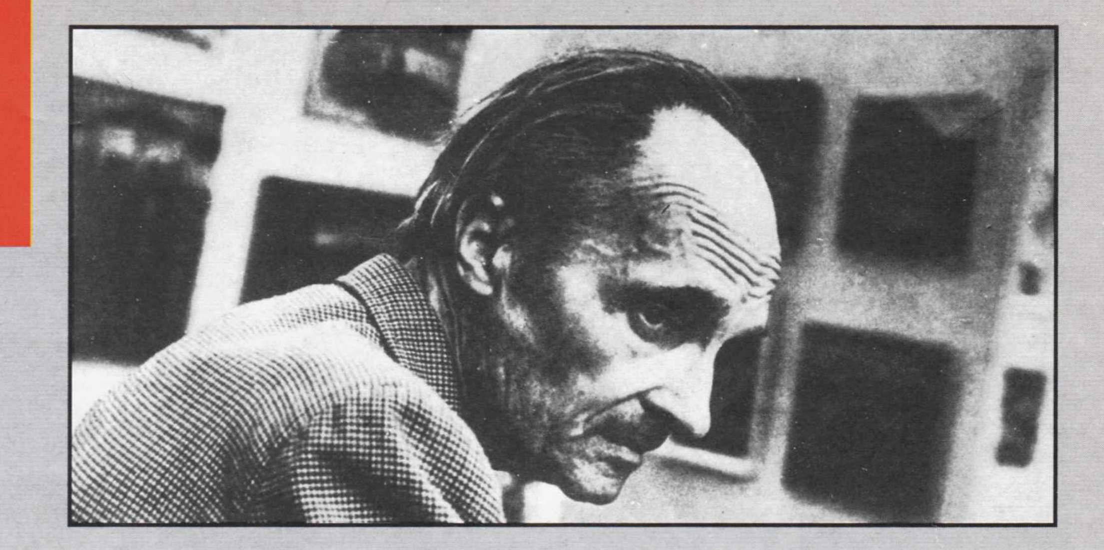
Заработать? Да ведь тут чистая спекуляция — кто-то в той фирме ночей не спит, чтобы поставить производство лучше всех, а эти паразиты, палец о палец не ударив, снимут пенки. Что ж, можно рассуждать и так. Рыночная модель обеспечивает не справедливость, а всего лишь эффективность хозяйства. Надо, впрочем, учесть, что практически все наемные работники являются акционерами своих предприятий и помимо зарплаты получают дивиденды. У кого завелась деньга, тот покупает акции чужих компаний. Согласитесь, странно называть всех их паразитами. Вот лидер ленинградских коммунистов Б. Гидаспов бьет в жестяные литавры: «Мы перестанем быть сами собой, если... позволим яростным псевдодемократам дурачить людей сладенькими сказками о народном капитализме». Но когда большинство дееспособного населения — акционеры, я начинаю подумывать: не такие это и сказки. Да, биржевая игра порою шокирует. К примеру, мистер Инграм пояснил: когда случилось землетрясение в Калифорнии, немедленно подорожали акции окрестных строительных фирм — ясно, что правительство и страховые компании отвалят куш и можно будет заработать на подрядах. Смахивает на мародерство? Пусть так. Однако частные предприниматели в считанные месяцы восстановили разрушенное, не забыв, само собой, и своей выгоды, а наше государство преуспело покамест в публикации замечательных постановлений касательно чернобыльской аварии и беды в Армении.

Фондовая биржа — святая святых рыночной экономики. Товарный рынок отслеживает, вынюхивает неутоленный спрос и посылает сигналы сюда, рынку капиталов: дефицит в том-то и в том-то, на покрытии его можно заработать. Биржа воспринимает сигналы весьма наглядно: в виде повышения цены акций тех предприятий, которые способны заполнить бреши дефицита, либо падения курса акций, если каким-то товаром рынок забит под завязку. Фирмы, чьи акции дорожают, непрерывно подпитываются капиталом и, значит, могут расширять производство, совершенствовать продукцию. Перемещение, перелив капитала из одних производств в другие, более перспективные,— это и есть движитель саморазвития и самонастройки рыночной экономики. Современные средства связи соединили меж собой биржи развитых стран. Набери код — и узнаешь, почем в данную минуту акции в Токио, Франкфурте, Лондоне, где угодно. Ежечасно перемещаются капиталы, исчисляемые миллиардами долларов, фунтов, марок, регулируя экономику несравненно точнее и надежнее, нежели наше директивное планирование. Цивилизованный мир движется, таким образом, не в сторону большей плановости, как объявляют несведущие критики капитализма, а к единому мировому хозяйству, которое настраивается замечательно тонкими и безотказными механизмами рынка капиталов. Провинциализм мысли демонстрируют не «экстремисты-товарники», а как раз их противники — те, кто все еще мечтает как-то хитро перестроить государственное планирование и вырваться на этой загнанной кляче в мировые лидеры.

И нам бы на столбовую дорогу человечества, да есть одно препятствие. Только одно. Приобретая акцию, человек покупает не просто бумагу, а часть предприятия. Отныне он становится собственником этого пая. Не будем играть в слова — акционерная, кооперативная, любая неказенная собственность есть собственность частная, движение ее не подлежит планированию со стороны государства. Выстраивается цепочка: желаешь иметь обильный рынок товаров — вводи рынок капиталов, а для этого надо приватизировать собственность. Но как решиться на такое? Ведь прежде предстоит отъять эту собственность у партийно-государственного аппарата, то есть подорвать саму основу власти и благополучия аппаратчиков. Здесь-то и зарыта собака, а никак не в преимуществах плана над рынком. Отрешившись от забот о лайнерах, сейнерах, бритвенных лезвиях и еще о 25 миллионах видов продукции, отринув неподъемную обязанность поить и кормить нас от щедрот своих, государство сможет наконец озаботиться охраной среды обитания, природных богатств, программами общенародной значимости, как оно и происходит в богатых и вольных заграницах. Но это будет уже совсем другое государство, не теперешнее, в каждой бочке затычка.

...Откровенно сказать, не увидел я в Америке чего-то вовсе уж неожиданного — дети века информации, мы с вами, оказывается, много знаем о странах, где никогда не бывали. Пожалуй, лишь одно наблюдение поразило душу. В воскресный день семья выходцев с Украины позвала меня поехать в дом престарелых, где живет мать хозяйки. Грешным делом подумал: по-людски ли — у самих просторный двухэтажный особняк, а старуху законопатили в богадельню. У подъезда дома для пенсионеров по-нашему судачат на скамейках старушки. Далеко ж вас, землячки, занесло! Узнали, что я из Москвы, окружили и час не отпускали, а потом буквально за рукав потащили в гости. О такой старости помечтаешь. У каждой отдельная квартира — гостиная, спальня, ванная, кухня. Пенсия, правда, крохотная, около 400 долларов в месяц. Но за квартиру платят всего долларов шестьдесят (остальное доплачивает государство), завтраки, обеды тоже по символической цене. Деньги уходят в основном на путешествия по Америке, опять же со всякими скидками и в удобном автобусе. Свежие эмигранты из нашей страны, эти люди по большей части и дня не работали на Америку, а поди ж ты...

В поездке по стране я пытался — думаю, достаточно профессионально — сравнить нашу и американскую пенсионную систему, расходы на здравоохранение, просвещение, всякие пособия у нас и у них. Но, быть может, житье этих старушек убедительнее всяких цифр показывает, где людям лучше. Дело, конечно, не в особой доброте властей — богатое общество без натуги находит средства на социальную защиту граждан. Однако богатство не с неба свалилось. Оно спровоцировано маленьким словом «мое», такой системой, которая заставляет человека выкладываться, совершенствоваться в своем деле денно и нощно, чтобы опередить конкурента. Квартира, машина, достаток в доме не предел мечтаний, это почти у каждого есть, достигай большего. Выбился в средний класс — меняй марку автомобиля, покупай дом за городом, иначе тебя не поймут. Миллион нажил — думай, как добыть второй, а то и этот потеряешь. Что вы хотите — Америка.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ БОЯЛСЯ ЗМЕЙ

«Если бы русский авангард не постигла разрушительная трагедия тридцатых годов, совсем другой была бы картина современного советского искусства»,— пишет ленинградский искусствовед Евгений Ковтун. Книга, открываемая этими словами, называется «Авангард, остановленный на бегу». Она потрясает. Поразительно сплетение документов и фотографий с материалом живописи. Необычайна свобода, с которой построена вся ее композиция.

История новой живописи и экологическая катастрофа в Приаралье встретились под одним переплетом не по прихоти авторов. Гибель Арала стала метафорой гибели культуры. Две трагедии XX века соединились в судьбах многих людей. В судьбе создателя Государственного музея искусств ККАССР Игоря Витальевича Савицкого — тоже.

Его жизнь — центр этого повествования. Ничто, казалось, не предвещало неожиданного поворота его пути. Одаренный художник, лирический колорист, москвич, квартира хорошая в центре...

В 1956 году взял и уехал в Каракалпакию. Средняя Азия завладела его воображением, но можно ведь было приезжать и возвращаться... Он не смог. Остался. Навсегда. Стал собирать народное искусство каракалпаков. Через десять лет добился права открыть музей. Сделался его директором. Впрочем, и строителем, и сторожем, и реставратором, и научным сотрудником. Един во всех лицах, он получал одну более чем умеренную зарплату.

С конца 60-х Савицкий снова начал появляться в Москве. Уже в качестве директора музея, история создания которого казалась тогда фантастической.

— Скажите, этот Савицкий... Он авантюрист?

— Нет. Он подвижник культуры.

— И можно отдавать ему картины?

— Нужно.

— А разве там не пустыня?

— И пустыня. И музей замечательный...

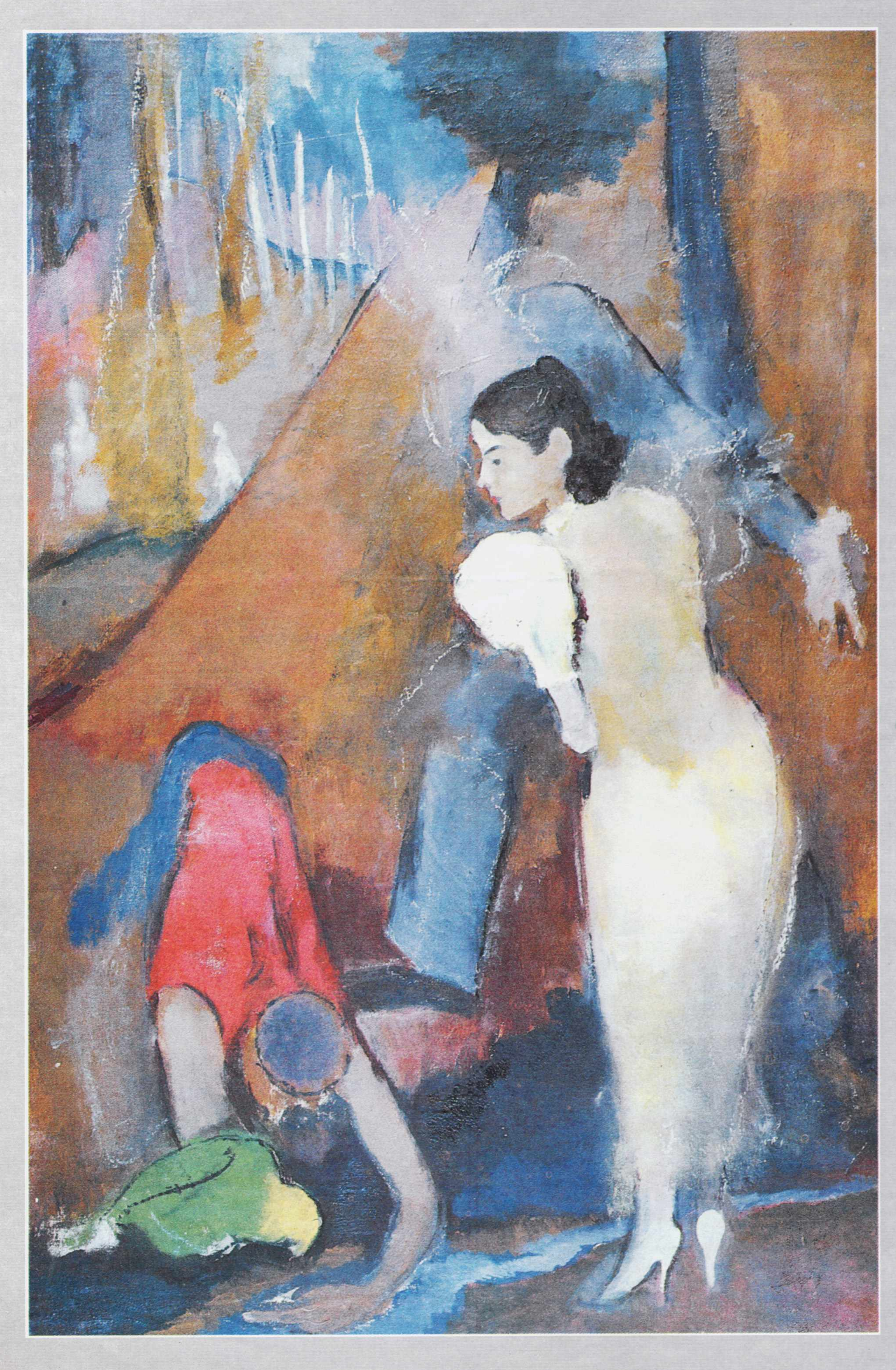
Примерно так приходилось отвечать на вопросы растерянных, слегка испуганных, по большей части очень робких людей. Это были вдовы художников, сами художники, никому не ведомые, всеми забытые. Или их дети, измученные сохранением наследия, пристроить которое не было надежды. Ценности которого они порой не понимали. Понимающим, впрочем, было не легче. Напротив.

Если изредка и приходил в такой дом представитель столичного музея, то отобрать одну-две, иногда три работы. Да и потом приходилось годами дожидаться разрешения Министерства культуры на их закупку. Министерство же чаще накладывало «вето». Там не любили неизвестных художников. У нас ведь и известных хватает, правда? Столько заслуженных, столько народных... А это — какой-то мусор культуры. Картины эти получили полупрезрительную-полусочувственную кличку «зашкафная живопись». Сундук в коридоре коммуналки, ящик, чулан, сарай, чердак — обычное хранилище этой жи-

А. НИКОЛАЕВ (УСТО-МУМИН). «Дорога жизни», 1924.

Единственными событиями скромной биографии Н. Тарасова были его полотна. Вхутемасовец, ученик Павла Кузнецова, он всю жизнь проработал художником в одной московской школе. Свободная стихия цвета легко выплескивалась на поверхность его холстов, сообщая простым жанровым сценам необычную жизненную полноту и радость.

Н. ТАРАСОВ. «У воды», 50—60-е годы.

вописи и графики. И тут появлялся Савицкий. Стремительный, неутомимый, деятельный. Он переворачивал горы холстов, раскатывал рулоны, дышал пылью, чихал, восхищался... И выяснялось: все это нужно, просто необходимо, все будет приобретено и сохранено. Да, да, именно государственным музеем. Он походил на вдохновенного лжеца, но ему верили. Он говорил правду. Равнодушный к чинам и званиям, он доверял независимости собственного глаза и суждения.

Его темпераменту, непобедимому обаянию и неудержимому напору противостоять было невозможно. Игорь Витальевич увозил в Нукус горы холстов, папки рисунков, ворох документов.

Пафос собирательства Савицкого — пафос сбережения культуры. То, что составляет сейчас гордость музея, носящего его имя, было спасено от неминуемой гибели. Другие музеи, чего греха таить, не без зависти смотрят сегодня на это собрание. «Мы и сами бы хотели все это собирать, но нам не разрешали». Савицкий разрешения не ждал. Он вообще был из породы непослушных. И еще он и в самом деле был святой, но святой, наделенный не только решимостью и благородством, но какой-то и впрямь авантюрной отвагою. Без нее музея было не построить. Подвиг своей жизни Савицкий совершал весело, как бы с легкостью. Между тем он был смертельно болен и знал об этом. Но ему было всегда не до того. Обреченность чудом перерастала в окрыленность. Он жил в своем музее странным человеком без быта, без разделения жизни на работу и отдых. В нем были детские черты: он как бы не понимал, что есть вещи невозможные... неосуществимые. И, может быть, поэтому ухитрялся их осуществлять. Кто-то из сотрудников Нукусского музея рассказал мне, что Савицкий не боялся змей. В пустыне Кызылкум их великое множество. Не боялся змей, и поэтому они его не трогали. Не боялся он и начальства, ни местного, ни центрального. И поэтому они его не трогали...

Савицкий не ходил, а бегал. Взбирался по лестницам, мчался по коридорам, заставленным рухлядью. И часто бывал вынужден выполнять обязанности сиделки или исповедника. Он освобождал души художников от величайшей из тревог — от призрака свалки, куда рано или поздно попадут их никому не нужные полотна.

Болезнь была не единственной драмой этой судьбы. Ведь Савицкий был художник. А художники ревнивы к чужому дару. Он же оборвал свою живопись на самом взлете. Перечеркнул свое, чтобы спасти чужое. Кто бросил живопись, знает, как мучит образовавшаяся пустота. Каким вздором кажется музейная суета тому, кому ведома тихая сосредоточенность живописной работы! Может быть, бывали и у Савицкого тяжелые часы, но их никто не видел. Он

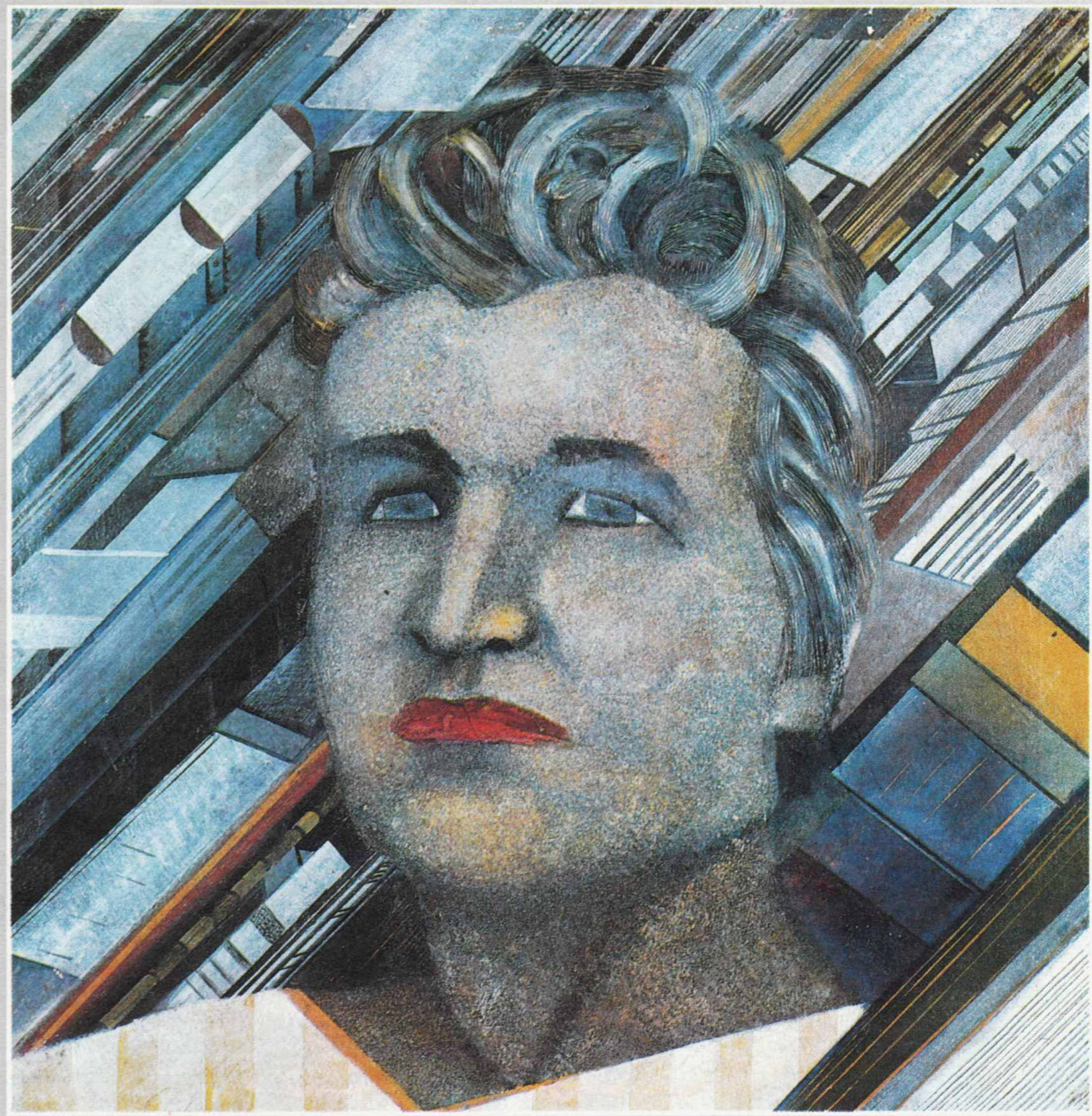
А. ВОЛКОВ. «В чайхане», 1928.

Ядро коллекции Савицкого — живопись Узбекистана 20—30-х годов. Там работали мастера необыкновенного дарования и сложилась особая школа. У ее истоков — А. Волков, русский художник, но азиат по рождению. Родиной его была Фергана. Волков утверждал, что эстетическое содержание восточного ковра огромно. Он стремился соединить язык современного искусства со стилистикой восточного орнамента.

только озарял нас своей лучезарной улыбкой.

Не все его понимали: «Савицкий жадничает. Ну, можно ли тащить в музей сотни рисунков, десятки холстов. Должен же быть отбор. Один натюрморт с пельменями. Два натюрморта с пельменями. Третий... Сколько можно! Курзин не Рафаэль...» Обычно в основу комплекто-

К стыду нашему, биографии многих художников не документированы. Были горестные судьбы, оборвавшиеся неизвестно как и когда. Такой таинственный остров нашего искусства — живопись Е. Лысенко, ученика А. Тышлера. Между тем по пластической мощи живописи он стоит в одном ряду с В. Кандинским и К. Малевичем.

Е. ЛЫСЕНКО. «Автопортрет», 1920.

А.Порет — ученица П. Филонова, была известна главным образом своими иллюстрациями. Самые интересные из них — к детским стихам Д. Хармса. Савицкий одним из первых оценил Порет-живописца, ее чистый и свежий голос.

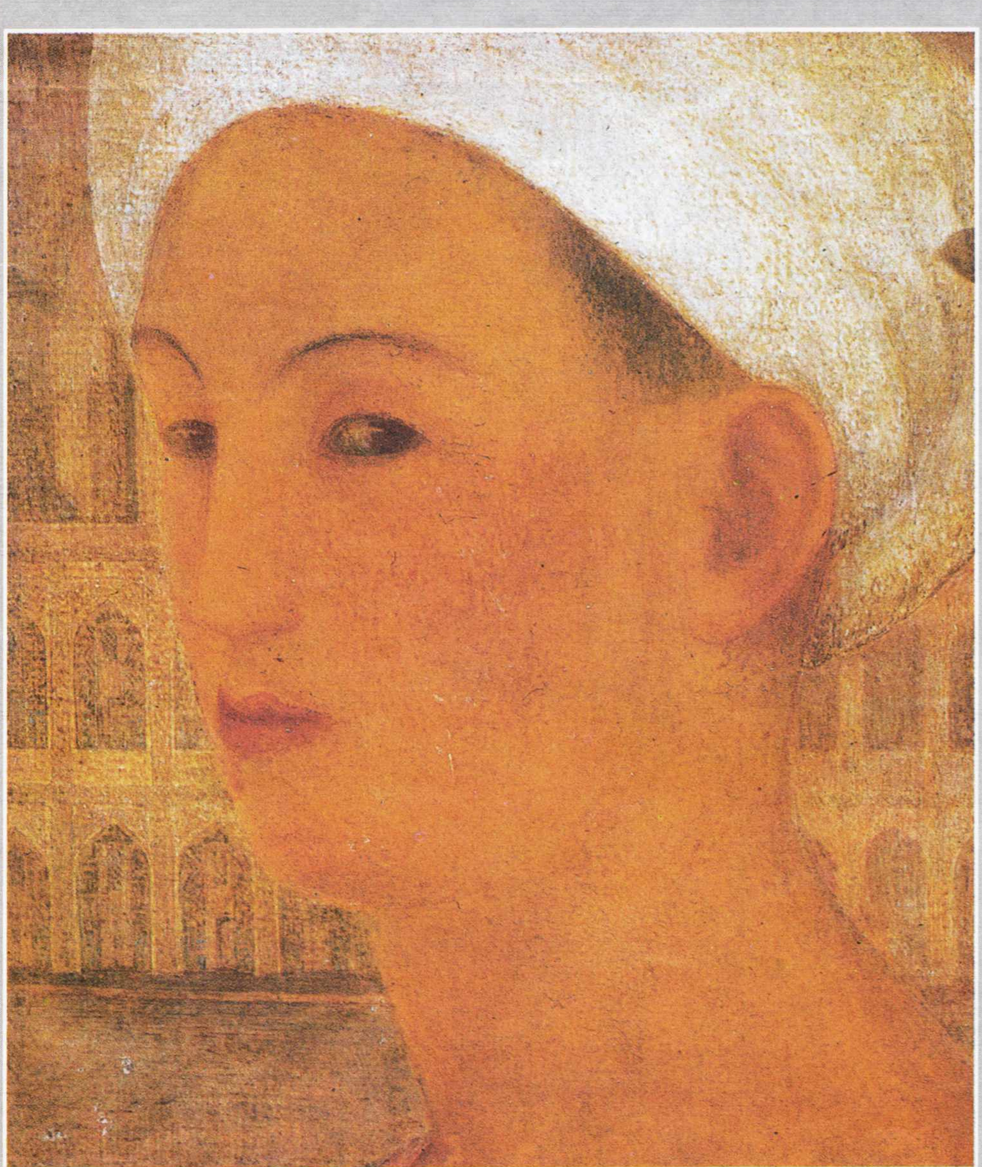
А. ПОРЕТ. «Семейный портрет», 1937.

вания музея кладется принцип строгого отбора. Музей пытается своим авторитетом опередить выбор, который делает время. Иногда музей попадает в точку, иногда ошибается. Савицкий действовал иначе. Каждого художника он стремился представить в своем собрании с наибольшей полнотой. Он строил свой музей не как антологию, а как собрание монографий. Он спасал, и как для выживания вида нужно сохранить некое число особей, так и для выживания культуры необходимо спасти некий массив памятников, некий пласт. Выяснить масштабы дарований мы еще успеем, а отсеянное Савицким попросту погибло бы.

Сейчас мы, искусствоведы, все раскачиваемся, собираясь написать подлинную историю нашего искусства. Сейчас, когда стало можно. Савицкий восстанавливал эту историю тогда. Тогда, когда было нельзя.

Елена ЛЬВОВА

P. S. Когда этот материал уже сдавался в печать, стало известно, что из-за кризисной экологической обстановки в Приаралье музей оказался под угрозой. Музей Савицкого должен быть сохранен!

Восточная миниатюра была для А. Николаева (Усто-Мумина) источником стиля. В основе живописи Волкова — цвет, у Николаева главное — линия.

А. НИКОЛАЕВ (УСТО-МУМИН). «Портрет молодого узбека».

ПРОШУ СЛОВА

КАКИМ БЫТЬ ЗАКОНУ ОБ ОБЪЕДИНЕНИЯХ ГРАЖДАН

В конце марта некоторые общественные организации получили для обсуждения правительственный законопроект об общественных объединениях граждан. Появились надежды, что закон, которого с нетерпением ждет общество, будет принят уже на нынешней сессии Верховного Совета. Поэтому с учетом содержания официального проекта хотелось бы высказаться о том, каким следует и каким не следует быть будущему закону.

Начнем с того, что этот закон, как и все другие нормативные акты о правах и свободах граждан, должен полностью соответствовать международно-правовым обязательствам Советского Союза в области прав человека. И дело тут не только в формальном принципе «pacta sunt servanda» («договоры должны соблюдаться»), но и в том, что международные нормы о правах человека являются подлинной квинтэссенцией опыта мировой демократии, столь необходимого нам сегодня, когда мы стремимся вырваться из юридических и психологических пут тоталитаризма.

В соответствии со ст. 20 Всеобщей декларации прав человека и ст. 22 Международного пакта о гражданских и политических правах каждый человек имеет право на свободу ассоциации с другими. Содержание этого понятия — свободы ассоциации (объединения) — подробно раскрывается в другом международном договоре — Конвенции Международной организации труда № 87 «О свободе ассоциаций и защите права на организацию», также ратифицированной Советским Союзом. Согласно Конвенции свобода ассоциаций включает: право граждан создавать по своему выбору организации без предварительного на то разрешения; право вступать в такие организации на единственном условии подчинения их уставам; право организаций вырабатывать свои уставы и административные регламенты, свободно выбирать своих представителей, организовывать свой аппарат и свою деятельность и формулировать свою программу действий; право организаций создавать федерации и конфедерации, присоединяться к ним и вступать в международные организации; обязанность государственных властей воздерживаться от всякого вмешательства, способного ограничить право на ассоциацию или воспрепятствовать его законному осуществлению. В Конвенции говорится также, что организации не подлежат роспуску или временному запрещению в административном порядке и что они могут приобретать права юридического лица на таких условиях, которые не способны воспрепятствовать осуществлению права на ассоциацию.

Основой нового закона должна служить, естественно, и Конституция СССР, которая в ст. 51 предоставляет гражданам право «объединяться в общественные организации, способствующие развитию политической активности и самодеятельности, удовлетворению их многообразных интересов».

Так вот если вдуматься в международно-правовые и конституционные формулировки, на которых должен базироваться новый закон, то следует в корне изменить саму его концепцию. Предметом регулирования в нем должно стать **право граждан на свободное объединение в общественные организации** как одно из фундаментальных прав человека. Соответственно и будущий акт целесообразно было бы назвать «Законом СССР о свободе объединения», где право на свободное объединение должно служить отправным моментом для всех остальных его положений. В частности, регламентация создания и деятельности общественных организаций должна стать в новом законе не самоцелью, как это имеет место в официальном проекте, а лишь средством обеспечения вышеназванного права граждан.

В преддверии предстоящих коренных реформ во взаимоотношениях между республиками, направленных на обеспечение их подлинного суверенитета, будущий закон должен формулировать лишь основные принципы права на объединение, гарантировать минимальные пределы предоставляемых прав и максимальные пределы возлагаемых обязанностей. Все остальное регулирование в рамках этих пределов следует передать на усмотрение республик. Поэтому возможен и такой вариант нового акта: Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о праве на объединение.

В отличие от официального проекта новый закон должен с полной определенностью распространять свое действие на все общественные организации, независимо от их значимости и сферы интересов, включая КПСС, профсоюзы, любые другие существующие или будущие партии, организации, общества. Если деятельность отдельных видов таких организаций будет регулироваться каким-либо специальным законодательством (например, законодательством о партиях или о профсоюзах), то оно должно полностью соответствовать Закону о свободе объединения, который в данном случае следует рассматривать как «органический», то есть конституционный, обладающий высшей юридической силой.

Начинать этот, как, впрочем, и любой другой грамотно составленный, закон нужно с элементарных определений предмета регулирования, которые, кстати говоря, тоже отсутствуют в официальном проекте. Первое, что следует определить,— это право на объединение. Если суммировать определения такого права как в международных документах, так и в иностранном законодательстве, то можно предложить следующий вариант: право на объединение — это гарантируемая государством возможность гражданина свободно объединяться с другими гражданами в свободно избранных ими формах и видах общественных организаций для удовлетворения общих политических, социальных, экономических, профессиональных и прочих интересов и достижения соответствующих целей.

В официальном проекте нет и определения общественной организации, а оно тоже необходимо. Дело в том, что все общественные организации — от ассоциации любителей персидских котов до Коммунистической партии Советского Союза — с точки зрения права имеют единую природу, которая характеризуется следующими тремя существенными признаками: добровольное членство, самоуправление и постоянство во времени. Все остальные признаки, по которым они отличаются друг от друга, и прежде всего цели, методы деятельности, внутренняя структура и т. п. (если они, конечно, находятся в рамках, установленных законом, о чем мы скажем ниже), должны быть закону безразличны и находиться вне правового регулирования.

С учетом сказанного можно предложить следующий вариант определения общественной организации: это — добровольное, самоуправляемое, постоянно действующее объединение граждан, не преследующее цели извлечения прибыли. Такая формулировка, охватывающая существенные признаки общественной организации, позволяет включить в их число все их многочисленные виды (политические партии, профсоюзы, научные и спортивные ассоциации, объединения по любым возможным интересам) и в то же время отграничить общественные организации от кооперативов, акционерных обществ и других подобных объединений, деятельность которых регулируется другим законодательством.

Итак, если мы согласны с тем, что законодательство не должно регулировать вопросы, относящиеся к внутренней компетенции общественных организаций (а мы обязаны с этим согласиться, если хотим соблюдать взятые на себя Советским Союзом обязательства по международным договорам, о которых говорилось выше), то закону остается урегулировать лишь три группы отношений, возникающих между общественными организациями и государством. Это — порядок легализации общественных организаций, порядок приобретения ими прав юридического лица и порядок финансового контроля за их деятельностью и налогообложения.

Процедура легализации общественных организаций должна быть следующей. Закон в соответствии с международно-правовыми обязательствами СССР предоставляет право любому установленному числу граждан (скажем, не менее 10 человек) без всякого предварительного разрешения созвать учредительную конференцию, провозгласить создание организации и принять ее устав. После этого единственная обязанность учредителей перед государством состоит в публичном оповещении о создании организации, ее целях, методах деятельности, принципах, содержании устава путем, например, публикации всех этих сведений в официальном печатном издании того места, где создается организация (естественно, за счет учредителей). Если в течение установленного законом срока (скажем, одного месяца) со дня публикации в соответствующий суд поступит от правоохранительных органов, других организаций и учреждений, а также граждан обоснованное исковое заявление о запрещении данной организации, он рассматривает дело в соответствии с обычной гражданско-процессуальной процедурой, включающей возможность обжалования в вышестоящих инстанциях.

В законе необходимо установить четкие, максимально конкретизированные критерии, дающие суду основание для запрета общественной организации и исключающие возможность произвольного толкования. Например, общественная организация может быть признана незаконной и запрещена, если она преследует цели или использует в своей деятельности методы, направленные на: насильственное свержение или изменение существующего общественного и государственного строя; разжигание расовой или национальной ненависти и вражды; угрозу насилием отдельным учреждениям, организациям и лицам; нанесение ущерба окружающей среде; нанесение ущерба здоровью граждан, общественной морали и нравственности; ограничение и нарушение законных интересов и прав членов данной организации; создание каких-либо прав и обязанностей для лиц, не являющихся членами данной организации.

Общественные организации, должным образом оповестившие о своем образовании и в течение установленного срока не получившие вызова в суд, считаются действующими на законном основании (легализованными) и могут свободно осуществлять свою деятельность в соответствии с их уставами. Закон должен гарантировать право таких организаций выбирать свои руководящие органы, организовывать свой аппарат и формы деятельности, формулировать свой устав и программу действий, издавать и распространять свои печатные издания. И не дело закона, как это предусматривает официальный проект, дотошно регламентировать, что должно и чего не должно быть в уставе организации. Государственные власти, а также другие общественные организации обязаны воздерживаться от какого-либо вмешательства, способного ограничить право на объединение или помешать ему.

Легализованные общественные организации не подлежат роспуску или запрещению в административном порядке — эти вопросы должны решаться только судом. Им должно быть предоставлено право создавать союзы, федерации, конфедерации как внутри страны, так и с зарубежными общественными организациями.

Регистрацию общественных организаций в качестве юридических лиц не следует связывать с их легализацией. Такая регистрация должна быть признана законом необязательной (факультативной). Нежелание общественной организации регистрироваться как юридическое лицо не должно влечь за собой какого-либо ущемления ее прав или прав ее членов, если такие права не присущи только юридическим лицам. Например, члены общественной организации должны иметь право проводить демонстрации, собрания, митинги своей организации вне зависимости от того, является ли она юридическим лицом или нет.

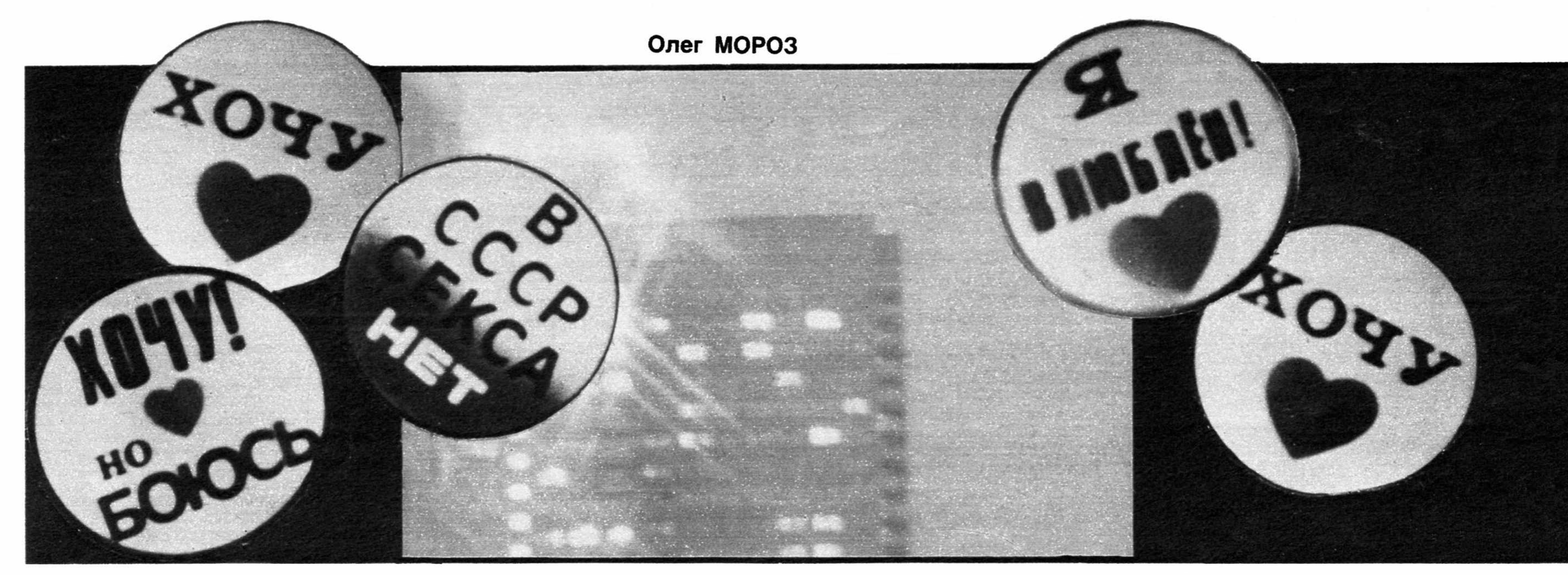
Если же легализованная общественная организация решит приобрести статус юридического лица, можно было бы предложить для этого следующую процедуру. Регистрация производится судом по месту нахождения руководящих органов общественной организации путем записи в специальный регистр общественных организаций. Единственным основанием для регистрации должно служить заявление, подписанное руководителями организации с приложением копии официального печатного органа, в котором было опубликовано оповещение о создании организации. Отказ в регистрации может быть обжалован в вышестоящих судебных инстанциях. Справка суда о регистрации служит основанием для получения печати, бланков и открытия банковского счета. Отказ в предоставлении этих услуг обжалуется в том же суде.

Контроль за финансовой деятельностью и доходами общественных организаций должен осуществляться финансовыми органами лишь в целях и пределах, необходимых для установления законности источников и способов поступления финансовых средств, размеров получаемых доходов, определения размеров и порядка налогообложения. Формы контроля, отчетности, размеры и способы налогообложения, а также порядок полного или частичного освобождения общественных организаций от налогообложения должны устанавливаться в соответствии с действующим законодательством.

Всякая иная деятельность общественных организаций, их права, полномочия и обязанности не подлежат специальной регламентации и могут реализовываться ими согласно их внутренним правилам, а также законам СССР и союзных республик. Пора твердо усвоить элементарную истину: любая попытка вывести страну из глубокого кризиса, в который вовлек ее тоталитарный режим, под силу только свободным людям, чьи политические и гражданские права надежно гарантированы государством.

Эрнест АМЕТИСТОВ,
доктор юридических наук,
член Общественной комиссии
по международному гуманитарному
сотрудничеству и правам человека
при Советском комитете
за европейскую безопасность

Олег МОРОЗ

ОТВЕРЖЕННЫЕ

Мы, наверное, еще долго не вспомнили бы о них, если бы не СПИД. Гомосексуалисты — среди так называемых групп риска, хотя понятие это все больше размывается и теряет смысл: в общем-то в группе риска мы все. Так или иначе гомосексуалисты первыми подверглись атаке загадочного вируса. И до сих пор их процент среди пораженных СПИДом — наибольший.

Беседую с гомосексуалистами в клинике на Соколиной горе. Их трое. Молодые ребята. От двадцати четырех до тридцати. У всех вирус СПИДа.

Самый молодой и самый разговорчивый — Алексей. Студент. Похож на Алена Делона. Сначала он попал в больницу с сифилисом, а уж потом — при всех венерических заболеваниях сейчас берут кровь на СПИД — обнаружился этот вирус.

Спрашиваю, как он себя чувствует.

— Ничего. Иммунный статус у меня хороший, поэтому никаких таблеток не принимаю.

Ну вот, «иммунный статус»... Вполне подкованные пациенты.

Знают ли они, кто их заразил?

— Среди моих контактов нашелся человек, который тоже инфицирован,— признается Алексей.— Но здесь не известно, кто кого...

Нынче носителей вируса ищут двумя путями. Один путь — закинуть широкую сеть с ячеей как можно меньше. Обследуют доноров, проституток, гомосексуалистов, наркоманов... Стали обследовать беременных. Но при этом открылась удивительная картина: большинство носителей в эту сеть не попадают. Сеть дырявая.

Более эффективный путь — поиск контактов уже выявленных носителей вируса.

Московские врачи уверяют: среди групп риска с гомосексуалистами легче всего иметь дело. Это люди наиболее высокого уровня. Труднее всего с проститутками. Гомосексуалисты нередко добровольно приводят своих друзей на обследование. Заботятся.

В Ленинграде я слышал иное: гомосексуалисты по-прежнему путают след, «темнят».

— Много у вас было контактов? — спрашиваю я тридцатилетнего Михаила.

— Так трудно сказать, но примерно, значит, в среднем берем, где-то... три человека в месяц. Ну, два — вот так вот.

Два в месяц — это, надо полагать, новых. Так я его понимаю.

Значит, так: два новых контакта в месяц, двадцать четыре в год. Будем считать, четыре года примерно существует опасность заражения СПИДом. Стало быть, девяносто шесть раз у Михаила была возможность подхватить вирус. И вот по крайней мере однажды эта возможность осуществилась.

Михаил работает инженером в КБ. Женат. Двое детей.

— Менять по два-три партнера в месяц... Вы считаете, это нормально для гомосексуалиста?

— Я считаю — не только для гомосексуалиста,— опять вступает в разговор Алексей.— Это вообще нормально... Для нормального молодого человека, независимо от того, кто он.

Фото Александра ДЖУСА

Нет, мне этого не понять. Устарел, должно быть, отстал от жизни.

— Это просто у нас так говорят,— добавляет Михаил,— дескать, у гомосексуалистов больше контактов. Обычные мужчины и женщины меняют партнеров не реже, чем гомосексуалисты.

Тут я не согласен. Если не брать в расчет «спортсменов-рекордсменов», в среднем гомосексуалисты меняют партнеров все же чаще...

Подумав, Михаил соглашается:

— Да, пожалуй, что так.

— Здесь, во-первых, социальные условия играют роль,— говорит Алексей.— Если бы у меня была квартира, я бы, конечно, не бегал бы... А жил бы с одним человеком...

— Да, если бы у нас было, как на Западе...— вторит ему Павел.— Гомосексуалисты ведь там живут друг с другом официально... Не таясь. И квартирные условия позволяют...

— У нас тоже есть такие пары...

— Да, но их очень мало. Единицы. Большинство гомосексуалистов у нас живут с родителями. Чтобы встретиться, им надо искать квартиру где-то на стороне, к кому-то в гости ехать. Или ждать, когда родители из дому уйдут. Поэтому и получается это... Сегодня с одним, завтра с другим... С третьим...

Вот несколько записей, сделанных западногерманским больничным духовником Грегором Шорбергером. Его собеседники — гомосексуалисты, больные СПИДом.

«С Бернхардом Б., служащим, я впервые встретился в один из дней в конце февраля, под вечер. Вокруг его кровати были кипы книг и журналов, так что мне показалось, что самого его в палате нет. Лишь когда я подошел поближе, я обнаружил его за развернутой газетой. После моего приветствия г-н Б. отложил в сторону газету и с удивлением посмотрел на меня сквозь большие роговые очки. Я представился: католический больничный духовник. После этого лежащий заговорил взволнованно и раздраженно:

— Я болен СПИДом. Вы ничем не можете мне помочь. Я гомосексуалист. А ваша церковь считает нас людьми с патологическими отклонениями, грешниками и извращенцами. Если бы все происходило, как того желает церковь, то параграф сто восемьдесят пятый так никогда и не был бы смягчен. Нас по-прежнему преследовали бы, как при Гитлере. Еще в пятидесятые и шестидесятые годы, когда канцлером был католик Аденауэр, мужчин сажали в тюрьму за однополую любовь. За нас ваша церковь не вступалась никогда. В годы нацизма тысячи гомосексуалистов были замучены в концлагерях. Сегодня вы смотрите на нас — на тех, кто заболел СПИДом,— как на козлов отпущения.

Товарищи журналисты!

Я уже долгое время замечаю, что, стоит развернуть любой журнал или газету, обязательно ткнешься в статью о так называемых «гомиках», или, как их еще называют, «голубых». Почему этот цвет так расцвел в перестроившейся прессе? Я понять не могу: кому это выгодно прославлять эти отбросы общества? Зачем нужно проповедовать разврат? Неужели мало и без этого грязи кругом? Хотите, чтобы никто не работал, не жил духовной жизнью, а только и бегал-искал себе партнеров, разрушал семью?

Эти «голубые» совершают дикие преступления, растлевают все вокруг — вы уж называйте вещи своими именами! Медикам, которым надо бороться с ними неустанно, лечить их, пусть даже принудительно, помочь надо всем миром. После того как эти «голубые» преподнесли нашей державе заграничный сюрприз — СПИД, у милиции не должны опускаться руки ни на миг.

Мы в угрозе, наши младенцы в роддомах обрекаются на гибель лишь потому, что некоторые скоты предпочитают удовлетворять свою похоть, как им заблагорассудится. Общество должно лечить больных, но если до кого-то не доходит через головы, если кто-то мало того, что живет на чужой шее, а еще хочет и гнить на ней заживо, таких надо воспитывать тяжелым, нужным стране трудом, так они быстро перестроятся. Перестройка — это очистка от всякой грязи, а вы еще сюсюкаете этим выродкам.

В. СЕРГЕЙЧИК,
г. Тольятти

Уважаемая редакция, я несчастная мать. У меня трое сыновей. Старшему — тринадцать лет, младшему — шесть. Но уж лучше бы у меня были бы девочки. Нет, я не боюсь, что мои дети будут служить в армии. Я боюсь разврата, от которого они могут пострадать. Столько развелось любителей мальчиков, что просто страшно, когда они выходят на улицу. Обязательно затащат на чердак.

Надо срочно принимать меры. Узнать этих негодяев очень просто. У них длинные волосы. Ходят, вихляя задом, крашеные губы, и мужского в них ничего нет.

Я требую всех выявить и отправить на сто первый километр от каждого крупного города, а еще лучше — туда, где прокаженные. И пусть там делают друг с другом все, что хотят. А мои дети пусть вырастают настоящими советскими гражданами, защитниками Родины. И пусть они лучше пострадают за Родину, чем от рук этих подонков, которые, как навозные мухи, разносят всякую заразу.

С уважением, Мария Григорьевна Шавырина.
г. Горький

Слава богу, сегодня никто больше не прислушивается к проповедям церковников. Меня же вообще тема церкви больше не интересует.

— Впрочем,— сказал он после паузы, немного успокоившись,— я охотно побеседовал бы с вами о смысле жизни. Сейчас меня занимает проблема смерти. Приходите еще, сегодня я устал».

Мой разговор с нашими отечественными гомосексуалистами, зараженными СПИДом, продолжается.

— Сохраняются ли у вас связи с теми, кто перестал быть вашим сексуальным партнером?

Вопрос мой обращен к Павлу.

— Бывает, что сохраняются. Если человек хороший, поддерживаешь отношения с ним. У меня есть друзья, с которыми был контакт пять или шесть лет назад один раз... Потому что постель — это ведь не самое главное.

Ну вот, и пришли к точке. Полагаю, если бы большинство в обществе составляли гомосексуалисты, если бы гомосексуализм считался нормой, а все другое — извращением, во всеуслышание проповедовались бы примерно те же нормы и идеалы, которые проповедуются сейчас. Наподобие вот этой: «Постель — не главное».

— Помимо секса, есть ведь общие интересы...— продолжает Павел. Он тоже учится, только на вечернем. Постарше Алексея.

Сакраментальный вопрос: были ли у них контакты с женщинами? Были у всех — на заре туманной юности. Сейчас все трое считают себя «чистыми» гомосексуалистами.

Как они объясняют нетерпимость к ним со стороны окружающих? Ответить снова храбро берется самый молодой:

— Тем, что большинство людей у нас просто сексуально неграмотны. Вот он спит с женщиной и считает, что он нормальный, а других надо в тюрьму...

«В начале нашего знакомства,— пишет Грегор Шорбергер,— я обратил внимание на то, что г-на Б. в больнице никто никогда не навещал. Я поинтересовался, почему его не навещают коллеги по работе.

— Если они узнают, что я болен СПИДом, я сразу наложу на себя руки. Увольнение меня не страшит — я дорожу своей репутацией. Я уже пятнадцать лет работаю в фирме. Если они узнают про СПИД, им станет известно и другое — что я гомосексуалист. Они тотчас меня заклеймят. Для них я уже буду не кто иной, как извращенец, совратитель малолетних. Вы себе представить не можете, какие шутки отпускают в конторах по нашему адресу, как потешаются над гомосексуалистами. А сами они что собой представляют? Послушали бы вы, как по понедельникам начальники отделов рассказывают друг другу о своих похождениях в публичных домах. Для жен у них всегда есть объяснение: деловая поездка. Я старался быть наравне со всеми — в разговорах, конечно, рассказывал о своих мнимых приключениях с женщинами. Благодаря этому я принадлежал к их клану. Когда они приглашали меня к себе домой, всякий раз приходилось извиняться за то, что я не привел с собой свою так называемую подругу. Мне было важно, чтобы на службе меня уважали как «полноценного мужчину» и ценили за деловые и профессиональные качества.

— Конца лечению, однако, не видно,— продолжал г-н Б.— Напротив, бывают дни, когда мне совсем худо. Иной раз я задаю себе вопрос: не покончить ли мне с собой? Знаю наверняка: ведь я уже никогда не стану здоровым. Первый курс химиотерапии ничего не дал, теперь хотят провести второй. Сегодня утром врач сказал мне, что я должен уйти на пенсию. Вот видите, конченый я человек! А мне ведь всего сорок пять».

Выясняется, что все трое моих собеседников росли без отца. Алексей до сих пор живет с матерью, Михаил — у жены, правда, собирается разводиться. У Павла мать недавно умерла, он остался один.

— В большинстве своем гомосексуалистами становятся те, кто растет без отца,— считает Павел.— Я об этом и матери говорил, когда она жива была. Женщины, конечно, этого не могут признать... Что они виноваты... Когда женщина одна воспитывает сына, она, естественно, прививает ему даже и свои манеры, не желая, быть может, того... И мягкий характер... Вот я, например, мягкий человек. Я не могу отказать кому-то в чем-то... На чем-то настоять... Или грубое слово бросить. Не говоря уж о том, чтоб ударить кого-то. В ссоре или как... Меня просто не воспитали так, чтобы я бил человека. Потому что меня воспитывала женщина.

Спрашиваю Алексея, знает ли мать, что он гомосексуалист, как к этому относится.

— Знает, конечно. Относится отрицательно. Как она может относиться? Но она ничего не в состоянии сделать и вынуждена принимать все как есть. Теперь она мне все время говорит: «Я ведь тебя предупреждала, что ты подцепишь какую-нибудь гадость!» Имея в виду... Я ей на это отвечаю: «Ты считаешь, что в венерологическом отделении лежат одни гомосексуалисты?»

С тридцатипятилетним автослесарем Альбертом А. у патера Шорбергера сразу сложились добрые отношения.

— Много лет я собираюсь сообщить родителям, что я гомосексуалист, но никак не могу себя заставить. Мама очень тревожится из-за моей болезни, но я ничего не могу ей сказать. Приходится придумывать все новые сказки, чтобы ее успокоить. С отцом проще. Если бы он узнал, что я гомосексуалист и вдобавок болен СПИДом, он бы это легко пережил. Мама же была бы сломлена. А, с другой стороны, мне не хотелось бы, чтобы она узнала обо всем от других. Больше всего мне хотелось бы сказать родителям: родись я еще раз, я снова предпочел бы стать гомосексуалистом. Но чем чаще я порываюсь заговорить с ними на эту тему, тем очевиднее для меня становится невозможность такого разговора.

— Вы не боитесь, что на работе узнают, что вы гомосексуалист? — спрашиваю я Михаила.

— Ну, узнают и узнают... Что делать? Сам я это не афиширую.

Я напоминаю им, что до сих пор действует статья о гомосексуализме и в провинции до сих пор ее применяют... В провинции у нас сидят законники.

— Это возмутительно! — говорит Михаил.— Я считаю, что это нарушение прав человека. Вообще у нас общество так воспитано, что оно везде сует свой нос. В карман, например... Сколько он зарабатывает? Даже в постель... Кому какая разница, кто с кем спит! Я ведь тебя не трогаю. Работаю хорошо, приношу пользу государству. Оставьте меня в покое!

— Не расходись, не расходись! — смеется Элла Сергеевна Горбачева, заведующая отделением.

Эскапада довольно неожиданная в устах флегматичного Михаила.

Распространено наивное мнение, что гомосексуалисты не оставляют потомства... По этому поводу Алексей говорит задиристо:

— Большинство гомосексуалистов женаты. И имеют здоровых, полноценных детей, в отличие от тех — из числа «нормальных», которые жрут, пьют и рожают уродов, переполнивших сейчас все клиники.

— А вы не пьете?

Разговор на секунду застопоривается, словно конь, которого осадили на скаку. Мои собеседники с усмешкой переглядываются.

— Я бы так сказал: гомосексуалисты пьют меньше, чем другие люди,— говорит Павел.— Если он будет все время пить — какой уж тут секс.

Другие мои собеседники не согласны, что гомосексуалисты бóльшие трезвенники, чем прочие люди, смеются — это, дескать, индивидуальная особенность Павла.

— ...Почему я сейчас не женюсь? — продолжает разгоряченный Алексей, будучи не в силах соскочить с темы, которую оседлал.— На что я буду жить? На стипендию, которую получаю? На пенсию матери? Пойдут дети... Мне еще кое-как хватает, но ни жена, ни ребенок, как вы понимаете, на эти деньги прожить не смогут. Даже если жена будет работать.

Вспомнив внезапно, что у него вирус, Алексей добавляет горестно:

— Правда, сейчас эти планы у меня вообще отпали.

Чтобы отвлечь Алексея от грустных мыслей, я снова перевожу разговор в теоретическое русло:

— Я не понимаю, как можно жениться и жить с женщиной, будучи к ней равнодушным.

— Ну почему равнодушным? — возражает Павел.— Секс — это ведь не главное...

Гм... Второй раз слышу сегодня эту фразу. В этих разговорах все время попадаешь в тупик.

— ...Секс — это ведь не главное. Большинство людей женится не потому, что им надо удовлетворить свои... потребности... А просто чтобы не быть одиноким. Одиночество — это ведь ужасно.

Много говорится о проституции среди гомосексуалистов. Пытаюсь узнать из первых рук, как тут обстоит дело.

На мой вопрос опять Алексей отвечает:

— Вы знаете, проституция в последнее время стала развиваться. Не только с иностранцами. Особенно часто этим занимаются иногородние. Сколько раз я с ними разговаривал. «Ах, я сегодня был в гостинице «Интурист»! Я сегодня спал с таким-то, таким-то. Он мне подарил то-то, то-то...» Лишь бы что-нибудь содрать...

Места встречи гомосексуалистов указаны во всех справочниках Москвы, издаваемых для иностранцев. За границей, естественно, издаваемых. Так что сориентироваться нетрудно. Сам видел не раз. Например, есть такое издание «Спартакус». Там много информации. Каждый год выпускаются каталоги...

— А сами вы не имели дело с проститутками? — Я подразумеваю проституток-гомосексуалистов.

— Нет. Зачем? Они слишком дорогие. Партнера и так нетрудно найти. Выбор большой...

— Какая такса на внутреннем рынке?

— Не знаю, честно говоря. Для иностранцев знаю — от пятидесяти до ста долларов. В «Космосе», например, сто долларов.

— У меня были случаи, когда мне предлагали деньги,— говорит Павел.— Но предлагали такие, с которыми и за деньги не пойдешь. У проституток — и женщин, и мужчин — роль специфическая — они должны идти со всяким, хоть с бегемотом. А для гомосексуалиста очень важно, чтобы партнер нравился. Переломить себя трудно. И, наоборот, когда кто-то чересчур навязывается, а ты хочешь его отфутболить, говоришь ему: «Давай сто рублей, тогда

пойду». Он мигом исчезает. Правда, иногда возмущались: «Как это можно? Разве ты не по любви?» Я говорю: «Какая может быть любовь с тобой? Ты посмотри на себя!»

Вот ведь как. Среди гомосексуалистов такая же жестокость по отношению к «богом обиженным», как и среди прочих людей.

— Ну, а как же,— подтверждает Алексей,— обычный мужчина тоже ведь первым делом обращает внимание на внешность женщины, а там уже будет видно, как и что. Так заведено природой, не нами...

— Конечно, если говорить о СПИДе,— заключает Павел,— гомосексуалисты больше этому подвержены. Но тут у нас опять перегнули палку — огульно заявили, что в этом виноваты гомосексуалисты. И в результате у гомосексуалистов появился какой-то страх, а нормальные люди, живущие с женщинами, так и продолжают жить, считая: «Это не для нас». Но взять хотя бы, сколько здесь, в клинике, народу лежит. Здесь нас только четверо гомосексуалистов — все остальные палаты забиты нормальными людьми.

Это опять не совсем так. Среди зараженных СПИДом у нас примерно тридцать процентов гомосексуалистов. Общий же процент их среди населения — от одного до пяти. Стало быть, даже если брать самый высокий процент — пять, среди гомосексуалистов зараженных все-таки больше, чем среди остального населения.

— Когда среди наших гомосексуалистов возникла боязнь СПИДа?

Задумываются.

— Я думаю, в течение восемьдесят восьмого года,— отвечает Алексей.

Это соответствует мнению врачей.

— Тут наши законодатели пожинают плоды своей деятельности,— продолжает мой молодой и агрессивный собеседник.— Потому что вот этим законодательством — сто двадцать первой статьей — они сами закрыли гомосексуалистам путь... Они создали ситуацию, когда гомосексуалисты боялись проверяться... В провинции и сейчас боятся. Они ведь знают: если пойдут проверяться, их просто-напросто посадят в тюрьму. Может, сейчас и не посадят, но рисковать никто не желает. Кому хочется иметь дело с милицией? Поэтому, наверное, немало людей, которые заражены СПИДом, но не идут проверяться. Я вам про себя скажу честно: у меня в мыслях не было идти на проверку.

Я возражаю: есть ведь анонимные кабинеты. Но уверенности у меня в голосе нет.

— Ну и что? Ну и что будет, если я проверюсь и у меня обнаружат СПИД? Мне же надо лечиться — раскрывать свою анонимность, раскрывать свои контакты...

Лечатся тоже анонимно. Но Алексей прав: это все сложно. А в провинции за анонимными пациентами устраивают погоню, усматривая милицейскую доблесть в их раскрытии.

— ...И потом я вам скажу, когда гомосексуалистов привозят сюда из других городов,— горячится Алексей (ему бывает трудно остановиться, дать сказать другим),— то их привозят, как правило, с эскортом милиции. То есть к человеку относятся не просто как к пострадавшему... Ему не сочувствуют в несчастье... А как к преступнику. Вот он такой-сякой, и так ему и надо. Даже когда я уходил из венерологического отделения, то мне главный врач, женщина, говорит: «Вы же знаете, что бывает за гомосексуальные связи». Вот вам, пожалуйста... Спрашивается, кто она — медик или милиционер? Я оказался в таком шоке, что даже не стал ничего отрицать... Не стал говорить: откуда вы знаете, что у меня такие связи?

— Самое главное сейчас, чтобы к этим людям по-человечески относились,— продолжает мысль Алексея Павел.— И не только к гомосексуалистам, вообще к инфицированным. Потому что это несчастные люди...

— Заметна ли у гомосексуалистов тенденция сократить число партнеров в связи со СПИДом?

— Пока гром не грянет, мужик, как известно, не перекрестится,— отвечает Алексей.— Это и к гомосексуалистам относится. Все идет по-старому...

— И, я думаю, будет идти по-старому,— добавляет он, помолчав.— Не только у гомосексуалистов, но и у всех прочих людей. Все будут продолжать в том же духе.

Это худо. Неужто мы не умеем реагировать на опасность, как подобает живому существу? Я не говорю — разумному. Просто живому. Всему живому ведь свойствен инстинкт самосохранения — а нам, значит, нет? Я понимаю, инстинкт не срабатывает, когда опасность неразличима. Скворец, склевывающий на меже удобрение, не различает в нем яд. Но мы-то знаем о СПИДе все!

«Рольф Р., двадцатишестилетний техник, трижды проходил курс лечения в клинике.

— Я скоро умру. Вот задумал купить себе урну. Хочу каждый день смотреть на нее: может, тогда мне легче будет умирать. Ослабеет страх перед смертью. Мой друг говорит, что я сошел с ума, если уж собираюсь обзавестись урной. Я сказал, что буду прятать ее в шкаф, когда он будет вечером приходить с работы домой. Так он тоже не хочет. А мне важно, чтобы и он задумался над проблемой смерти. Чтобы хоть как-то поучаствовал в процессе моего ухода из жизни. Ведь он для меня самый близкий человек. Между прочим, я лишь сейчас понял, что еще ни разу не бывал на похоронах. Стоит мне только заговорить о смерти со своей матерью, как она тут же начинает реветь. Мой друг реагирует примерно так же — просит перевести разговор на другую тему. По сути, вы единственный, с кем я могу свободно беседовать обо всем, что меня волнует».

«Клаус К., двадцать один год, специалист по лечебной гимнастике. И здесь главная тема — смерть. Монолог, обращенный к тому же патеру Шорбергеру:

— Я боюсь смерти. Мне всего двадцать один год. Почему именно я? Почему именно сейчас? Если бог есть, почему он этому не помешал? Что случится тогда, когда моя жизнь кончится? Куда исчезнет боль? Хорошо, что вы здесь. Ваша готовность выслушать меня помогает мне преодолеть страх. Я чувствую, что вы в силах разделить его со мной. Мне по душе, что у вас нет готовых ответов на мои вопросы. Когда-нибудь я найду на них собственные ответы».

Споры о том, что есть гомосексуализм, ведутся который десяток лет. Повсюду в мире, за вычетом нашего отечества, признали, что тяга гомосексуалистов к людям своего пола диктуется не свободным выбором,— она составляет их естество. Мы тут, как во многом другом, держимся своего самобытного взгляда — сажаем гомосексуалистов в тюрьму, точно уголовников. Это все равно что упекать в казенный дом рыжих за то, что они рыжие, конопатых — за то, что они конопатые. Само по себе это нарушение людских прав, берущее исток во временах сталинщины, а в пору СПИДа это просто безумие. Уголовный кодекс загоняет людей в подполье, вместе с ними укрывая от глаз пути перемещения смертоносного вируса. Неужто всерьез толкуем мы о борьбе с эпидемией, угрожая при этом карами еще не известным нам зараженным — в том случае, если они сделаются нам известны?

Конечно, мы вправе предъявить им ряд требований — это видно из напечатанного очерка. Мы вправе потребовать, чтобы они вели себя сдержанней и осторожней, как это диктует тревожная ситуация. Но одного от них требовать невозможно — чтобы они были в точности похожи на нас.

ШАХМАТЫ

Не исключено, что в конце мая 16-летний Гата Камский приедет в Москву на главный отборочный турнир к очередному розыгрышу Кубка мира по шахматам. Гата Камский сейчас не только один из самых талантливых молодых шахматистов в мире, но и, возможно, один из последних невозвращенцев. Приехав с отцом в начале прошлого года в Нью-Йорк из Ленинграда, они остались после турнира в США, попросив там убежище. Став беглецами из СССР на шестнадцать лет позже другого ленинградца, Корчного, Камские уже пакуют чемоданы для поездки в Союз, и вполне вероятно, что будущий претендент на шахматный трон (так считает его отец) приедет в гости на свою бывшую родину раньше некогда знаменитого претендента.

Виталий МЕЛИК-КАРАМОВ

На испанском острове Майорка посреди Средиземного моря, в городе с экзотическим названием Пальма-де-Майорка, я в декабре, под жарким солнцем (в Москве стояли самые сильные за зиму морозы), беседовал с двумя бывшими ленинградцами.

В Пальма-де-Майорке проходил один из трех отборочных турниров Кубка мира. Кроме сливок шахматной элиты (им, естественно, отбираться не было нужды), сюда съехались почти двести гроссмейстеров со всего мира, потом подъехали на ассамблею МАГа (Международная ассоциация гроссмейстеров) и «сливки», но это уже другая история.

Строго говоря, Гата (он еще не гроссмейстер) не должен был участвовать в этом турнире, но в американской квоте ему уступили место. Камский разделил на турнире второе место, получил одиннадцать тысяч долларов и показал результат, который в его годы мало кому удавался. Однако спустя пару месяцев, в Рейкьявике, на турнире значительно слабее по составу, где играли по той же швейцарской системе, что и в Пальме, Гата выступил средне, не попал даже в первую десятку. Но в итоге результаты — результатами, а создалась пикантная ситуация. Последний отборочный, или главный отборочный турнир, который собирает всех лучших по трем турнирам и шестнадцать неудачников из Кубка, должен состояться в мае в Москве. Неужели Камский приедет в СССР? С другой стороны, вряд ли он сможет упустить шанс войти в число соискателей Кубка. Ведь общий приз в нем два миллиона. Достаточно оказаться даже в середине таблицы, и у тебя заведутся кое-какие (а точнее — неплохие) деньги.

Ну, не могут Камские этого шанса упустить, потому что живут пока совсем небогато. Живут на Брайтон-бич, среди евреев-эмигрантов, что меня сразу заставило поинтересоваться национальностью Камских, оказалось, нет, татары, а на Брайтоне друзья, которые помогают.

Камского-старшего я впервые увидел весной 1987 года в Останкине на двухдневном телевизионном турнире сборных четырех поколений. Тогда о Гате писали чуть ли не во всех газетах. Я сопровождал Гарри Каспарова, когда к чемпиону подошел крепкий невысокий мужчина с косой челкой. Типичный боксер пятидесятых, впрочем, так оно и оказалось. «Я отец Гаты Камского»,— сказал он. Чемпион мира кивнул, понимая, что называть себя ему не надо. «Прошу вас помочь достать Гате компьютер»,— веско попросил Камский. За последние лет семь у Каспарова чего только не просили, правда, большей частью просто денег; так что он не очень удивился. Но тут был случай особый, речь шла не просто о талантливом мальчике, но прежде всего о талантливом шахматисте.

Каспаров, который к тому времени провел уже не одну сессию в детской школе для одаренных, начал с жаром объяснять, что на этом этапе Гате нужен не компьютер, а самостоятельное изучение и анализ дебютов с закладкой их в собственную память. Руслан Камский слушал распалившегося чемпиона внимательно, но в его глазах было ясно написано: «Сам имеешь, а нам не даешь»... Педагогические изыскания Каспарова его совершенно не интересовали. «Так, значит, вы не можете нам помочь достать компьютер?» — уточнил Камский и исчез так же неожиданно, как и появился. «А откуда я его возьму?» — удивленно спросил меня Гарри. «Купишь за пару тысяч долларов и привезешь Гате,— посоветовал я,— или отберешь у детей в твоем компьютерном клубе. А то обвинят, что зажимаешь соперника с детских лет».

Сейчас я, задним числом, понимаю, что не так уж и далек был от истины, хотя в таком варианте пророком быть всегда легко. В своих интервью Руслан Камский неоднократно повторял мысль об отсутствии помощи и ужасном притеснении. Думаю, что в Ленинграде лучше знают, сколько тренеров было у Гаты и помогали ему городские спортивные организации или нет.

Во всяком случае, мне показалось, что Руслан Камский убежден в объеди-

ТАЛАНТ НЕЛЕГКО ПРОДАТЬ

нении двух великих «К», для подавления маленького «К», его сына. Мысль о подобном единодушии Карпова и Каспарова более чем оригинальна, что делает честь фантазии Камского-старшего.

Там, в Испании, Гата, который должен был производить впечатление «не от мира сего» вундеркинда, показался мне вполне земным и совершенно нормальным парнем. Декоративный налет гениальности скорее затронул папу. Дело даже не в том, что все две недели я его видел в любое время суток в одном и том же тренировочном костюме и черных зимних ботинках (невнимательность к одежде принято считать одним из признаков или гения или безумца), папа метался во время партий по коридорам и лестницам многоэтажного «Аудиториума», где проходили туры, как тигр в аттракционе Маргариты Назаровой.

В середине турнира Гата доигрывал партию с Виктором Купрейчиком, у которого было на две пешки больше. Несмотря на свое преимущество, минский гроссмейстер умудрился проиграть. Перед началом партии, когда судья расставил фигуры, неожиданно выросший за моей спиной Руслан (неожиданность возникновений, наверное, черта характера), спросил: «Ну что, вся советская сборная искала для Купрейчика выигрыш?» «Возьми себя в руки, Руслан,— ответил я,— Гата все же не Корчной, и год сейчас на дворе не 75-й». Окончательно развеял подозрение недоверчивого папы Камского сам Купрейчик.

Многих любителей шахмат волнует, будет ли Гата чемпионом мира. «Не будет,— сказал Каспаров, легко выиграв, правда, в быстрых шахматах, две партии у Камского,— потенциал не тот. Будет сильным гроссмейстером, хорошим профессионалом. Он уже сейчас играет с удивительным напором и быстро прогрессирует, но я вижу верхний предел игры Камского! Для того чтобы стать первым, его не хватит».

Мы договаривались о беседе все дни, пока шел турнир. Наконец, сговорились встретиться сразу после окончания партии. Первое, что сказал Руслан, когда они с Гатой вышли на набережную: «Никаких интервью я давать не буду». Немая сцена. Потом я опомнился. «Бога побойся, Руслан»,— сказал я. «Ладно,— согласился он,— но мы с Гатой даем интервью только за деньги». «Сейчас я тебе все суточные отдам,— пообещал я таким тоном, каким по замыслу авторов Бендер должен был спрашивать: «...И ключ от квартиры, где деньги лежат?..»

— Гата — странное имя для русских?

Руслан:— Гата — это сокращенное татарское имя Гатайулла. И я, и мать Гаты по национальности татары.

— Когда растет талантливый ребенок, всегда интересно посмотреть на корни его рода. Руслан, кто были ваши родители?

Руслан:— Мои родители — заслуженные артисты, основатели татарского театра. И моему несчастному отцу на склоне лет пришлось продавать редиску с огорода. Я ее выращивал вместе с ним. Мне было обидно за отца, но нечем было прокормиться. Дело проходило в Орске, куда мы приехали к брату матери — комиссару, сподвижнику Фрунзе, одному из руководителей борьбы с басмаческим движением. В 1938 году дядю расстреляли, и это сильно повлияло на жизнь родителей.

— Кстати, где мама Гаты — она жива? Она с вами в Америке?

Руслан:— Она жива. Но мы требуем, чтобы к нам приехала моя вторая жена. Мы считаем, что ее не выпускают из Союза после того, как мы сбежали.

— Вам больше нравится слово «сбежали» или остались?

Руслан:— Сбежали — больше отвечает сути. Нас бы никогда не выпустили. Но мы хотим, чтобы люди в Союзе, особенно в Ленинграде, знали, что мы болеем за них душой. Знали, что мы желаем им ездить по миру. На пороге новый век, а в Союзе свободой и не пахнет.

— Гата, ты прежде ездил за границу?

Гата:— Ездил на чемпионат мира среди кадетов. Ездил еще на один турнир.

— Так что же заставило уехать?

Руслан:— Меня толкнуло то, что моя жизнь, которую я посвятил сыну, пропадала даром. У моего сына были колоссальные успехи, но три года в Союзе ему не давали играть в шахматы. Не давала играть московская мафия. По полгода мой сын не играл в турнирах (речь идет о международных соревнованиях.— **В. М.-К.**), а спортсмен, который не участвует в борьбе, никогда не прогрессирует. Вот доказательства. За год, что мы уехали, Гата играет в турнирах постоянно и более десяти раз превысил норму мастера спорта международного класса и уже дважды выполнил гроссмейстерский балл.

Нам с 1988 года не обсчитывали новый рейтинг. Законный рейтинг моего сына был 2570, а после турнира в Пальма-де-Майорке — 2610—2620 (рейтинг Каспарова — 2800). По этому рейтингу мы имеем право играть в межзональном цикле.

— Но все же в вашем отъезде с профессиональной точки зрения есть риск. В Союзе многого не хватает, но с гроссмейстерами все в порядке. Советская шахматная школа их успешно выпекает. Даже если принять ваш подсчет рейтингов Гаты, то и эти цифры не уникальны...

Гата:— Все равно, хороших шахматистов сдерживают. Например, Гельфанд и Иванчук. Сейчас они входят в первую десятку, но им уже больше двадцати, а на этом уровне они могли бы заиграть раньше. И таких много. Дреев, например. Неважно, что они во всех сборных играют, все равно их сдерживают.

— Следовательно, ты не боишься оторваться от советской шахматной школы, не боишься за свой класс игры?

Руслан:— Какая школа?

Гата:— Речь не может идти ни о какой школе, если ты не играешь в сильнейших турнирах.

(Я вынужден прокомментировать ответы Камских. До последнего времени существовала квота на выезд, и больше определенного числа людей на турниры попасть не могло. Сейчас ездят все желающие и даже не только мастера, не говоря уже о гроссмейстерах.)

— Неужели, Гата, ты считаешь, что твой путь сложнее, чем у Каспарова?

Гата:— Конечно. У меня нет такой поддержки, какая была у Каспарова.

Руслан:— Для Михаила Ботвинника Каспаров стал, как родной сын, рядом с ним всегда был другой знаменитый чемпион — Тигран Петросян, и к тому же Каспарова поддерживала целая республика — Азербайджан. Никогда бы Каспаров не поднялся, не будь Азербайджана, Петросяна и Ботвинника.

Каспаров — гений и заслуженно всего добился. Мы видим, как тяжело ему все достается. Нам его по-человечески жалко. Этому гению приходится и дальше бороться, на его пути много преград. Но не знаю, по его ли указке, но нам дорогу закрывали его отцы. Карпову и Каспарову угождают чиновники, выполняя даже не приказ, а взгляд этих генералов советских шахмат. Столько молодых талантов задержали!

— Гата, кто же в конце концов твой тренер?

Гата:— Мой отец.

— Вы хорошо знаете шахматы?

Руслан:— Я их совершенно не знаю. Мой сын добивается всего один. Наш кумир — Фишер. Мы перед ним преклоняемся.

— Гата, как ты тренируешься?

Руслан:— Это наша тайна. Мы занимаемся по своей системе и о ней никому не рассказываем.

— Но, наверное, не секрет, где вы живете?

Руслан:— Мы живем в Брайтоне, там, где много русских. Я долго выбирал место жительства. У нас мало времени заниматься спортом и мало времени отдыхать. Я выбрал квартиру на берегу океана. Здесь общаются на русском, здесь вторая Одесса. Веселые люди, не сказать, что богачи, но все живут легко. И нам хватает одной минуты, когда мы приезжаем, добежать до океана. Мы по часу купаемся даже в холодной воде и прекрасно себя чувствуем.

— Руслан, не кажется ли вам, что вы поторопились, ведь сейчас в Верховном Совете обсуждается вопрос о свободе въезда и выезда в страну?

Руслан:— Я экономлю каждую секунду в жизни своего сына. В восемь лет Гата закончил четвертый класс. Ему было два года, когда я научил его читать, но никакая перестройка не изменит шахматной жизни в Союзе. Я знаю, что за поездки за границу будет по-прежнему грызня. И это продолжится еще лет пять. Я не могу терять столько времени. Я точно все рассчитал... Я не могу похвалиться жизнью на Западе, потому что нам все достается с трудом. Мы сейчас даем единственное бесплатное интервью — это вам, своим, как говорится, однополчанам из Советского Союза. Здесь жестокая жизнь. Сын мой выиграл, у нас есть на питание, не выиграл — нет на питание. Пока нас толком в Америке не оценили.

— У вас есть машина?

Руслан: — Есть и машина «датсун-510» и двухкомнатная квартира.

— Какого года выпуска машина?

Руслан:— Эту машину нам подарил приятель.

— А какая квартира была в Ленинграде?

Руслан: — Тоже двухкомнатная.

— Гата, ты в каком учился классе накануне отъезда?

Гата: — Я почти закончил школу.

— Будешь ли учиться дальше?

Руслан: — Это буду решать я. Мы стоим на перепутье — учиться ли дальше? Те, кто имеет образование, на Западе хорошо обеспечены. Я еще раз смотрю на гений Каспарова, гений Карпова — эти люди выглядят старше своих лет. Шапка Мономаха очень тяжела. А мне бы хотелось, чтобы Гата прожил долгую и счастливую жизнь. Если найдутся спонсоры, которые помогут нам деньгами, и мы сможем безбедно существовать, то мы будем заниматься шахматами. Если мы не найдем спонсоров, то придется шахматы бросить, хотя у моего сына рейтинг такой, какого не было ни у одного из шахматистов мира в пятнадцать лет.

Каждый великий спортсмен имеет право на врача, массажиста, на обеспеченного отца. Мы должны быть обеспечены, жить в своем доме. Пока у нас этих условий нет. Пока мы перебиваемся как можем между турнирами. Это нас делает злее, но я не хочу, чтобы мой сын в 30—35 лет был неврастеником. Поэтому перед нами стоит вопрос; даже если мой сын будет сопротивляться и желать дальше играть в шахматы, я положу этому конец.

— Руслан, вы говорили, что совершили такой серьезный шаг ради того, чтобы Гата занимался шахматами на высшем уровне, сейчас же вы утверждаете, что будущее его еще неопределенно?

Руслан:— Я уверен, что любой шахматист в 19—20 лет, привыкнув работать с книгой и искать логические пути выигрыша, умеющий много работать, выбрав любую профессию, всегда добьется колоссального успеха.

У нас есть пример. Трофимчук в 17 лет бросил шахматы, закончил Йельский университет. Он прекрасно себя чувствует. Он получает такие суммы, о которых не мечтал. А через пять лет вообще будет фантастика. Да, что говорить, работники умственного труда получают там колоссальные деньги, которых хватает не только им, но и следующим поколениям.

— Гата, у тебя появились новые друзья, как ты проводишь свободное время?

Гата: — Друзей у меня нет. Я все время на турнирах. Занимаюсь шахматами.

— Вы надеетесь увидеть Гату чемпионом мира?

Руслан: — К сожалению, мы доставили большую радость Гарри, когда Гата проиграл ему две партии. Но перед встречей с чемпионом Гата выиграл всеамериканский отборочный турнир. И до этого уже был чемпионом США в открытом первенстве. Его должны в Америке заметить. Пусть Каспаров нас в следующей встрече опасается.

— Гата, ты целиком разделяешь все, о чем говорил отец?

Гата: — У нас с ним полное единодушие. Мы обсуждаем вместе все вопросы. Мне, конечно, жалко Ленинград, одноклассников, с которыми я учился, но еще более жаль своих друзей, которые не имеют возможности путешествовать по свету.

Руслан: — Свобода ни с чем не сравнимая вещь. Я предпочитаю быть разутым и босым, но не зависеть ни от каких чиновников.

— Как я понял, главная свобода — это поездки за границу. Гата, что для тебя означает это слово «заграница»? Ты сейчас за границей или для тебя заграница — Союз?

Гата: — Во всех странах есть свобода, кроме СССР, везде можно свободно ездить. В Союзе этой свободы нет.

Руслан: — Он достаточно ясно все сказал.

АБСОЛЮТНО ЧЕРНАЯ ПУСТОТА

ПЕСНЯ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Александр ТЕРЕХОВ

Юрий ФЕКЛИСТОВ (фото)

Осенью под ногами миллионов москвичей затикал разветвленный взрывной механизм. Столицу могло парализовать. Стачком Московского метрополитена сквозь зубы заговорил о предупредительной забастовке. Пассажирам стачком признался: метро опасно для жизни.

Листовка: «В настоящее время на метрополитене сложное сложилось, если не сказать чрезвычайное, положение с обеспечением безопасности перевозок... Ситуация с организацией пассажироперевозок практически вышла из-под контроля...»

Машинист Буробин, председатель стачкома: «Новые линии пускают впопыхах. Первый поезд еще не пошел, и песок в тоннелях сыплется, а ордена уже раздали. Аварии скрываются — мы все про это в КГБ написали! Надо престиж поднимать, а то берут в нашу милицию разную шелупонь из провинции. А дежурные по станциям? Вчера полы мыла, а сегодня по станции ковыляет. А ведь как раньше наше метро гремело!»

Забастовке заткнули рот.

Метро застыло под землей неподвижным штурвалом, который если и удастся повернуть, то только вместе со страной.

Мы так любили метро, что стало с этой любовью?

Чтобы разобраться в этом, нужна ночь. Ночь — это время любви.

Ночь — это пауза, это блаженство скупого рыцаря: спуститься под каменные своды и перебирать медленными пальцами сокровенное, не торопясь налево через переход, вниз по эскалатору, с радиальной на кольцевую, толкаясь — этими бы санками ему по башке! — почуять на лице печальный сквозняк пустых пройденных коридоров, побродить по забытым комнатам, трогая, вздыхая, плача и забывая, где ты сейчас.

И когда ты шагаешь по ночным застекленным льдом апрельским лужам, по голым улицам, как пересохшим руслам, к кровяной «М» на фасаде «Площади Революции», ты словно проваливаешься сквозь прогнившие этажи времени, и тебя за горло хватает мохнатой зелеными почками лапой другой апрель, твоей первой любовью, с ее посольством в каждой телефонной будке, где снимешь трубку и в ладони забьется гудками собственное сердце, и каждое негасимое окно ждет тебя, и радость — это боль... Вот и сейчас: как не было ничего потом, ведь то же небо, дома, апрель и ты, и не может быть, что этого больше нет,— надо только поискать по улицам, и обязательно встретишь, не может быть, чтобы это ушло, раз так больно, просто не судьба пересечься, не везет...

Хотя кто знает. Может, и к лучшему.

Скудеет шарканье в подземных переходах, все реже шелестящий листопад блестящих машин на почерневшем асфальте, ночь врастает косматым брюхом в затылки домов — ненасытный подземный спрут метрополитена собирает всенародный тихий съезд, созывая в глубокие мраморные норы не знающих дневного света сов в желтых безрукавках, служить первой, прекрасной любви социализма, построенной с опорой на собственные силы, в иронично ухмылявшемся окружении, на костях восьми веков, лучшему в мире московскому метро!

Метро кашляет в сырые платочки улиц, освобождая свои верные прошлому легкие от остатков очумевшего народа, недостойного своей первой любви.

«Последние валят гастрономы, министерские. С ресторанов — поддатый народ. Не так, как русский Иван — широка страна моя родная,— чинно. Мужик какой-то под закрытие ходит. Такой, с прибабахом. Осматривает так внимательно каждую женщину. Встанет на эскалатор и перекрестится. И замечаем: часто поднимается с разными дамами. Вот тут его как-то не было — так мы даже скучали! С Арбата даже не народ идет, разве это народ? Голые ходят. Ладно девчонки, а то у нее 58-й размер, а у нее ноги и спина наружу — тьфу! А вот «афганцы» на праздник шли — через турникеты сигали, все плафоны побили! А вот на большие мероприятия, когда закрываемся,— одно удовольствие: порядок, все с пропусками, военные».

«На «Площади Революции» глухие собираются, да, ну эти — глухонемые. Они раньше на «Новокузнецкой», теперь здесь толкутся, допоздна, шмотками торгуют, порнографией занимаются, в колпачки играют. Вечерами опасно — хулиганы задраться могут, подколоть. В последних поездах пьяного разуть, раздеть. Или: «Осторожно, двери закрываются»,— а он дверь попридержал, хвать шапку! — и бегом, ищи товарища. Да и сама милиция, мне кажется, карманы может почистить, а уж стукнуть или слово грубое сказать... Бабульки с вокзала просятся переночевать».

Все. Последней, короткой судорогой дергается эскалатор, и можно задохнуться безмолвием. Слабым эхом долетает снизу спешащее завывание бегущих в депо поездов. Зевающий постовой запирает двери — все. Начинается жизнь подземного хутора.

В каменном бункере под вестибюлем мотают на руки застиранные бинты две бабушки — машинисты эскалаторов,— их доля самая опасная. Вниз уходят узкие грязные канавы, до самого низа, до самой гребенки. Если среди бела дня эскалатор станет, бабушки за твердые пять минут должны взлететь вверх-вниз своими ногами. Одна ступенечка, которую можно повредить, зазевавшись с подъемом тележки-сумки, весит пятьдесят килограммов. Когда приходит ночь, машинисты должны протереть каждую ступеньку. Мифическим моющим раствором — реальным вонючим и разъедающим руки керосинчиком. По инструкции — неподвижное полотно, в жизни — пуская его на малом приводе, протягивая руки среди чавкающих железок. Один оборот — три часа. Коллектив коммунистического труда. Они величавы и кротки — как богоматери.

— Машина ведь... Она чувствует.

Ничего хорошего про метро вам не расскажут.
«Этот год — нашествие крыс, просто спасенья нет.
Поэтому столько опозданий поездов —
машинист вынужден тормозить,
когда рельсы перетекает сплошная
крысиная масса. Кто пытается ехать — крысы прямо
наматываются на колеса. Им в метро привольно —
воды полно да отбросов. Ведь и мяса перепадает —
сколько трупов прячется в метро,
бросают из последних поездов...»
«Видите, пришлось из метро урны убирать — опасаются
взрывных механизмов. Террористов никак не могут
переловить, ждешь катастрофы каждый час».
«Оборвался эскалатор, а под ним-то — вода,
сколько людей утопло, остались живы только те,
кто на фонарях зацепился.
А теперь еще людей похищать стали — шприцем в толпе
кольнут и тащат дальше как пьяного.
Метро — как омут, с концами...»
Это — вранье, но правда о метро не много веселей.

Ты с ней грубо — живо тебя утащит. Уцепит конец одежды — держи его. Попадает кто? Если опыта мало или наоборот — уже устал. Я четыре класса имею. Молодые приходят: понюхают и уйдут. Спать нельзя — придет начальник и пострижет, и премии лишит. Раньше вон и за книжку гоняли. Сидишь ночью, сидишь, и начинает казаться — в машинном зале кто-то есть. Выйдешь глянуть: нет там никого, кроме 380 вольт. А вообще мало ли что тут есть — Кремль же рядом.

Эскалаторы еще с открытия. Сохранились, правда, хорошо — видите ли, на ступеньках все больше стоят, а если и ступают, то на бегу, легонько. В метро лучше всего сохранился скелет ушедшего времени, это как Мавзолей. Ремонтировать трудно — все раскроют, а чем заменить?

За лимонными занавесками кассы звенящим водоворотом прыгают монеты в счетной машине. Сто рублей — это 666 пятнашек и два пятака. СОРА — это старший оператор разменных автоматов, кассир по-местному. Это Александра Николаевна Волкова, воротник — белый горошек на голубом, четверть века «батрачит», профессиональное заболевание — радикулит, начинала контролером, рвала билетики, чтобы «впредь недействителен».

Милая Александра Николаевна, впредь недействительно...

— А в метро набирали девочек только красивых, рослых. Бывало, стоим на контроле, одна краше другой, все по форме. С формой строго: солдатские шинели с погонами, беретки, туфли скромные, спортивные. Обязательно в чулках — не рекомендовалось сверкать. Платье военное тоже, но его берегли, черное что-нибудь под шинель натягивали, не цветастое, чтобы в прорезь не мелькало. Чисто было! Утром медсестра и новая дежурная станцию принимали: берут в руки ваточку или бинт и пробуют пыль. Или на пальцах: указательный — балюстрада, большой — скульптуры, средний — лавочки...

Она ставит чайник и обещает:

— Все пенсионеры. Уйдем — пешком будете ходить... А холодрыга была, все своими боками грели.

Я ступаю вниз по непривычно недвижным ступенькам меж круглых ламп, похожих на пушистые комки вербы с огненной гусеницей нити накаливания внутри.

Наверх по соседней тропе со смирением паломника, ползущего в святые места, бредет унылая фигура в зимней шапке и ремонтном жилете, не надеясь на порыв доброты дежурной по станции, могущей своей властью оживить эскалатор и с ангельским всемогуществом поднять душу, отошедшую от дел трудовых, в продуваемый сквозняками вестибюль. Встречному радуешься, как в пустыне. Встречный печален. Хотя аромат наших трудовых свершений — сивушный перегар, который он тащит за собой по ступенькам, как не собранный парашют,— позволяет предположить, что печаль эта умиротворенная.

Люстры висят как светильники в старом храме меж мертвых изваяний. Гоня перед собой ветер, катят хозяйственные поезда: проверять рельсы, подбивать шпалы, отвезти грунт для грибницы на «Смоленскую».

Хмуро конспектирует бархатный голос из селектора дежурная, например, Ира, обставленная старыми телефонами с мосластыми, как гантели, трубками, под сенью раздвижного багра, которым выуживают посеянные товарищами на полотно очки, ключи, деньги, расчески, ботинки, зажигалки, под образцом заполнения: «Утерянное удостоверение о праве на льготы на имя Стульева Ироднада Ивановича при обнаружении изъять и переслать на службу». В паузах ночи забываешь свое время.

Ира, бывшая портниха Дома моды, не могла отличить рельс от шпалы, теперь — «сто шестьдесят в зубы».

— А ведь некоторые наши селектора боятся,— подвела итог селекторным сообщением Ира.— Мрачноватая у нас станция?

Я киваю, обряжаясь в безрукавку с крестами «световозвращающего полимерного слоя», и становлюсь похож на рыцаря-тамплиера перед крестовым походом. В инструкции указано: «При общем загрязнении жилеты стираются в домашних условиях».

— Постоянная сухомятка,— загибает пальцы Ира.— Вдруг какому-то гражданину захотелось пива в тоннеле выпить, то подрались — один тоже в тоннель убежал. Так я приказы пиши, бригады предупреждай, сажай милиционера в кабину, чтоб поймал, еле вытащили его из перехода между тоннелями. А милиция-то ходит и бумажки за нами подмечает, а как драка в вагоне — не дозовешься. Пистолет вон у матроса воруют, партизана чуть толкни — вообще свалится. Санврач приезжает — вообще концерт. Какая там чистота... Записку на станции однажды нашла: «Люба, я тебя ждал и не дождался»,— заключает она довольно, мечтательно улыбаясь.

На пустой платформе под сенью грозных статуй крепкие мужики из бригады капремонта сражаются в картишки. Их удел — черная, ломовая работа. Тяжелей в метро нет ничего.

С тихим урчанием подкатывает катерок — мотовозка 908ДМ, нагруженная смолистыми шпалами. Бригада неспешно поднимается грузиться. Мастер Савельев, суровый товарищ с посеребренной головой, долго без выражения смотрит на мою новенькую жилетку и лениво спрашивает под нос:

— Поедем?

Мотовозка влетает в ребристое горло тоннеля, и пыльный ветер дышит в раскрытую дверь — мастер Савельев стряхивает в нее пепел, над головой качаются елочные игрушки в такт моей голове, в кабине лузгают семечки, спят или оцепенело смотрят глазами странников, как на продуваемой платформе, сбившись на расстеленных фуфайках в кучу, храня тепло между собой, лежит бригада, а еще дальше, на самом краю, с неподвижностью снежной бабы торчит одинокая женская фигура в черных мотоциклетных очках — помощник машиниста, она махнет, если что...

Короткими видениями проносятся мраморные берега станций, и мы опять пронзаем редкие браслеты света в бесконечном черном рукаве — свет нанизывается за нами в лучистое солнце,— мы не замечаем редких прохожих, жмущихся к стенам. Ночь, и нет времени, есть люди, которые спят каждый день и работают каждую ночь, которые перед сном смотрят «120 минут», а после сна программу «Время», которые по четверть века не работали на свету, а если повезет уйти на пенсию, а не приголубит инвалидность, и тогда будут тосковать по безмолвному величию не подвластных жизни станций, и черноте, и безлюдью — как они похожи на всех нас... И пытаться их понять безуспешно — мы себя не можем понять. Тоннель — без неба и земли — похож на исповедальню.

Женщина возносит руку — наш километр, мотовозка теряет ход, все медленнее проносятся круглые ребра тюбингов — тише, едва-едва, стоп.

Бригада молча сидит, не двигаясь со своих фуфаек — как греки, которые приплыли отвоевывать Прекрасную Елену и узнали, что, кто первым ступит на троянский берег, погибнет.

Женщина пробирается в кабину и сдирает с лица очки, устраиваясь на лавочке: те два часа, которые бригада будет менять шпалы,— ее законное время.

— Красивые у вас очки.

Она оценивающе покосилась на меня и деловито спросила:

— А все остальное?

Заверив во всем остальном, я вываливаюсь из кабины и пытаюсь разглядеть на шершавых сводах цифры времени: над головой 25 метров земли, Покровский радиус заработал в 1938 году, над головой чугунные тюбинги — время чугуна.

И вдруг тоннель окольцовывается гирляндами желтого света — все, напряжение сняли, будто обмяк громоздкий контактный рельс,— можно работать, и все шевелятся, будто напряжение проходило через человеческие тела. Люди прыгают вниз, и туда же с гулким протяжным стоном падают одна за другой семидесятикилограммовые шпалы.

— Черные, как из Анголы,— замечает по поводу шпал бригадир.

«Всеми признано, что ни в одной стране нет такого красивого, технически совершенного и удобного метрополитена, как московский. Сталинская забота о человеке чувствуется в нем на каждом шагу». И. Новиков, начальник Московского метрополитена им. Л. М. Кагановича».

Прошлой ночью вырезаны прогнившие куски шпал, отбойными молотками вырублены в бетоне зернистые могилы для свежих — кувалды сбивают накладки с рельсов. Бригада обсчиталась на одну шпалу и теперь несет ее на руках с убравшейся подальше мотовозки, согласно шагая,— как гроб.

«Открытие предполагается ко второй пятидневке марта».

«Архитектурное оформление станций и вестибюлей второй очереди, несомненно,— дальнейший шаг вперед, новый этап в отражении величия сталинской эпохи в архитектуре».

В начале марта 1938-го по соседству с «Площадью Революции» началось воздвижение еще одного сооружения, достойного величия сталинской эпохи,— процесса антисоветского правотроцкистского блока.

«Расстрелять презренных фашистов». «Никакой пощады предателям». «Расстрелять злодеев всех до одного». «Нет места на нашей советской земле этим кровавым палачам и предателям!»

В тоннеле — пустыня, иногда — крысы, мыши, ближе к улице — воробьи и голуби, совсем редко — кошка, как снежный человек.

— Вот... работаем,— делает жест рукой мастер Савельев, под ударами кувалды коротко мигает колючая злая искра.— Весь инструмент — ломики, топоры, кувалды.

Под шпалами сочится медленная черная вода.

— Эта бригада — зубры. Сейчас чепуха — сорок шпал всего-то. А когда за ночь двенадцать человек меняют рельсы на четырехстах метрах пути — это три с половиной тонны на каждого. Сюда от хорошей жизни не идут. Только из-за детей. Некому сидеть. Он с работы придет — ребенка в школу или детсад. Проснется — ребенка обратно. Сейчас еще потянулись сокращенные. В субботу утром придешь — ложиться нельзя, терпи — тогда, может, повезет: ночью уснешь. Здесь строго — примочить нельзя.

«Шакалы фашизма». «Они поплатятся своей головой». «Гнусные подонки человечества». «Смерть злодеям». «Раздавить ядовитую гадину». «Настал час расплаты». «Подлейшие из подлых». «Фашистские волки». «Каждый гад будет уничтожен».

На сточной решетке прилип сиреневый проездной билет, здесь — словно зеленый росток.

Воет «мотоцикла» — пила, обрезая длинную шпалу. Мастер Савельев спрашивает у своей ноги:

— Играет шпала, нет? — И учит молодого:— Тебе же сказали: с топориком иди!

«На Покровском радиусе будут курсировать усовершенствованные составы. Вагоны окрашены в голубой цвет и комфортабельно оборудованы. Движение на Покровском радиусе откроется 13 марта».

Вечером двенадцатого марта подсудимому Бухарину предоставили последнее слово.

В 4 часа утра 13 марта начали читать приговор. Закончили около половины пятого. Большинству — расстрел.

В шесть утра пошел первый поезд. По рельсам.

14 марта газеты рассказали: «На метро царило вчера большое оживление. Много москвичей пришли задолго до открытия движения, чтобы первыми проехать по новой линии и осмотреть станции «Площадь Революции» и «Курскую»... На станции «Площадь Революции» пассажиры подолгу останавливались перед скульптурами... Эксплуатационный персонал вновь открытого радиуса, состоящий преимущественно из молодежи, хорошо справлялся со своими обязанностями».

В ночь на 15 марта приговор привели в исполнение.

Я бросаю монетку посреди черных шпал и уходящих в холодный мрак блестящих струн рельсов... Хотя не хочется вернуться. Хочется — не забыть, я иду в сторону «Площади Революции», держась той стороны, которой надо держаться, если хочешь дойти, светоотражающие полосы пылают нежгучими крестами на спине и груди.

«Приговор суда зовет нас к новым победам».

«На снимке: пассажиры на станции «Площадь Революции».

Покровский радиус потому, что Покровские ворота, и потому, что кровь. А восемьдесят статуй на «Площади Революции» — как символ восьмидесяти прожитых нами и еще грядущих лет?

И я шел, как ненужный, чужой комок, проглатываемый голой глоткой тоннеля, в котором только ветер и люди — последние заложники сталинской бессонницы,— по подземной стране, от околотка к околотку, возвращаясь в свое время, а все, что было вокруг...

Вскочили столбами во мраке, бросив курить, четыре смущенных товарища и в лучших армейских традициях изобразили трудовой процесс посредством опоры на ручки лопат, с осторожным любопытством осматривая прохожего...

В убогой пещере за маленькой дверцей, в неровных лужах света копошились, увертываясь от воды, сочащейся с потолка, одетые в фуфайки люди. Один, смущенный, не дыша в мою сторону, еле отошел к стене, облокотился, чуть не упав на трубу неизвестного назначения, и пустил проверки ради громадный вентилятор — тот завыл. Это несчастные «эсмэсы» — слесари по ремонту, самая грязная и мокрая служба,— все руками своими, латают то, что нечего уже латать, коченеют в вентиляционных шахтах, которые против здравого смысла, но в соответствии с технологией зимой гонят стужу в метро, летом — выгоняют наружу тепло. Каждую ночь — тут в субботу не уснешь, если не выпьешь.

Катят свою тележку по рельсам тихие дефектоскопистки, идет вдоль своей «нитки» уважаемая Анна Алексеевна — обходчик, двадцать три подземных ночных года ради детей, в правой руке — фонарь, в левой — молоток, на стыке шесть бол-

тов, целые стыки — они звонкие; в пакетике: рабочая книжка, кружка и поесть, все вещи в мешок и на тележку — оставить негде. Чай можно на Арбате попить, можно и к местной дежурной сбегать, но какая дежурная... А то и погонит. Тут выборы были, пришла с работы, проголосовала, чтобы не будили потом, и спать. За кого? А хрен его знает, он что, квартиру, что ли, даст? Одна беда — в поездах первых ехать страшно, в первый вагон садиться надо, чтоб к машинисту... Если что...

Сначала очередной гирляндой света, потом белесым пятачком, потом белой воронкой появилась впереди станция, величавая, непривычно огромная, светлая, наполненная тишиной и покоем, перекрывающая грустные песни тоннеля веселой, жестокой радостью. Ногой на мирный пока контактный рельс, и ты уже на платформе, где тягает тудасюда свою машину механик моющих машин — МУМ, которого в народе жалостно кличут «муму». И она закончит сейчас, поправит косынку и скажет тоже свое:

— Вот раньше давали шесть-пять кусков мыла в месяц. И полведра соды! А теперь? Один кусок, один! На три — три! — месяца. Мешковины и той нету. Кооперативы замучили: сколько бумажек от их пирожков. Машины мои... Тридцатка воду льет, а сорок первую — с места не сдвинешь!

У нее за спиной — вход в тоннель, где прячется ночь, а утро, что же утро — это не пробуждение, это начало сна, когда ты знаешь цену ночи, ты не веришь утру, паузы разрушают жизнь, и что остается, когда мы слишком знаем про себя?

Из последнего слова подсудимого Бухарина:

«Ибо, когда спрашиваешь себя: если ты умрешь, во имя чего ты умрешь. И тогда представляется вдруг с поразительной ясностью абсолютно черная пустота».

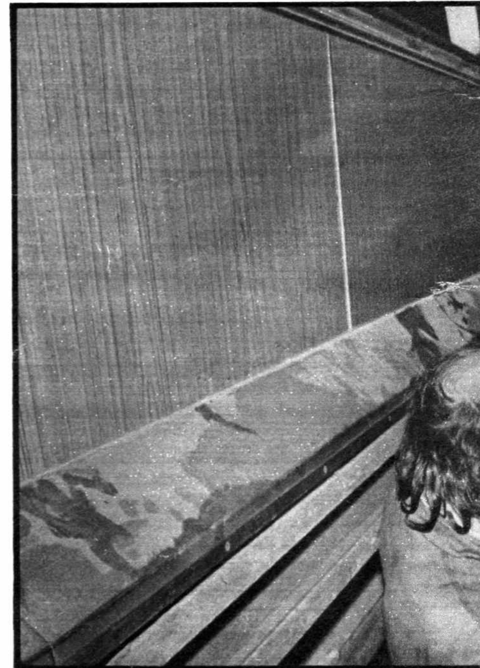
И выйти на середину станции, где железные люди — крестьянка, скло-

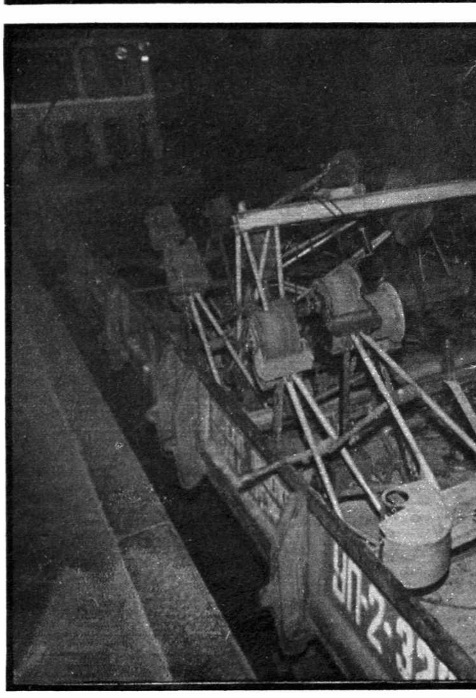

нившаяся над тучными курами, в ее руку чья-то добрая рука поместила сигарету; никогда не бастующий шахтер в резиновых сапогах; бессонный инженер с шестерней, как с яблоком раздора, выстелив салфеткой на коленях гнутый свиток; непримиримый матрос; жилистые руки партизана в лаптях; вихрастые девочки над глобусом, поместив палец там, где прекрасная Родина; женщина с винтовкой и женщина с парашютом, ноги в вязаных носках; агроном в лихой кепке утюгом сидит на тракторной гусенице с густым пучком запыленного злака в руке — открытые, поразительно незнакомые лица, гранаты, пистолеты, затворы, горящие яичными желтками от касаний,— их так часто трогают руками проходящие внуки их, словно призывая заколдованное поколение встать, подняться по крутым эскалаторам, мертвыми колоннами выйти на площади, захлопнуть затворами тоннели, вернуть ясность заблудшему времени, которое тянется жадными руками вниз, к подземному созвездию, к кольцу, где хранит Кощей свою жизнь, тянется забастовками, грабежами, грязью, пустотой...

А первая любовь... Вся ее рвущая душу сила в ее вечном расположении в весенней сумятице ливней, в апрельских пьянящих просторах, наперекор жрущему все времени, не подвластная праху земли, оставаясь в дыхании каждом, обвале воспоминаний и бездне отчаянья ангеломхранителем и змеем-искусителем, в том, что даст возможность человеку оправдаться, когда он поймет среди осени, что кончена жизнь... И не дай бог встретиться с ней потом, лоб в лоб, и увидеть ее подвластность времени и мирским соблазнам, отвратительное увядание и невозможную раньше телесность, увидеть все, что лишит тебя апрельской муки и наивно-детской веры, что где-то есть, живет, просто встретиться не судьба; и это вычеркнет ее, вырвет, вышвырнет из твоей души, из тайников, где с самого детства победный размах ворот Зимнего, ревущая лава красной конницы, высокие

домны и крепкие улыбки, горькая победа в великой войне и покоренная целина, Сибирь и первый, самый первый день, когда мама привела тебя — а ты в колготках с «пузырями» — к памятнику в центре города и сказала: «Вот это...»

Что же остается тогда? Ради чего ты умрешь?

Две женщины — «сооруженцы» — моют швабрами скульптуры. Одна улыбается мне:

— Новые станции — все мел да кафель, поезд прошел, и плитка посыпалась... Вот Арбат — станция как хрусталь. Уже двадцать пять лет здесь. Пять ночей в неделю. Муж поначалу ярился, а теперь, когда уже пенсия подвалила,— все равно. Прошла жизнь, эх...

Она наклоняется к ведру и прыскает:

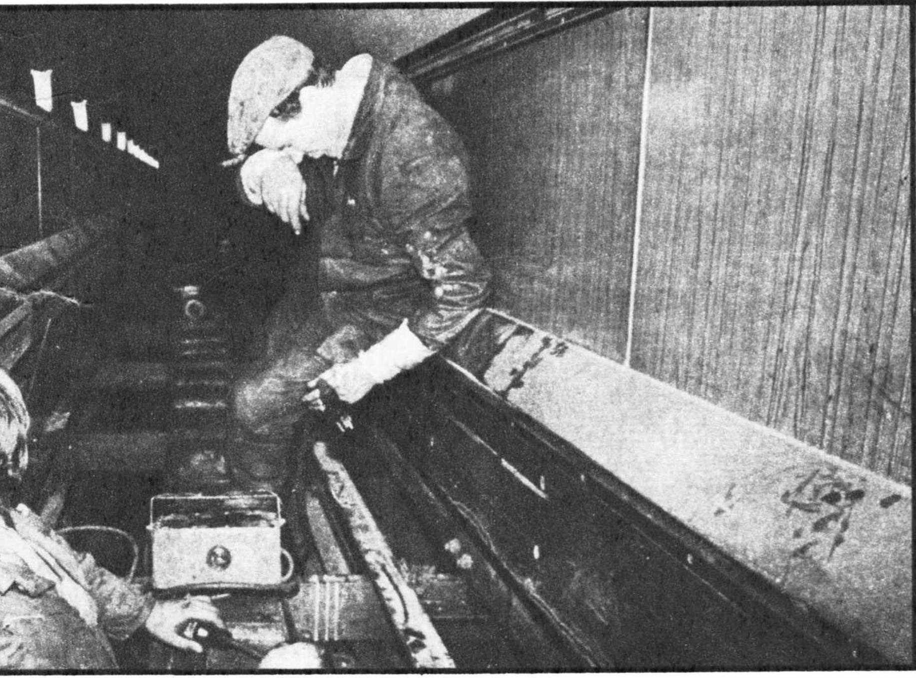
— Дренаж мыли... Я говорю: «Тамар, смотри, крыса!» — а она юрк в дренажную канаву, я туда струю! Крыса ка-ак выскочит — я чуть разрыв сердца не получила. Раз даже работа приснилась — дренаж какой-то мыли. Видишь, уж пальцы от воды не сгибаются — прошла жизнь, прошла...

Она уходит в тоннель и просит на прощание:

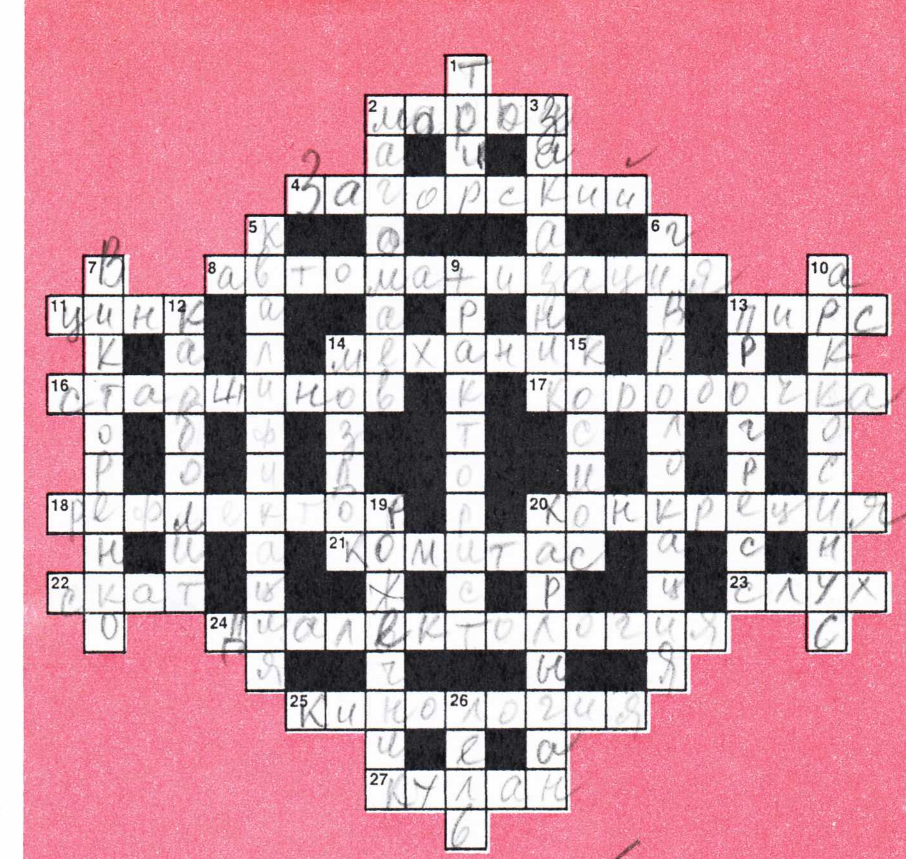
— Написал бы — вот урны с платформ убрали, бумажки кидают на путь.— И с чувством: — Плохо без урнов.

Проходит последний хозяйственный поезд, оставляя за собой слабый гул, свет меловыми языками лижет стены — здесь всегда полдень, ночи нет, на лавках пластаются усталые товарищи, познав всю старческую ложь зовущей стрелки «Выход в город»,— никакого выхода нет, ты не пожалеешь своих ног и отсчитаешь две сотни ступенек до верха, и постовой откроет тебе отвоеванную зимой весеннюю ночь с редкими тенями ранних рабочих или ночевавших любовников, и ты вздрогнешь, ступив на лужу — под ногами лед,— это удивительное счастье хрустеть льдом.

Ты сегодня среди тех, кто идет по пустым улицам, клюет носом в стакан чая, провожает на работу и учебу, чистит зубы с закрытыми глазами, обесточивает кипящий очередным съездом телевизор, с металлическим шорохом запахивает шторы и пускает в свое тело спасительный сон. Чтобы проснуться и со спокойным отчаянием увидеть, как слепым, студеным светом ломится в пыльные окна тоскливый полдень.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Рассказ А. П. Чехова. 4. Анатом и физиолог, академик, основатель первой русской анатомической школы. 8. Применение методов и систем управления, освобождающих человека от непосредственного участия в производственных процессах. 11. Химический элемент, металл. 13. Причальное сооружение для швартовки судов с двух сторон. 14. Специалист, наблюдающий за работой машин. 16. Советский хоккеист, двукратный чемпион Олимпийских игр. 17. Персонаж произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души». 18. Телескоп. 20. Минеральное образование округлой формы в осадочных горных породах. 21. Классик армянской музыки, композитор, дирижер. 22. Крупная морская рыба с плоским телом. 23. Одно из пяти внешних чувств. 24. Раздел языкознания. 25. Наука о собаках. 27. Животное рода лошадей, обитающее в Туркмении.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Город, в котором родился Карл Маркс. 2. Азербайджанский певец, народный артист СССР. 3. Вид заповедника. 5. Профессия, специальность. 6. Определение местонахождения и скорости движения подводных объектов. 7. Советский космонавт. 9. Сельский механизатор. 10. Обратная тригонометрическая функция. 12. Синтетический полимер. 13. Наименование советских транспортных космических аппаратов для доставки грузов. 14. Город в Северной Осетии. 15. Серия советских искусственных спутников Земли. 19. Музыкант, исполнитель на духовом народном инструменте. 20. Хребет в Западном Саяне. 26. Пастух в опере Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка».

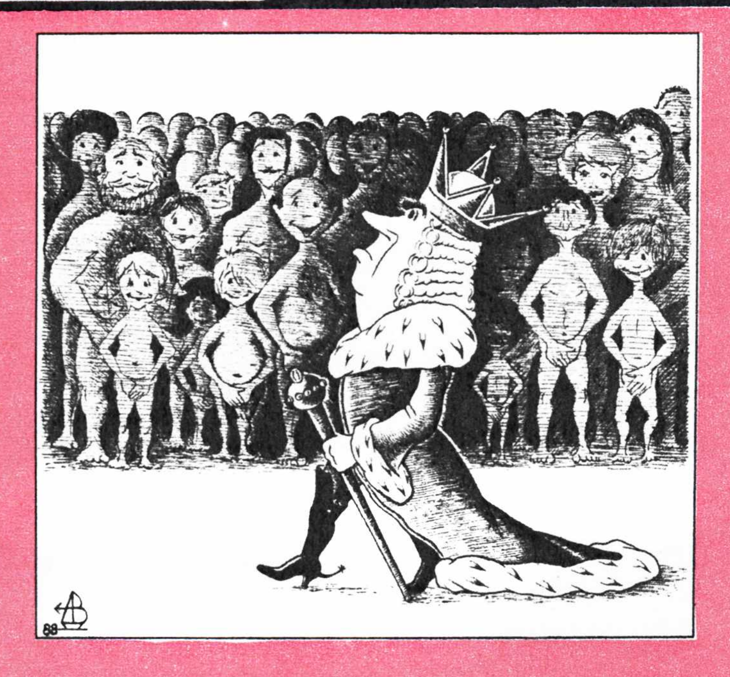
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. «Отверженные». 6. Реформа. 8. Неретва. 10. Нерпа. 11. Дурова. 12. Матрос. 13. Манто. 15. Гоголева. 17. Карусель. 19. Экспромт. 20. Яблочков. 21. Ампир. 22. Цадаса. 24. Маморе. 26. Глиэр. 28. Ящерица. 29. Армавир. 30. Леонкавалло.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Долото. 2. Пекан. 3. Юнона. 4. Десерт. 6. Радиолокация. 7. Транскрипция. 9. Акселерометр. 13. Мальта. 14. Окуляр. 16. Лавр. 18. «Утро». 23. Апрель. 25. Мрамор. 26. «Гаянэ». 27. Рабат.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Андрея ВАНСОВИЧА.

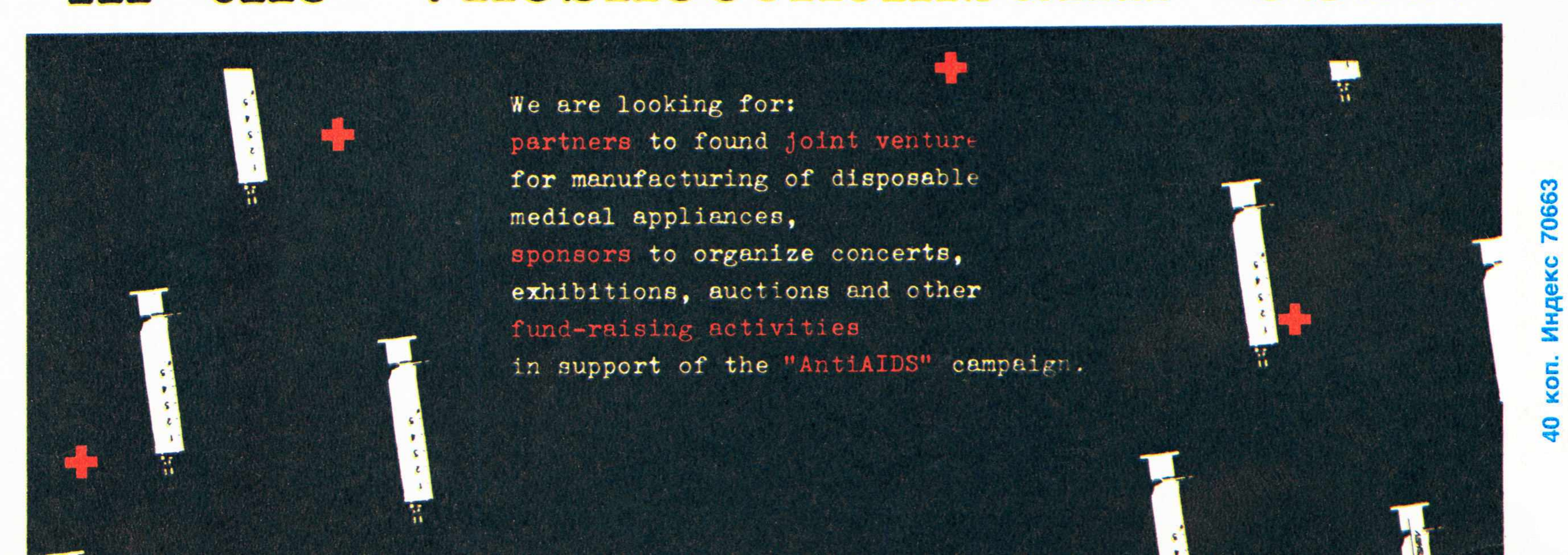
ОГОНЁК

More than 120 children today -
and there will be many thousands
more tomorrow -
infected with HIV in Soviet hospitals
because of the lack of
disposable syringes etc.
To buy them we need your help!

«OGONYOK» charity hard currency account «ANTIAIDS»

№ 7000015

in the Vnesheconombank USSR

40 коп. Индекс 70663